

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (22)

Сыктывкар, 2018

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2018. № 2 (22).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2018

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

Е-mail: zherebtsov@mail. illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Мацук М.А. (Сыктывкар). Дворность населенных пунктов как показатель колонизационных процессов в Коми крае конца XVI века	4
Башнин Н.В. (Санкт-Петербург). Историко-демографическая характеристика вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии в Яренском уезде в первой трети XVII века	13
Чагин Г.Н. (Пермь). Крестьянская семья на севере Чердынского уезда в XVII – начале XX века	17
Трифонов Е.К., Фахриев Р.Т. (Сыктывкар). Потери среди уроженцев Коми края, участников Русско-турецкой войны 1877–1878 годов	23
Золотарев О.В. (Сыктывкар). Отношение населения Коми автономии к работе по ликвидации неграмотности (1920–1930-е годы)	28
Мацук А.М. (Сыктывкар). Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в 1950–1980-х годов: сходства и различия	32
Бубличенко В.Н. (Ухта). Изменение состава несовершеннолетних детских трудовых колоний НКВД – МВД СССР в 1940-е годы	36
Попова Л.А. (Сыктывкар). Развитие брачно-семейных отношений в Республике Коми в 1920–1990-е годы	38
Задкова Т.Ю. (Саранск). Брачность и разводимость в Мордовской АССР в послевоенный период	45
Власова В.В. (Сыктывкар). Православное таинство крещения в советский период: официальная статистика и реальность (на примере сельских районов Республики Коми)	50
Уваров С.Н. (Ижевск). Влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 годов на демографические процессы в Удмуртии	57

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Хашба А.Ш. (Сухум). Современные демографические процессы в селе Хуап Гудаутского района Республики Абхазия	63
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

Черкасова М.С. (Вологда). Сравнительные методы демографического изучения монастырей в XVII – начале XVIII века	67
Лейман И.И. (Сыктывкар). Военно-статистическое обозрение Российской империи как источник изучения состояния путей сообщения и торговли на Европейском Севере России в середине XIX века	71
Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. (Пермь). Источники по этнодемографической истории крестьянского населения Пермской губернии второй половины XIX века	76

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

II Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии (Информационное письмо)	80
II съезд историков Республики Коми (Информационное письмо)	81

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94:314(470.13)"15"

М.А. Мацук*

Дворность населенных пунктов как показатель колонизационных процессов в Коми крае конца XVI века**

В статье рассматривается вопрос о дворности населенных пунктов Коми края конца XVI столетия. Предпринимается попытка представить данный фактор как показатель проходивших колонизационных процессов. На основании материалов ономастики выдвигается гипотеза о значительной русской колонизации вычегодских земель в середине – второй половине XVI века.

Ключевые слова: Коми край, народонаселение, колонизация территории, коми, русские, XVI век

М.А. Matsuk

The density of settlements as an indicator of colonization processes in the Komi region of the end of the 16th century

The article deals with the question of the density of settlements in the Komi region of the end of the 16th century. An attempt is made to present this factor as an indicator of the colonization processes that have taken place. On the basis of the materials of onomastics, a hypothesis is advanced on the significant Russian colonization of Vychegda lands in the middle – second half of the 16th century.

Key words: Komi region, population, colonization of the territory, komi, russian, XVI century

От конца XVI века до нас дошли несколько отрывков писцовой книги будущего Яренского уезда 1585/86 года. Это копии с оригинального документа, так называемые сотные списки или просто «сотные». Сотные выдавались представителям местного самоуправления крупных волостей (например, волость Ужга, волость Глотова слободка) и так называемых «земель» (например, Вычегодская земля, Сысольская земля) по их просьбе для нужд налогообложения и внутреннего судопроизводства. Чаще всего руководители волостей обращались к центральным властям для получения сотных после того, как аналогичные документы, выданные им сразу после проведения описаний, уничтожались огнем во время пожаров.

Оригинальная версия писцовой книги 1585/86 года до нашего времени не сохранилась. По некоторым сведениям, она погибла во время одного из московских пожаров XVII в. В 1970 г. историки А.А. Зимин (Москва) и А.И. Копанев (Ленинград) опубликовали найденные ими сотные на Вычегодскую землю, Сысольскую землю, волости Ужга и Глотова слободка [1]. Эти документы находились в разных хранилищах Москвы и Ленинграда, и публикаторы провели большую работу по их выявлению, копированию, археографической обработке текстов и корректорской работе во время публикации. Таким образом, благодаря деятельности А.А. Зимина и А.И. Копанева мы имеем доступные документы конца XVI столетия по большей части Коми

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, michailmatsuk@rambler.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

края. В то же время отсутствуют подобные документы по Вымской земле (включая Вишерскую волость), по волости Удора и по Усть-Вымской вотчине вологодских архиереев. Нет документов этого времени по северной части Коми края – будущему Пустозерскому уезду.

После публикации А.А. Зимина и А.И. Копанева несколько исследователей анализировали представленные документы, в том числе и по структуре расселения жителей и по численности населения края. Наиболее подробно эти вопросы раскрыты в трудах Н.П. Воскобойниковой и И.Л. Жеребцова.

Всего в южных и северо-западных районах Коми края, охваченных описанием 1585/86 года, было зафиксировано в опубликованных документах: 11 волостей в Сысольской земле, одна волость в Ужге, две волости в Готовой слободке, 10 волостей в Вычегодской земле. Всего 24 волости. В волостях были разные по числу дворов населенные пункты. Их дворность колебалась от одного до 47 дворов в населенном пункте. В разрезе погостов-волостей данные представлены ниже в табл. 1, в которой отмечается число населенных пунктов, имеющих то или иное количество дворов.

Таблица 1

Дворность в Коми крае в конце XVI века

Волости	Число дворов									
	1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.	8 дв.	9 дв.	10 дв.
Вычегодская земля										
Ирта	4	2	3	2	3	–	2	1	–	–
Цылиб	5	2	2	2	1	1	–	–	–	–
Лена	7	5	5	2	2	–	1	–	–	–
Вадья	5	11	–	–	1	–	–	–	–	1
Туглим	2	1	1	2	–	–	1	–	1	–
Ошляпье	7	5	2	1	1	–	–	–	–	–
Шоном	25	17	9	4	2	2	1	–	–	–
Жошерг	–	–	1	1	–	–	–	1	–	–
Гам	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Шожем	–	–	–	1	–	2	1	–	–	–
Итого	55	43	23	15	10	5	6	2	1	1
Глотов слобода	1	1	1	–	–	–	–	–	1	–
Кослан	–	–	1	–	1	–	–	1	1+ 1	1
Итого	1	1	2	–	1	–	–	1	2+ 1	1
Ужга	2	1	–	–	1	–	–	–	1	1
Сысольская земля										
Вотча	–	1	6+2	2+1	–	–	–	–	–	–
Визенга	5	4	9	1	1	2	–	–	1	–
Кибра	11	4	3	1	3	1	–	–	1	–
Пыелда	20	5	6	1	1	1	–	–	–	–
Межадор	–	1	–	1	1	1	–	–	1	–
Иб Большой	2	3	–	2	4	1	–	–	–	–
Иб Меньшой	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–
Гарья	1	1	3	–	–	–	–	–	–	–
Пажга	4	6	1	1	–	–	1	–	–	–
Шошки	10	6	2	1	1	–	–	–	–	–
Усть Сысола	8	6	3	–	1	1	1+1	1	1	–
Итого	61	37	34+2	10+1	12	8	3+1	1	4	–
Итого по Коми краю	119	82	59 + 2	25+ 1	24	13	9 + 1	4	8+1	3

Продолжение табл. 1

Дворность в Коми крае в конце XVI века

Волости	Число дворов									
	11 дв.	12 дв.	13 дв.	14 дв.	15 дв.	16 дв.	17 дв.	18 дв.	19 дв.	20 дв.
Вычегодская земля										
Ирта	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Цылиб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Волости	Число дворов									
	11 дв.	12 дв.	13 дв.	14 дв.	15 дв.	16 дв.	17 дв.	18 дв.	19 дв.	20 дв.
Лена	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Вадья	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Туглим	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ошлапье	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Шоном	—	1	—	—	1	1	1	—	—	—
Жошерг	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шожем	1	1	—	—	1	—	—	1	1	—
Итого	1	2	—	2	4	1	1	1	1	—
Глотова слобода	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Кослан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Ужга	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Сысольская земля										
Вотча	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Визенга	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кибра	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пыелда	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Межадор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иб Большой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иб Меньшой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гарья	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пажга	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шошки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Усть Сысола	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по Коми краю	1	2	1	2	5	1	1	1	1	—

Окончание табл. 1

Дворность в Коми крае в конце XVI века

Волости	Число дворов				
	25 дв.	30 дв.	32 дв.	45 дв.	47 дв.
Вычегодская земля					
Ирта	—	—	—	—	—
Цылиб	—	—	—	—	—
Лена	—	—	—	—	—
Вадья	—	—	—	—	—
Туглим	—	—	—	—	—
Ошлапье	—	—	—	—	—
Шоном	—	—	—	—	—
Жошерг	—	—	—	1	—
Гам	—	—	—	—	1
Шожем	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	1	1
Глотова слобода	—	—	1 + 1	—	—
Кослан	—	—	—	—	—
Итого	—	—	1 + 1	—	—
Ужга	1	—	—	—	—

Волости	Число дворов				
	25 дв.	30 дв.	32 дв.	45 дв.	47 дв.
Сысольская земля					
Вотча	—	1	—	—	—
Визенга	—	—	—	—	—
Кибра	—	—	—	—	—
Пыелда	—	—	—	—	—
Межадор	—	—	—	—	—
Иб Большой	—	—	—	—	—
Иб Меньшой	—	—	—	—	—
Гарья	—	—	—	—	—
Пажга	—	—	—	—	—
Шошки	—	—	—	—	—
Усть Сысола	—	—	—	—	—
Итого	—	1	—	—	—
Итого по Коми краю	1	1	1 + 1	1	1

Как распределялись разнотворные населенные пункты в волостях? Одиотворные населенные пункты зафиксированы в 17 волостях, двухдворные поселения были в 19 волостях. Населенные пункты, имевшие по три двора, были в 18 волостях. По четыре двора в населенном пункте – в 16 волостях, по пять дворов – в 15 волостях, по шесть дворов – в 10 волостях, по семь дворов – в девяти волостях, по восемь дворов – в четырех волостях, по девять дворов – в восьми волостях, по 10 дворов – в трех волостях, по 11 дворов – в одной волости, по 12 дворов – в двух волостях, по 13 дворов – в одной волости, по 14 дворов – в двух волостях, по 15 дворов – в пяти волостях, по 16 дворов – в одной волости, по 17 дворов – в одной волости, по 18 дворов – в одной волости, по 19 дворов – в одной волости, по 25 дворов – в одной волости, по 30 дворов – в одной волости, по 32 двора – в одной волости, по 45 дворов – в одной волости и по 47 дворов – в одной волости.

Итак, мы видим, что крупные населенные пункты (от 15 дворов и выше) присутствовали в малом количестве волостей (от одной до пяти, в среднем 1,4 волости). Средние населенные пункты (от шести до 14 дворов) – от одной до 10 волостей (в среднем 4,44 волости). Мелкие населенные пункты (от одного до пяти) были в значительном числе волостей – от 15 до 19 волостей (в среднем 17 волостей).

Всего в крае был зафиксирован 371 населенный пункт, имевший жилые и пустые дворы. И из них мельчайших населенных пунктов было подавляющее количество: одиотворных – 119 и двухдворных – 82. Всего 201 населенный пункт или 54,18%. Если же брать мелкие населенные пункты (от трех до пяти дворов), то их – 111 населенных пунктов, или 29,92%. В сумме мельчайшие и мелкие населенные пункты дали 312 населенных пунктов, или 84,1% всех населенных пунктов края, отмеченных в опубликованных документах. То есть, Коми край конца XVI столетия состоял в основном из малодворных поселений.

Если посчитать число дворов, приходившихся на эти поселения, то получается следующая картина: в одиотворных – 119 дворов, в двухдворных – 164 двора, в трехдворных – 177, в четверодворных – 100 дворов и в пятидворных – 120 дворов. Всего 680 дворов в малодворных поселениях.

В населенных пунктах среднего размера был 351 двор. И в крупных населенных пунктах – 324 двора. Всего 1355 жилых и пустых дворов. То есть, в крупных поселениях было сосредоточено 23,91% дворов, в средних – 25,9% дворов, в мелких – 50,18% дворов. Таким образом, в мелких населенных пунктах находилось лишь около половины всех наличных дворов. А если мы выделим мельчайшие населенные пункты (1–2 двора), то в них было 20,89% дворов. Получается вывод, противоречащий сделанному нами ранее. Да, малодворные поселения в целом составляли большинство населенных пунктов, но в них проживала только половина наличного населения.

Этот парадокс заставляет нас пристальнее посмотреть на феномен мельчайших поселений в крае. Известно, что существование таких поселений (одиотворных и двухдворных) может объясняться: 1. или природно-климатическими и ландшафтными условиями (недостаток годных для сельскохозяйственного освоения земель из-за болотистой или иной местности (овраги и т.д.)). В данном случае крестьяне вынуждены жить обособленно от других. 2. Или целенаправленным созданием малодворного (одиотворного, двухдворного) поселения типа хутора или обособленного поместья богатыми крестьянами. 3. Или колонизационными процессами освоения новой территории. В данном случае одиотворные и двухдворные поселения – это поселения пионеров, к которым впоследствии присоединяются другие крестьяне. Проверить эти варианты возможно путем сопоставления имеющегося материала ранней поры с документами более поздней поры.

Прежде всего, пристальнее посмотрим на сам факт наличия в волостях мельчайших поселений. Мы уже сказали, что однодворные поселения были в 17 волостях, а двухдворные – в 19 волостях из 24 наличных. Оба типа поселений зафиксированы в Вычегодской земле в волостях: Ирта, Цылиб, Лена, Вадыя, Туглим, Ошлапье, Шоном; в погосте Глотова Слобода одноименной волости; в волости Ужга; в Сысольской земле в волостях: Визенга, Кибра, Пыелда, Иб Большой, Гарья, Пажга, Шошка, Усть Сысола. Кроме того, двухдворные населенные пункты были в волостях: Вотча и Межадор Сысольской земли. Определим процент в сумме и отдельно однодворных и двухдворных поселений в общем числе населенных пунктов указанных 17-ти волостей.

Таблица 2

Доля однодворных и двухдворных поселений в общем количестве населенных пунктов по описанию 1585/86 года

Волости	1 дв.	2 дв.	1 дв.+2 дв.	Всего н.п.	% 1-двор.	% 2-двор.	% 1+2-дв.
Ирта	4	2	6	18	22,22%	11,11%	33,33%
Цылиб	5	2	7	13	38,46%	15,38%	53,85%
Лена	7	5	12	23	30,43%	21,74%	52,17%
Вадыя	5	11	16	18	27,78%	61,11%	88,89%
Туглим	2	1	3	8	25%	12,5%	37,5%
Ошлапье	7	5	12	18	38,89%	27,78%	66,67%
Шоном	25	17	42	64	39,06%	26,56%	65,63%
Глотова слобода	1	1	2	7	14,29%	14,29%	28,57%
Ужга	2	1	3	8	25%	12,5%	37,5%
Визенга	5	4	9	23	21,74%	17,39%	39,13%
Кибра	11	4	15	24	45,83%	16,67%	62,5%
Пыелда	20	5	25	34	58,82%	14,71%	73,53%
Иб Большой	2	3	5	12	16,67%	25%	41,67%
Гарья	1	1	2	5	20%	20%	40%
Пажга	4	6	10	13	30,77%	46,15%	76,92%
Шошка	10	6	16	20	50%	30%	80%
Усть-Сысола	8	6	14	23	34,78%	26,09%	60,87%

Итак, в 10 волостях из 17 доля населенных пунктов, состоявших из мельчайших дворов, превышала 50% общего числа населенных пунктов волости. А в волостях Вадыя Вычегодской земли и Шошка Сысольской земли была равна и превышала 80%.

Посмотрим на состояние населенных пунктов указанных 10 волостей (Цылиб, Лена, Вадыя, Ошлапье, Шоном, Кибра, Пыелда, Пажга, Шошка, Усть-Сысола) в 1608 [2] и 1646 [3] гг.

Таблица 3

Доля однодворных и двухдворных поселений в общем количестве населенных пунктов по описанию 1608 года

Волости	1 дв.	2 дв.	1 дв.+2 дв.	Всего н.п.	% 1-двор.	% 2-двор.	% 1+2-дв.
Цылиб	4	2	6	13	30,77%	15,38%	46,15%
Лена	7	6	13	23	30,43%	26,09%	56,52%
Вадыя	6	6	12	18	33,33%	33,33%	66,67%
Ошлапье	8	2	10	19	42,11%	10,53%	52,63%
Шоном	21	16	37	59	35,59%	27,12%	62,71%
Кибра	7	2	9	21	33,33%	9,52%	42,86%
Пыелда	16	4	20	33	48,48%	12,12%	60,61%
Пажга	3	6	9	13	23,08%	46,15%	69,23%
Шошка	8	6	14	18	44,44%	33,33%	77,78%
Усть-Сысола	5	3	8	20	25%	15%	40%

Таблица 4

**Доля однодворных и двухдворных поселений
в общем количестве населенных пунктов по переписи 1646 года**

Волости	1 дв.	2 дв.	1 дв.+2 дв.	Всего н.п.	% 1-двор.	% 2-двор.	% 1+2-дв.
Цылиб	6	4	10	17	35,29%	23,53%	58,82%
Лена	7	2	9	27	25,93%	7,41%	33,33%
Вадья	4	9	13	23	17,39%	39,13%	56,52%
Ошляпье	12	3	15	24	50%	12,5%	62,5%
Шоном	16	15	31	65	24,62%	23,08%	47,69%
Кибра	5	3	8	21	23,81%	14,29%	38,1%
Пыелда	15	11	26	38	39,47%	28,95%	68,42%
Пажга	2	4	6	13	15,38%	30,77%	46,15%
Шошка	4	6	10	22	18,18%	27,27%	45,45%
Усть-Сысола	7	6	13	32	21,88%	18,75%	40,63%

Теперь сравним показатели за 1586, 1608 и 1646 гг. по выделенным 10 волостям по двум позициям: доля однодворных поселений и доля двухдворных поселений, а также их суммарная доля, для чего составим таблицы 5, 6 и 7.

Таблица 5

Динамика доли однодворных поселений

Волости	1585/86 г.	1608 г.	1646 г.
Цылиб	38,46%	30,77%	35,29%
Лена	30,43%	30,43%	25,93%
Вадья	27,78%	33,33%	17,39%
Ошляпье	38,89%	42,11%	50%
Шоном	39,06%	35,59%	24,62%
Кибра	45,83%	33,33%	23,81%
Пыелда	58,82%	48,48%	39,47%
Пажга	30,77%	23,08%	15,38%
Шошка	50%	44,44%	18,18%
Усть-Сысола	34,78%	25%	21,88%

Итак, доля однодворных поселений во всех пяти сысольских волостях за 60 лет (с 1585/86 по 1646 гг.) достаточно серьезно снизилась. Такой же процесс наблюдается в двух волостях Вычегодской земли: волостях Вадья и Шоном. В волостях Лена и Цылиб эта доля снизилась незначительно, а в волости Ошляпье наблюдается стабильный рост доли однодворных поселений.

Таблица 6

Динамика доли двухдворных поселений

Волости	1585/86 г.	1608 г.	1646 г.
Цылиб	15,38%	15,38%	23,53%
Лена	21,74%	26,09%	7,41%
Вадья	61,11%	33,33%	39,13%
Ошляпье	27,78%	10,53%	12,5%
Шоном	26,56%	27,12%	23,08%
Кибра	16,67%	9,52%	14,29%
Пыелда	14,71%	12,12%	28,95%
Пажга	46,15%	46,15%	30,77%
Шошка	30%	33,33%	27,27%
Усть-Сысола	26,09%	15%	18,75%

Таблица 7

Динамика суммарной доли однодворных и двухдворных поселений

Волости	1585/86 г.	1608 г.	1646 г.
Цылиб	53,85%	46,15%	58,82%
Лена	52,17%	56,52%	33,33%
Вадья	88,89%	66,67%	56,52%
Ошлапье	66,67%	52,63%	62,5%
Шоном	65,63%	62,71%	47,69%
Кибра	62,5%	42,86%	38,1%
Пыелда	73,53%	60,61%	68,42%
Пажга	76,92%	69,23%	46,15%
Шошка	80%	77,78%	45,45%
Усть-Сысола	60,87%	40%	40,63%

Процесс укрупнения населенных пунктов, отмеченный исследователями, в достаточной степени подтверждается динамикой средней дворности населенных пунктов края в конце XVI – середине XVII в. Для сравнения возьмем те же 10 волостей, по которым проходил сравнительный анализ динамики мельчайших поселений.

Таблица 8

Динамика средней дворности поселений

Волости	1585/86 г.	1608 г.	1646 г.
Цылиб	2,62 двора	2,23	3
Лена	3,09 двора	3	3,89
Вадья	2,33 двора	2,78	3,61
Ошлапье	3,39 двора	3,47	4,17
Шоном	2,98 двора	2,78	3,12
Кибра	2,58 двора	3,33	4,71
Пыелда	1,85 двора	2,33	2,79
Пажга	2,31 двор	2,46	3
Шошка	1,85 двора	2,11	3,5
Усть-Сысола	2,78 двора	3,8	5,09

Итак, несмотря на определенные местные различия, можно сказать, что в конце XVI в. в десяти изучаемых волостях населенные пункты были мельче, в среднем в них было меньше дворов. Возможно, это свидетельство проходивших в то время, в некоторых из этих волостей, колонизационных процессов.

Колонизационные процессы в Коми крае второй половины XVI столетия

Исследователи давно заметили, что писцовая книга 1585/86 года зафиксировала в конце XVI столетия колонизационные процессы, проходившие в Сысольской земле-волости. Из ядра Сысольской земли население распределялось по ее окраинам – к низовьям и устью реки Сысолы (волости Пажга, Шошка, Усть-Сысола) и к границе с волостью Ужга (волости Кибра и Пыелда). Приведенные выше данные полностью подтверждают эти наблюдения.

На наш взгляд, схожие процессы наблюдались и в Вычегодской земле, в той ее части, которая в настоящее время относится к Ленскому району Архангельской области.

Более внимательно рассмотрим эту ситуацию, опираясь на некоторые косвенные данные, зафиксированные в писцовой книге 1585/86 года: на именном состав населения. В русской традиции называть населенные пункты именами и прозвищами их основателей. Писцы в 1585/86 году зафиксировали не только названия населенных пунктов, но и именной состав мужского населения – хозяев дворов.

В погосте-волости Ирта было отмечено 18 населенных пунктов. Из них в 5 населенных пунктах можно установить проживание основателя деревни или его детей:

В деревне Софроновской был зафиксирован один жилой двор Софронка Дмитриева (сына), вероятно, основателя деревни.

В деревне Офонасьевской одним из дворов владел сын основателя деревни Ортемко Офонасьев (сын).

В деревне Карповой были два двора сыновей основателя деревни. Там проживали Бориско Карпов (сын); Амос Карпов (сын).

Починок пуст Романовской: один двор пустой основателя починка. Романко обнищал, ходит по дворам.

В слободка Харловой на острове был двор половника сына основателя слободки Сенька Васильев (сын), половник Якушки Харламова (сына).

В погосте-волости Цылиб из 13 населенных пунктов в двух деревнях проживали, возможно, основатели их, и в одной – сын основателя деревни:

В деревне Олексеевской был двор возможного основателя деревни. Там жил Олешка Микитин (сын).

Деревня Яковенская Тимофея Вилеженина состояла из одного двора жилого сына основателя деревни: сын Тимофеев Пятунька.

В деревне Ечкинская был один двор жилой, вероятно, основателя деревни Еустратко Тимофеева (сына).

В погосте-волости Лена было 23 населенных пункта. В 6 населенных пунктах проживали или основатели деревень, или их дети:

В деревне Шилевской был двор, в числе прочих и основателя деревни Левки Шилева.

Деревня Юрчаковская: в том числе 5 дворов жилых был двор сына основателя деревни Тимошки Юрьева (сына).

В деревне Ортемовской был один двор. Там проживали вдова основателя деревни Овдотья Ортемовская жена да сын ее Ивашко.

Деревня Ондrejaново состояла из одного двора жилого сына основателя деревни Дениски Ондреева (сына).

В деревне Осиповской был двор сына основателя деревни Васьки Осипова (сына).

Деревня Яковлевская состояла из одного двора жилого основателя деревни Якуша Гаврилова (сына) и одного двора пустого.

В волости Вадья из 18 населенных пунктов лишь 2 могут быть отмечены нами в рамках данного исследования:

В деревне Даниловской из двух дворов жилых, в одном дворе жил сын основателя деревни Савка Данилов (сын).

И деревня Ниской Бор, состоявшая из одного двора жилого была на льготе.

В погосте-волости Туглим было 8 населенных пунктов. В двух деревнях проживали дети основателей деревень.

В деревне Дмитриевской из 4 дворов жилых один двор принадлежал сыну основателя деревни. Там жил Ивашко Дмитриев (сын) да сын его Савка.

В деревне Митинской был двор детей основателя деревни Офоньки да Васьки Дмитриевых (детей).

В погосте-волости Ошлапье в два случая привлекли наше внимание.

В деревне Васильевской был двор сына основателя деревни. Там жил Обакумко Васильев (сын).

И Ошлапсково ж погоста крестьяном Тренко Остафьеву да Созонку Софонову, да Ондрейку Григорьеву дано на льготу место пустое на диком лесу по речке по Поикаихе на 10 лет от лета 7090-го (1582. – М.М.) до лета 7105-го (1597. – М.М.) на распашку, да пожня Выплав 10 копен. Как льгота отойдет, и им давати всякие государевы подати с ошлапскими крестьяны вместе по государеву указу.

В погосте-волости Шоном в 10 населенных пунктах во время составления писцовой книги 1585/86 года проживали основатели деревень или их дети.

В деревне Фоминской был двор детей основателя деревни. Там проживали Петрушка да Обросимко Фомины (дети).

В деревне Ерофеевой, Наумовой тож в единственном дворе жил сын основателя деревни Ромашко Ерофеев (сын).

В деревне Клементьевской в единственном дворе жил сын основателя деревни Якуш Клементьев (сын), да сын его Степанко.

В выставке деревни Софроновской был один двор жилой сына основателя деревни. Там жил Фатьянко Софонов (сын) да сын его Ивашко.

В деревне Степановская был двор сына основателя деревни Васьки Степанова (сына).

В деревне Фоминой было два двора детей основателя деревни: в одном дворе жил Петруша Фомин (сын); в другом – Мартемьянко Фомин (сын), да сын его Степанко.

В единственном дворе деревни Иванова Пронина жил сын основателя деревни Иевко Иванов (сын).

В деревне Матвеевской был двор сына основателя деревни Левки Матвеева (сына).

В деревне Семена Прошева стоял один двор жилой основателя деревни Семейки Некрасова (сына).

В деревне Семеновской был двор сына основателя деревни – Павлика Семенова (сына).

Итак, в исследуемой части Вычегодской земли в 28 населенных пунктах (17% от общего количества населенных пунктов) проживали или основатели деревень, или их сыновья. Еще были отмечены случаи выдачи писцами крестьянам права основать новые деревни на пустых местах. Что нам дают приведенные факты? Во-первых, опираясь на них, можно предположить, что указанные населенные пункты были в то время сравнительно «молодыми». В девяти дворах еще были живы основатели деревень, в одном проживала вдова с малолетним сыном, в остальных были сыновья основателей деревень. На наш взгляд, все эти деревни были основаны в ближайшие к описанию 1585/86 года двадцать–тридцать лет. Возможно, право на создание этих населенных пунктов основатели их получили от писцов, описывавших земли Пермской епархии в 1564 г. Во-вторых, мы можем оценить приблизительную величину колонизационного потока. Для этого вернемся к представленным данным и посмотрим на то – сколько дворов ко времени описания 1585/86 года было в них.

Из 28 населенных пунктов в 13 были только дворы основателей деревень или их сыновей. В остальных населенных пунктах вместе с основателями деревень или их сыновьями проживали другие люди в своих дворах. Причем посторонние, присоединившиеся к первопоселенцам, в некоторых случаях уже превосходили последних по числу дворов в деревне. На наш взгляд, это свидетельствует о расширявшемся колонизационном потоке.

Мы не знаем того, откуда пришли эти люди. Лишь в двух случаях отмечены мигранты из Вилегодской Пермцы и Подвинья. Исходя из названия населенных пунктов, отражающих русскую традицию, мы можем предположить, что указанные волости Вычегодской земли в период середины – второй половины XVI в. заселялись русскими. Доказательством этого тезиса может служить лишь отсылка к более позднему времени, когда была определена национальная принадлежность населения. В конце XVIII в. исследованные территории были заселены русскими, и Вычегодская земля фактически была поделена на русскую и коми части, что окончательно было закреплено во время создания Коми автономии.

Парадокс заключен в том, что поселенцы основывали свои населенные пункты в землях коми и на местах их возможных рыболовных и охотничьих угодий фактически в центральном районе Вычегодской земли, в районе Еренского городка (Яренска) – «столицы» Вычегодской земли. Возможно, что ко времени основания указанных выше поселений, то есть к середине XVI столетия, вычегодские пермяне мигрировали на восток в районы Жешарта, Гама, Шежама, и «пустые» земли были действительно пустыми.

Источники и литература

1. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 442–486.
2. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1914. С. 267–354.
3. Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Составители Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 32–194.

*Н.В. Башнин**

Историко-демографическая характеристика вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии в Яренском уезде в первой трети XVII века**

На вотчину Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде сохранились кадастровые документы только XVII в. На основании этих источников были исследованы историко-демографические процессы на сопоставимых территориях по двум хронологическим срезам в первой трети XVII в. Подсчеты показывают, что в архиерейской вотчине был низкий процент пустых поселений и дворов, с 1608 г. к 1628–1629 гг. Численность дворов в живущих поселениях значительно разнится. С одной стороны, в первой трети XVII в. зафиксированы малодворные поселения, а с другой стороны, в 1608 г. было три поселения с количеством дворов более 10 и к концу 1620-х гг. их стало пять. В целом показанные выше историко-демографические особенности свидетельствуют о благополучном развитии северной вотчины Вологодского архиерейского дома Святой Софии в первой трети XVII в.

Ключевые слова: Вологодский архиерейский дом, Яренский уезд, историческая демография, кадастр

N.V. Bashnin

Historical and demographic characteristics of the patrimony of the Vologda Archbishop's House of St. Sophia in the Yarenskyregion in the first third of the 17th century

On the patrimony of the Vologda Archbishop's house in the Yarensky district cadastral documents of the 17th century have been preserved. Based on these sources, historical and demographic processes in comparable territories were investigated in two chronological sections in the first third of the 17th century. Calculations show that in the episcopal patrimony there was a low percentage of empty settlements and yards, from 1608 to 1628–1629. The number of households in living settlements varies considerably. On the one hand, in the first third of the 17th century, recorded small settlements, and on the other hand in 1608 there were 3 settlements with a number of households more than 10 and by the end of 1620s they became 5. In general, the historical and demographic features shown above indicate a successful development of the northern patrimony of the Vologda Archbishop's House of St. Sophia in the first third of the 17th century.

Key words: Vologda Archbishop's House, Yarensky district, historical demography, cadastre

В 1380 г. будущий пермский епископ Стефан Храп «водворился» на месте Усть-Вымь (при впадении р. Вымь в Вычегду), построил себе келью и устроил «дом молитвенный». После конфликта с местным языческим населением, когда Стефан «помолился Богу и вси идолопоклонници во един час ослепоса», началось строительство будущего владычного городка. По указанию миссионера, «пермяне» «начаше гору того (Стефана Пермского. – Н. Б.) устроить, осыпати делающе и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну» [1].

В 1383 г. Стефан Пермский ходил в Москву к митрополиту Пимену и великому князю Дмитрию Ивановичу «новокрещеннии пермяки епискупа просити». Епископом в новообразованной епархии назначили самого просителя [1, 2]. После возвращения из столицы в 1384 г. Стефан заканчивает устройство владычного городка: «Создана бысть обитель его болшая, потом епискупия Усть-Выми на владычном горотке», и воздвигает «большой соборный храм Благовещения Пресвятыя Богородицы и другой меньшей храм монастырской архистратига Михаила, да монастырские же и на Вотче и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы и дьяконы в оных» [1]. Из этих летописных сообщений следует, что было произведено строительство укрепленного владычного городка, который стал церковно-административным центром, а также выполнял функции оборонительного сооружения.

* Башнин Никита Викторович (Санкт-Петербург) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, nvbashnin@gmail.com

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00108).

Возможно, что вотчина епископов Пермских, а затем архиепископов Вологодских и Великопермских, Вологодских и Белозерских в «Вымских» землях возникла в конце XIV – XV в. Так, Иван III 19 ноября 1490 г. пожаловал «владыку» Филофея «в Перми землями ... и на Вычегде и во всей Вычегоцкой земле деревнями, и пустоши, и дворы, и пожнями, и озера, и реками, и участки в озерах и в реках, и угодья, которые земли были за передними владыками за Пермскими» [3]. Согласно наблюдениям Н.П. Воскобойниковой, писцовых описаний Яренского уезда XVI в. не сохранилось, также пока не известно сотных выписей на архиерейскую вотчину этого столетия, хотя один документ упоминается в описи казны Вологодского Софийского дома 1756 г.: «7038 г. Список с Усть-Вымские сотные с книг письма Ивана Боброва с товарищи» [4, 5, 6, 7]. Поэтому исследование данного земельного владения возможно только на основании кдастровых документов XVII в.: дозорной книги 1608 г., сотной выписи от 30 апреля 1649 г. с писцовых книг 1628–1629 гг. и переписных книг 1646 и 1678 гг. [6, 8].

Из упомянутых выше документов следует, что на протяжении XVII в. яренская вотчина Вологодского Софийского дома не претерпела территориальных изменений. Этот факт дает возможность проследить историко-демографические процессы на сопоставимых территориях по нескольким хронологическим срезам. В данной статье внимание сосредоточено на документах первой трети XVII в.

Согласно дозорной книге 1608 г., поселение на Усть-Выми делилось на городище и посад. В городище находились церковь Стефана Великопермского и часовня, «а в часовне лежат» Пермские епископы Герасим, Питирим и Иона. Кроме этого, «на городище» находились «владычне дворовое место, что был двор прежних епископов» и осадные места дворовые «ибовских» и «владычных» крестьян. Имен этих владельцев местные жители писцам сказать не смогли – «не помнят» [8]. Таким образом, данный источник зафиксировал последние годы жизни небольшой северной крепости. В 1628–1629 гг. упоминается термин «городище», названы церковь Стефана Великопермского и вместо часовни – храм Пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы, в котором находились их гробницы. Однако писцы уже не отметили осадных мест дворовых [6].

В 1608 г. на посаде отмечены «собор» Михаила Архангела и теплая церковь Николая Чудотворца. Рядом находилось четыре двора: попа Алексея Константинова, дьякона Левонтия Иванова, церковного дьячка Пронки Иванова, пономаря Василия и проскурницы Орины. В 1628–1629 гг. здесь насчитывалось три церкви, к названным выше добавился храм Благовещения Богородицы. На церковной земле проживали в трех дворах священник Алексей Константинов, дьячок Василий Семенов и «черный поп» Савватий. Неподалеку были две кельи стариц Евдокии и Меланьи. В «животинном» дворе инока Савватия жили детеныши, количество которых не указано.

Отметим, что Усть-Вымь была архиерейским административным центром. В 1608 г. на посаде зафиксирован двор «владычня десятильника». В конце 1620-х гг. на посаде упомянут двор «архиепископья приказного человека», в котором «живу по годемдесятильники».

Еще двумя церковно-административными центрами были погосты Катва (Оквэд) и Вожем. В этих погостах в 1608 и 1628–1629 гг. отмечены церкви и архиерейские дворы. На погосте Катва (Оквэд) находились церковь Введения Богородицы и церковь Афанасия Александрийского. В 1608 г. в четырех дворах проживали священник Семен Иванов, дьячок Федька Роспопа, пономарь Игнашка и проскурница Окулина. В конце 1620-х в четырех дворах записаны священник Гаврило Мартемьянов, дьячок Трофимко Омелянов, пономарь Гаврилко Иванов и просвирница Офимьица Вахромеева.

На погосте Вожем была церковь Живоначальной Троицы с приделом мученицы Екатерины (в 1608 г. отмечены две церкви: Живоначальной Троицы и мученицы Екатерины). В 1608 г. в четырех дворах жили священник Мосей Ермолин, дьячок Филька Олексеев, пономарь Васька и проскурница Маремьяна. В конце 1620-х гг. в четырех дворах проживали священник Емельян Малафеев, дьячок Сенька Тимофеев, пономарь Васька Григорьев и просвирница Домница.

В каждом погосте зафиксирован в 1608 г. двор «владычня десятильника», а через 20 лет двор «архиепископова приказнова человека», в котором «живут приезжая по годом десятильники».

Для общей характеристики поселенческой структуры в табл. 1 сведены данные о населенных пунктах в архиерейской вотчине и количестве дворов в них.

Таблица 1

Населенность яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в.

Годы	Поселения						Дворы			
	Городище	Погосты	Деревни	Всего живущих	Пустые	Всего	Крестьянские	Бобыльские	Прочие*	Всего
1608	1	2	19	22	1	23	87**	9	19***	115
1628–1629	1	2	19	22	2	24	125****	14	16	154

Источники: Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1914. С. 292–297; Документы по истории народа Коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 20–26; 115–123; 292–303.

Примечания: * В категории «прочие» отнесены дворы причта, архиерейских людей. ** В одном крестьянском дворе проживал половник. *** В том числе место дворовое «владычне», что был «двор прежних епископов» и 3 кельи. **** В том числе один двор пустой.

Из табл. 1 видно, что состав поселений в эти десятилетия был стабилен. Отметим, что в 1628–1629 гг. упомянута одна новая деревня в погосте Катва – Бутуринская на р. Яренге, а деревня Ям к этому времени запустела. Кроме этого, увеличилось количество дворов в населенных пунктах со 115 в 1608 г. до 154 в конце 1620-х гг. Эти сведения показывают, что запустения в Смуту здесь не было. В другой вотчине Вологодского Софийского дома ситуация была иной. Сотная 1624 г. с дозорных книг начала 1620-х гг. на Лежский Волок (Первая половина Вологодского уезда) зафиксировала четыре погоста, два села, 72 жилые деревни, пять деревень пустых, шесть починок, один пустой починок, 59 пустошей и два пустых займища; всего четыре погоста и 147 населенных пунктов. Из 147 (100 %) поселений 67 (45,6 %) были пустыми [9]. Для сравнения также приведем сведения о запустении дворов в архиерейской вотчине на Лежском Волоке в Вологодском уезде по писцовой книге 1627–1630 гг.: из 151 (100 %) поселения 60 (39,7 %) были пустыми [10]. В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря процент запустевших поселений в 1610–1620-х гг. колебался от 44,9 до 59,2 [11].

Приведем табл. 2, которая наглядно показывает незначительный размер запустения в яренской вотчине Вологодской архиерейской кафедры.

Таблица 2

Динамика поселений в яренской вотчине Вологодского архиерейского дома в первой трети XVII в.

Год	Всего поселений	Живущие	% живущих от общего числа поселений	Пустые	% пустых
1608	23	22	95,6	1	4,4
1628–1629	24	22	91,6	2	8,4

Источник: Составлена по табл. 1.

Приведенный выше тезис о незначительном запустении подтверждают данные о низкой «пустоте» дворов и отсутствии миграции. Согласно дозорной книге 1608 г., в вотчине Вологодского архиерейского дома только один дворохозяин в 1596/97 г. «сбежал» в Вычегодский уезд и семь дворов запустело по причине смерти их хозяев (в 1591/92 г. умер один человек, в 1596/97 г. – один, в 1599/1600 г. – два, в 1600/01 г. – один, в 1601/02 г. – один; смерть одного дворохозяина не датирована). А в конце 1620-х гг. 124 двора были живущими и только один двор в деревне Конец Озерья был пустым.

Для сопоставления опять воспользуемся материалами по Вологодскому уезду. Согласно сотной 1624 г. с дозорных книг 1620/21 г., в архиерейской вотчине на Лежском Волоке упоминается крестьянских и бобыльских живущих и пустых дворов, а также мест дворовых – 451 (100 %), из них живущих крестьянских 145 (32,2 %) и бобыльских 39 (8,6 %) дворов, пустых крестьянских 143 (31,7 %) двора и 124 (27,5 %) дворовых места [12]. Таким образом, очевидно, что волна Смуты не докатилась до северной архиерейской вотчины, а Вологодские земли сильно пострадали.

Для анализа состава населения в архиерейской вотчине в Яренском уезде сведения о количестве дворов и жителей сведены в табл. 3.

Таблица 3

Структура сельского населения в яренской вотчине Вологодского архиерейского дома в XVII в.

Категории населения	1608 г.				1628–1629 гг.			
	Дворы	%	Жители	%	Дворы	%	Жители	%
Крестьяне	87	76,2	92*	78,6	124	80,5	137	83,5
Бобыли	9	8	9	7,7	14	9,1	14	8,5
Архиерейские люди	3	1,8	–	–	3	1,9	–	–
Причт	16**	14	16	13,7	13***	8,5	13	8
Итого	115	100	117	100	154	100	164	100

Источники: см. источники к табл. 1.

Примечания: * В том числе один половник. ** В том числе келья черного попа и две кельи нищих, два двора просвирниц. *** В том числе две кельи стариц, два двора просвирниц.

Из табл. 3 видно, что состав населения и дворов в архиерейской вотчине в процентном соотношении остался почти неизменным. Основной массой населения были крестьяне – 78,6 % в 1608 г. и 83,5 % в конце 1620-х гг. В течение двадцати лет не происходит существенного роста бобылей, хотя в историографии отмечена тенденция увеличения числа этой группы вотчинного населения после введения «живущей четверти» в конце 1620-х гг. Так, в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 1612/13 г. бобыли составляли 3,8 % населения, а в 1626–1627 гг. их уже было 34,3 % [11].

Еще одним показателем состояния вотчины является дворность населенных пунктов. Сведения об этом в яренской архиерейской вотчине представлены в табл. 4.

Таблица 4

Динамика дворности поселений в вотчине Вологодского архиерейского дома в XVII в.

Год	Поселения *	Поселения, в которых было дворов										Дворы	Люди **	Дворов на поселение
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10 и более			
1608	22	7	6	2	1	1	1	1			3	115	117	5,2
1628–1629	22	6	2	3	2	2	1			1	5	154	164	7

Источники: см. источники к табл. 1.

Примечания: * Не включены пустые поселения. ** В 1608, 1628–1629 гг. люди – главы семей.

Из табл. 4 видно, что в вотчине Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде численность дворов в поселениях значительно разнится. С одной стороны, в первой трети XVII в. зафиксировано более 10 малодворных поселений (одно-, двух- и трехдворные), а с другой стороны, в 1608 г. было три поселения с количеством дворов более 10 и к концу 1620-х гг. их стало пять. В связи с этим получаются высокие показатели дворности в 1608 и 1628–1629 гг. – 5,2 и 7, соответственно. В архиерейской вотчине в Вологодском уезде на Лежском Волоке эти показатели значительно ниже, в 1620–1621 гг. – 2,6, а в 1627–1630 гг. – 3,5 [10, 12]. В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря также более низкие значения: в 1612/13 г. – 2,7 двора в среднем на поселение, а в 1626–1627 гг. – 3,4 [11].

Отмеченная особенность высокой дворности поселений в архиерейской вотчине в Яренском уезде связана не только с относительной благополучностью этого региона в начале XVII в., но и с особой традицией расселения на севере, когда вокруг погостов часто возникали крупные промыслово-земледельческие поселения. Также нужно учитывать существование в архиерейской вотчине городища с посадом, хотя в начале XVII в. фиксируется его упадок, а в 1640-х гг. – преобразование в погост.

В целом показанные выше историко-демографические особенности свидетельствуют о благополучном развитии северной вотчины Вологодского архиерейского дома Святой Софии в первой трети XVII в.

Источники и литература

1. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись (публ. П.Г. Доронина) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 259.
2. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. ПСРЛ. Т. 11. С. 82.
3. Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ст. 1. Список XVII в.
4. Опись казны Вологодского архиерейского дома 1756 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. С. 125.
5. Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI–XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 212–236.
6. Документы по истории народа Коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 3–6, 20–26, 115–123, 292–303.
7. Черкасова М.С. Архивы Вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 86.
8. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1914. С. 292–297.
9. Башнин Н.В. Вотчина Вологодского архиерейского дома св. Софии на Лежском Волоке по сотной 1624 г. // Научные труды. Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. № 39. 2016. С. 103–119.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14727. Л. 45–117 об.
11. Дмитриева З.В. Белозерский уезд (Кирилло-Белозерский монастырь) // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 47. Табл. 30; С. 48. Табл. 31; С. 53. Табл. 35.
12. РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 2694. Л. 1–12.

Г.Н. Чагин *

Крестьянская семья на севере Чердынского уезда в XVII – начале XX века

В статье на основе архивных источников прослежена крестьянская семья на протяжении более трех веков ее истории. Приведены сведения об основных демографических процессах: брачность, рождаемость, продолжительность жизни, смертность. Несмотря на ограниченность источников, реальный процесс развития семьи в таежных условиях Чердынского уезда предстает в достаточно объективном виде.

Ключевые слова: Чердынский уезд, верхняя Колва, семья, демография, численность, брачный возраст

G.N. Chagin

The Peasant Family in the North of the Cherdyn District in the 17th Century and until the Beginning of the 20th Century

Based on the archive sources the article represents over three centuries of historical development of the peasant family including information on basic demographic processes: marriages, childbirths, life spans, death rates. Although information sources are spare the real family development in the taiga of the Cherdyn district is represented fairly impartially.

Key words: Cherdyn district, Upper Kolva, family, demography, population, marriage age

С историей крестьянской семьи неразрывно связаны формирование постоянного русского населения и освоение природных ресурсов на верхней Колве Чердынского уезда Пермской губернии.

Ранним источником, позволяющим увидеть варианты семей, является ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г., которая охватила семьи погоста Ныроба и его шесть деревень [1]. В то время доля сложных семей составляла почти 60 %. В четырех дворах д. Чумсиной насчитывалось девять человек мужского пола. Самой сложной была семья, главой которой был Анфим Чагин. Он имел двух пасынков Фадея и Антипу (5 и 3 лет) и еще троих сыновей Фрола (40 лет), Варлаама (30 лет), Агея (25 лет). Кроме того, за ним записаны были Гаврилова дети Чагины: у Фрола сын Аврам (7 лет), у Варлаама сын Сергей (9 лет), у Агея сын Михайло (1 год). Можно предположить, что Анфим Чагин пришел в семью овдовевшей женщины, поскольку у него имелись пасынки. Пасынками считались дети, не родные одному из супругов. Записанные за Анфимом Чагиным сыновья Фрол, Варлаам и Сергей, которые уже имели свои семьи и детей, возможно, были детьми его умершего брата Гаврила. Ревизская сказка 1711 г. обозначила их как «Гавриловы дети Чагины». То есть здесь мы имеем дело с братской семьей – в ней состояли братья, создавшие свои семьи. Такой семье было под силу вести большое хозяйство.

По данным ревизской сказки 1711 г., в д. Бобыка семья Дениса Андреева сына Омышева объединяла семью Семена, который был братом умершего Василия Кушева. У Семена был пасынок 3-х лет, что указывает на его второй брак. Семен воспитывал еще четырех племянников брата Константина, которые были в возрасте от 4 до 15 лет. Зная такое состояние семьи, можно предположить, что первоначально у Омышева была братская семья.

Сложная отцовская семья сформировалась у основателя д. Боец Кирилки Петрова Язева. Как уже отмечали, он в 1652 г. пришел с Язьвы-реки с братом Левкой [2] (личное имя в разговорной речи пошло от календарного имени Лев), который в ревизской сказке 1711 г. уже не упоминается. Он или ушел жить на сторону, или умер.

Кирилка Петров Язев в 1678 г. имел двух сыновей – Фетку и Сенку. Продолжил род Сенка, 1673 г.р. От него пошли сыновья Спиридон, 1681 г.р., и Авраам, 1701 г.р. Во время составления ревизской сказки Спиридон имел годовалого сына Фотея [3].

* **Чагин Георгий Николаевич** (Пермь) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, g-chagin@yandex.ru

Таким образом, мы познакомились с отцовской семьёй самой распространенной формы: отец, сын, внуки, правнук. Когда сыновья создавали свои семьи и продолжали жить с отцом, в таком случае из отцовской семьи складывалась братская семья.

По данным ревизской сказки Чердынского уезда 1762 г. видно, что браки преимущественно заключались в пределах своего церковного прихода. В Ныробе было зарегистрировано 87 семей. Из них в 49 семьях, а это 56,8 %, жены являлись уроженцами самого Ныроба. В 21 семье, 24,1 %, жены происходили из с. Искор. На долю других церковных приходов приходилось 17 жен, 20,1 %. Из них шесть были из с. Вильгорт, четыре из с. Цыдва, две из д. Бигичи и по одной из Чердыни и сел Камгорт, Салтаново, Серегово, Янидор [4].

В 1762 г. в деревнях Ныробского церковного прихода проживало 16 семей, из которых в семи семьях жены были родом из Ныроба, а остальные из деревень своего прихода [5].

Таким образом, показатель о местах выхода жен дает право утверждать, что у населения Ныроба и его округи должны были сохраняться местные семейные традиции. В этом следует убедиться, поскольку жена по давно распространенной традиции хранила семейный очаг, вела домашнее хозяйство, больше, чем отец, занималась воспитанием детей.

К середине XVIII в., как четко видно в ревизской сказке 1762 г., сложные семьи уступали семье малой. Из 94 семей только три сохраняли братскую форму. Так, в д. Морозова после смерти главы семьи И.И. Носова его трое сыновей Григорий (29 лет), Влас (21 года), Андрей (16 лет) продолжали жить вместе, по-братски, и вели общее хозяйство. Сыновья были женаты, двое имели детей [6]. Аналогичное развитие проходили семьи в других регионах Приуралья и Западной Сибири [7].

Ревизская сказка Чердынского уезда 1762 г. зарегистрировала демографические явления, воплотившиеся в рождении и смертности населения. Причем эти данные в ней сопоставлены с предыдущей переписью населения. В Ныробском приходе прежняя перепись 1745 г. учла 240 чел. мужского пола, а перепись 1762 г. – 251 чел. мужского пола.

За межпереписной период убыло 103 чел., из них 96 чел. умерло, шесть человек отдано в рекруты и один человек отпущен в Бигичевский стан. Из числа жителей, зарегистрированных в 1745 г., в 1762 г. «налицо оставалось» 131 чел. мужского пола. Родилось за межпереписной период 110 чел. мужского пола. Общее число населения в 1762 г. составило 251 чел. мужского пола [8].

Приведенная статистика первой половины XVIII в. о соотношении населения, новорожденных и умерших позволяет судить о стабильной рождаемости. Во многом ныробские семьи повторяли общероссийский путь семейного развития.

Развитие крестьянских семей позволяет проследить VIII ревизская сказка Чердынского уезда 1834 г. [9]. По-прежнему преобладали малая и отцовская семьи. Но встречались и неразделенные семьи в братской форме. Их выразительные примеры обнаруживаем в семьях д. Фадино на р. Вишерка. Рассмотрим такие семьи [10].

Чагин Викула Васильев (43 года) и жена Евдокия (45 лет) имели 3 сыновей и 4 дочерей. С ними жил брат Викула Васильева Авдей (33 лет) с женой Федосьей (30 лет) и они имели сына и 2 дочерей.

Чагин Семен Федоров (56 лет) и жена Фекла (50 лет) имели 3 сыновей: Спиридона (32 лет), Ивана (15 лет), Евдокима (в 1833 г. был отдан в рекруты). Спиридон и его жена Матрена (30 лет) имели сына и 2 дочерей. Вместе с Семеном Федоровым жил его брат Осип (24 лет) с женой Акулиной (25 лет).

Чагин Филипп Иванов (43 лет) и жена Евдокия (45 лет) имели 4 сыновей. Сын Ларион (25 лет) и его жена Федосья (25 лет) имели дочь. С ними жил брат Филиппа Иванова Викул. Он умер в 1820 г., но сын Григорий (19 лет) и его жена Аксинья (25 лет) оставались в семье.

Чагин Михайло Иванов (49 лет) и жена Наталья (58 лет) имели 2 сыновей Ивана (26 лет), Михаила (18 лет), дочь Анну (15 лет). Иван и его жена Федора (25 лет) имели 2 сыновей и 3 дочерей. Михайло был женат на Варваре (18 лет).

В д. Фадино была учтена еще одна семья Чагиных, но она имела малую форму. Глава семьи Чагин Семен Федоров умер в 1821 г. Жена Соломия (40 лет) жила с сыном Даниилом (18 лет) и дочерью Татьяной (20 лет).

Кроме четырех неразделенных семей Чагиных, в д. Фадино проживала еще семья Подосёнова Пантелея Екимова. Глава семейства умер в 1830 г. Но большая семья не распалась, и в ней продолжали жить два женатых сына: Василий (46 лет) с женой Матреной (40 лет) и Сидор (36 лет) с женой Анной (35 лет). Василий и Матрена родили 2 сыновей и 5 дочерей, а Сидор и Анна сына и 6 дочерей. В этой братской семье проживало 18 чел.

В целом по ревизской сказке 1834 г. можно говорить об усложнении семей, которое происходило за счет принятия одиноких и больных родственников, а иногда еще и с их семьями. В таком случае образовывались семьи с боковым родством.

Чрезвычайно важны для изучения развития семьи начала XX в. данные метрических книг, которые в обязательном порядке составлялись церковью. По ним четко определяется количество браков и уровень рождаемости и смертности. Для примера воспользуемся данными по Ныробскому Никольскому приходу (табл. 1).

Таблица 1
**Численность браков, рождаемости
и смертности в Ныробском Никольском
приходе в конце XIX – начале XX в.**

Год	Число браков	Родились	Умерли
1898	21	107	88
1899	19	118	77
1900	18	128	56
1901	17	112	102
1902	25	123	87
1903	21	137	53
1904	13	121	51
1905	11	123	70
1906	30	122	112
1907	20	138	136

Источники: ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 37. Л. 1–336; Д. 53. Л. 6 об.–291.

вушки, а вторая – 44-летнего вдовца и 29-летней девушки [11].

Традицией предписывалось молодым, вступающим в брак, не иметь кровного родства вглубь своих родов до седьмого колена. Церковь следила, чтобы не происходило «смешение родственных кровей». Если родство не достигало установленное рубежное время – до седьмого колена, приходилось на бракосочетание получать специальное разрешение от епархиального епископа. Примеры такие обнаруживаются в метрических книгах.

Жених, крестьянин д. Исанево Искорской волости И.В. Копытов, оказавшись в такой ситуации, направил в 1911 г. Палладию, епископу Пермскому и Соликамскому «покорнейшее прошение»:

«Желаю вступить в законный брак с девицей Марией Антоновной Деминой, с которой состою в шестой степени родства. Я нуждаюсь в разрешении Вашего Преосвященства повенчать меня с назначенной девицей, а посему честь имею нижайше и покорнейше просить Вас, Ваше Преосвященство, разрешить причту Искорской церкви повенчать меня с Марией Деминой». Далее заявитель пишет: «При сем прилагаю две 75 копеечные марки на прошение. Так как месяц остается, очень мало (жених имел в виду наступающий вскоре Рождественский пост, во время которого венчание не допускалось. – Г.Ч.), то я еще осмеливаюсь нижайше просить Вас Ваше Преосвященство разрешить венчание по телеграфу: Чердынь, Искор, причту. Можно из Чердыни в Искор по телефону; на оплату телеграммы прилагаю одну 50-ти копеечную марку» [12]. Промещение поступило епископу 1 ноября 1911 г. Решение последовало незамедлительно, поскольку ниже всех записей читаем: «Владыка разрешил. 7 ноября 1911 г.» [13].

В 1909 г. епископу поступило «покорнейшее прошение» от В.И. Чистина из д. Мысагорт Искорской волости:

«Всепокорнейше прошу Ваше Преосвященство разрешить причту Искорской Христорождественской церкви повенчать меня с избранной мною невестой – крестьянской девицей той же деревни Анастасией Петровой Кушиной в шестой степени двухкровного родства. К сему прошению Василий Иванов Чистин подписуюсь» [14]. Ниже этого обращения стоит чернильный штамп с текстом: «Разрешаю совершить брак Василия Чистина с Анастасией Кушиной, состоящей с ним в 6-й степени двухкровного родства, если родство показано и удостоверено верно, и если не окажется других препятствий к браку. 1909 г., апрель, 16 день. Е. Палладий». На обороте листа приложена схема родства, которая названа «Удостоверения на поколенные росписи родства между женихом Василием Иоанновым Чистиным и невестой Анастасией Петровой Кушиной представляется в следующем виде» (рисунок родословного древа с указанием родства. – Г.Ч.). Удостоверяет Искорской Христорождественской церкви священник Николай Архангельский, диакон Стефан Порошин, 8 апреля 1909 г.» [15].

По давно распространенной традиции, запрещались браки между родственниками в духовной сфере, а именно между кумовьями, их потомками, крестниками. Распространялось мнение, что за нарушение таких запретов последует кара Божья, и дети будут рождаться больными.

Придерживались еще и такой традиции: старшие дети вступали в брак раньше младших детей, а также родители желали видеть сыновей семейными раньше дочерей. Младший сын всегда оставался жить с родителями. Он наследовал имущество родителей и «доводил их до конца жизни». Браки между однофамильцами не запрещались, если не наблюдалось кровного и духовного родства.

Из статистических данных видим, что рождаемость в приходе превышала смертность. Но были года – 1901, 1906, 1907, когда показатели рождаемости и смертности почти уравнивались, а в 1907 г., можно сказать, были равными: родилось 138 чел. и умерло 136 чел., что было вызвано заболеваемостью детей оспой (табл. 1).

Источники позволяют рассмотреть соотношение возраста венчавшихся в Ныробском Никольском приходе в начале XX в.

Абсолютный брачный возраст женихов укладывается в промежуток от 18 до 36 лет, невест – 16–30 лет. В большинстве случаев девушки вступали в брак от 17 до 22 лет, юноши, наоборот, позже – от 22 до 28 лет. При этом просматривается тенденция вступления в брак в возрасте от 17 до 25 лет.

После 24 лет девушка могла рассчитывать на брак чаще всего с вдовцом. Два таких брака зарегистрированы были в 1902 г. Одна супружеская пара образовалась путем вступления в брак 52-летнего вдовца и 24-летней де-

Из всех возможных возрастных вариантов молодежь предпочитала вариант, при котором жених должен быть старше невесты. Разница супружеских пар в среднем достигала 5–8 лет. Редкостью были браки, когда юноши женились на девушках старше себя. Неженатых и незамужних людей оставалось очень мало. В традиции населения такое положение считалось отклонением от нормы жизни.

В условиях традиционного общества брачный выбор зависел от желания вступающих в брак и от воли родителей. Как и в XVIII в. (см. выше), брачные партнеры на рубеже XIX–XX вв. подбирались из близлежащих деревень. Дальний выбор невесты был редкостью. Данные на эту тему из метрических книг Ныробского Никольского прихода представляем в обобщенном виде (табл. 2).

Таблица 2

Брачные связи в Ныробском Никольском приходе за 1898–1902 гг.

Место постоянного проживания жениха	Населенный пункт, из которого взята невеста	Число семей
1898 г.		
Ныроб	Ныроб	6
Ныроб	Искор	1
Ныроб	Ветлан	1
Ныроб	Адамово	1
Боец	Рожнёво	1
Бобыка	Фадино	1
Фадино	Анфимово	1
Фадино	Исанево	1
Фадино	Ветлан	1
Фадино	Рожнёво	1
Боец	Ныроб	1
Адамово	Адамово	1
Марушево	Ветлан	1
Анфимово	Томилово	1
		Всего 19
1899 г.		
Ныроб	Ныроб	2
Ныроб	Томилово	1
Ныроб	Ветлан	1
Ныроб	Сельково	1
Ветлан	Ветлан	1
Марушево	Марушево	2
Марушево	Камгорт	1
Марушево	Искор	1
Ветлан	Искор	1
Адамово	Рожнёво	1
Адамово	Марушево	1
Томилово	Боец	1
Томилово	Ныроб	1
Боец	Большое Поле	1
Фадино	Рожнёво	1
Бобыка	Корепино	1
Бобыка	Рожнёво	1
		Всего 19
1900 г.		
Ныроб	Ныроб	7
Адамово	Адамово	1
Адамово	Рожнёво	1
Марушево	Карпечово	1
Марушево	Адамово	1
Марушево	Покча	1
Ветлан	Томилово	1
Анфимово	Кикус	1
Брюханово	Анфимово	1

Окончание табл. 2

Место постоянного проживания жениха	Населенный пункт, из которого взята невеста	Число семей
Дивья	Бобыка	1
Фадино	Адамово	1
		Всего 17
1901 г.		
Ныроб	Ныроб	3
Ныроб	Бобыка	1
Ныроб	Фадино	1
Карпечев	Ныроб	1
Томилово	Ныроб	1
Карпечев	Карпечев	1
Подбобыка	Рожнёво	1
Фадино	Рожнёво	1
Адамово	Фадино	1
Марушево	Ветлан	1
Бобыка	Ветлан	1
Бобыка	Трубаниха	1
Анфимов	Анфимов	1
Фадино	Анфимов	1
Боец	Боец	1
		Всего 17
1902 г.		
Ныроб	Ныроб	3
Ныроб	Боец	1
Ныроб	Бобыка	1
Ныроб	Ветлан	1
Ныроб	Мысагорт	1
Ныроб	Искор	1
Ныроб	Волим	1
Ныроб	Семь Сосен	1
Ветлан	Ныроб	1
Томилово	Волим	1
Фадино	Марушево	2
Фадино	Рожнёво	1
Фадино	Семь Сосен	1
Анфимов	Фадино	1
Рожнево	Фадино	1
Рожнёво	Адамово	1
Марушево	Ветлан	1
Марушево	Семь Сосен	1
Боец	Марушево	1
Сельково	Искор	1
Карпечев	Карпечев	1
Анфимов	Кикус	1
		Всего 25

Источник: ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 37. Л. 36–47, 102 об.–112, 176–185, 236 об.–245, 303 об.–316.

По представлениям крестьян, брак расценивался как залог благополучной жизни, самостоятельности личности. В браке видели повышение социального статуса холостых парней и незамужних женщин. Помимо продолжения рода, в браке видели положительное решение хозяйственных вопросов. Глава семьи наделялся землей и вел свое личное хозяйство, был ответственен за всех членов семьи. Очень ценились такие качества, как трудолюбие, трезвость, отзывчивость, честность.

В деревнях по верхней Колве имело свои особенности рождение детей по временам года, а вместе с тем и распределение зачатий. Судя по метрическим данным церковных приходов, преимущество зачатий наблюдалось в январе, апреле, октябре, а минимум – в марте, декабре, июне. Причины этой особенности были вы-

званы православной традицией и конкретно соблюдением постов. Наибольшее число зачатий приходилось на время, когда заканчивались рождественский, петровский и успенский посты. Естественно, сезонность зачатий приводила к сезонности рождения детей. Следует признать давность этого явления, поскольку причины, обусловившие его, являлись традиционными.

Из метрических книг Ныробского Никольского прихода можно узнать причины смерти людей, которые указывал священник. Эти сведения естественно не достоверны, поскольку священники были не сведущи в медицине, но других данных не имеется. Что скрывалось под понятиями «старость», «слабость», «не зрелость», «от родов» и др. – остается не известно.

Из источников видно, что значительную роль в причинах смерти играли заболевания. Преобладали инфекционные болезни и расстройство желудка. Понос вызывался неправильным питанием. От него чаще всего умирали дети в раннем возрасте – до 5 лет. Из-за недостатка молока у матери детей рано начинали прикармливать коровьим молоком. Им давали соску с хлебом, размоченным в молоке или воде. В 1907 г. свирепствовала оспа, от которой умирали в основном дети – 36 % общего числа умерших людей. От старости и от слабости умирало людей не более 20%. Травматизм отсутствовал.

Анализ смертности по возрастным различиям показывает, что часто и больше смертных случаев было среди детей, причем в младенческом возрасте. Данный показатель в среднем составлял от 70 до 80 % общего числа. Наибольший рост детской смертности приходился на летние месяцы. Дети умирали исключительно из-за болезни. Так, в 1907 г. почти все дети умерли от оспы – 76 % общего числа. После 5 лет дети умирали уже значительно реже. Примеры долголетия, свыше 85 лет, становились редкостью.

Все приведенные материалы показали, что развитие крестьянской семьи на севере Чердынского уезда происходило таким же образом, как и у русских севера Европейской России [16]. Крестьяне, как постоянные жители земли, освоенной их предками, удерживали семейные традиции, которые способствовали развитию своего хозяйства и воспитанию нового поколения людей как продолжателя рода и наследства.

Источники и литература

1. Ревизская сказка 1711 г. по Чердынскому уезду // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 1–5.
2. Переписная книга 1678 г. по Чердынскому уезду // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 352. Л. 212 об.
3. Ревизская сказка 1711 г. по Чердынскому уезду // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 5.
4. Ревизская сказка 1762 г. по Чердынскому уезду // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4055. Л. 1129–1142.
5. Ревизская сказка 1762 г. по Чердынскому уезду // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4055. Л. 1142–1145.
6. Ревизская сказка 1762 г. по Чердынскому уезду // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4055. Л. 1143 об.
7. На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства в XVII–XX вв. М., 1989. С. 187–188.
8. Ревизская сказка 1762 г. по Чердынскому уезду // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4055. Л. 1145.
9. Ревизская сказка 1834 г. по Чердынскому уезду // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 1–538.
10. Ревизская сказка 1834 г. по Чердынскому уезду // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 1–538.
11. Метрическая книга Никольской церкви с. Ныроб с 1898 по 1902 г. // ГАПК. Ф. 719. Д. 37. Оп. 11. Д. 374. Л. 1–316.
12. Метрическая книга Христорождественской церкви с. Искор с 1900 по 1911 г. // ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 44. Л. 183.
13. Метрическая книга Христорождественской церкви с. Искор с 1900 по 1911 г. // ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 44. Л. 183.
14. Метрическая книга Христорождественской церкви с. Искор с 1900 по 1911 г. // ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 44. Л. 141.
15. Метрическая книга Христорождественской церкви с. Искор с 1900 по 1911 г. // ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 44. Л. 141.
16. Власова И.В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М., 2015. С. 220–297.

*Е.К. Трифонова, Р.Т. Фахриев**

Потери среди уроженцев Коми края, участников русско-турецкой войны 1877–1878 годов

Статья посвящена малоизученным вопросам военно- и социально-демографической политики Российской империи в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на примере Усть-Сысольского, Яренского и Мезенского уездов. На основе архивных и опубликованных документов и официальной периодической печати Вологодской и Архангельской губерний прослеживается взаимодействие различных органов исполнительной власти в решении этих проблем.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., демография, история Коми

E.K. Trifonova, R.T. Fachriev

Casualties among natives of the Komi region, participants of the Russian-Turkish war of 1877–1878

The article is dedicated to the insufficiently explored issues of military and social-demographic policy of the Russian Empire during the Russian-Turkish war of 1877–1878 consider the example of Ust-Sysolsky, Yarensky and Mezensky counties. Based on archival and published documents, and the official periodical press of the Vologda and Arkhangelsk counties, the interaction of various executive authorities in solving these problems is traced.

Key words: Russian-Turkish war 1877–1878, demography, history of Komi

Военно-историческая наука обратилась к изучению этой войны, по словам генерала М.П. Драгомирова, «прежде чем замолчали пушки». Она должна была учесть не только позитивные, но и негативные аспекты незавершенной военной реформы 1874 г. для вооруженных сил Российской империи. Одним из важнейших критериев ее эффективности выступал такой показатель, как потери в боевых действиях, позволяющий оценить вопросы тактики и стратегии всех родов войск, роль военно-инженерного дела, обучение и снаряжение войск, деятельность тыловых служб. Информация о военно-оперативных аспектах ** потерь начинает публиковаться в различных изданиях военного министерства с 1877 г. [1].

Ценным источником, отражающим санитарные потери *** вооруженных сил России в период русско-турецкой войны, стал многотомный труд «Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–1878 гг.», вышедший в 1884–1887 гг. Изучение состояния здоровья личного состава армии, организация и работа военно-медицинской службы, направленная на повышение боеспособности личного состава в мирное и военное время является одной из ее важнейших задач [2].

Сравнительный анализ потерь вооруженных сил России в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг., осуществленный после ее окончания должен был выполнить политическую задачу [2]. В связи с непопулярностью последней войны среди населения России, в сознании которого конфликт на Дальнем Востоке воспринимался как катастрофический с точки зрения потерь, военным министерством была предпринята попытка доказать, что прошедшая война не была столь кровопролитной и отличие от предыдущей и, таким образом ослабить критику власти со стороны общества.

Советские историки продолжили разработку проблем, обозначенных в предшествующий период [3]. Они использовали данные о различных видах потерь также для оценки социально-психологических аспектов

* **Трифорова Елена Константиновна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Институт истории и права, г. Сыктывкар, ул. Катаева, д. 9, каб. 305, iir@syktsu.ru; **Фахриев Ринат Тагирович** (Сыктывкар) – учитель истории и обществознания, Муниципальное автономное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 1 с углубленным изучением отдельных предметов им. И.А. Куратова», г. Сыктывкар, ул. Чернова 12. kiprserb89@gmail.com

** Дискуссионные проблемы, связанные с этим понятием см. [4. С. 16–17].

*** К санитарным потерям относились только такие потери, которые действительно связаны с деятельностью военно-санитарных учреждений. С этой точки зрения все случаи госпитализации больных, раненных, контуженных, обмороженных, пострадавших от ожогов должны рассматриваться как санитарные потери [4. С. 16–17].

поведения высшего командного состава российской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Исходя из марксистского подхода они подчеркивали, что одной из причин больших потерь была специфика классово-психологии, определявшая пренебрежение части офицеров русской армии к жизни рядового солдата [4].

Труд Л.С. Каминского и С.А. Новосельского, по замыслу самих авторов имевший справочный характер, представлял обобщение информации о потерях в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., собранной военно-медицинской службой российской армии. В этой работе приведены данные о ее влиянии на динамику численности и состава населения России с 1875 по 1879 г.: повышение смертности, снижение уровня брачности и рождаемости, уменьшения прироста населения [5]. Эти сведения, а также краткая характеристика этнодемографических изменений в структуре населения российского Кавказа была представлена в работе известного военного историка В.А. Золотарева [1].

Советские и современные российские исследователи освещали участие различных народов Российской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В их работах приводятся отдельные факты и данные о потерях среди их представителей, которые носят фрагментарный характер [1, 6].

Историки Коми обратились к этой теме только в постсоветский период. Заслугой Н.И. Суркова является воскрешение из небытия имен более сорока солдат, уроженцев Усть-Сысольского и Яренского уездов. Он привел поименный список убитых, раненых и пропавших без вести уроженцев Коми края [7]. Важная роль в разработке этой проблематики принадлежит научному сотруднику Национального архива Республики Коми Л.А. Кызьюрову. Он расширил список воинов из Коми, принимавших участие в этой войне, до ста семидесяти шести, также используя делопроизводственные источники из фондов этого архива [8]. Частичное изучение материалов ГААО на данный момент позволяет выявить имя только одного участника этой войны – уроженца Мезенского уезда, им был рядовой лейб-гвардии гренадерского полка Алексей Николаевич Рочев, из «Мохченской волости Ижемского общества и селения из бывших государственных крестьян» [9].

В работах Н.И. Суркова и Л.А. Кызьюрова содержатся данные о безвозвратных (убитые, умершие от ран, болезней и пропавшие без вести) и возвратных (раненые, больные) потерях среди уроженцев Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. Систематизация этих данных дает основание для следующих заключений. В восьми волостях Усть-Сысольского уезда недосчитались четверых погибших, троих умерших от ран, одного от болезней и двух без вести пропавших. Из семи волостей Яренского уезда семьи в двух волостях потеряли своих родных, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Один погиб, двое умерло от болезней и один пропал без вести. На данный момент неизвестно место призыва троих пропавших без вести солдат, уроженцев Яренского уезда. С большой долей вероятности их можно отнести к категории убитых, так как нет данных, подтверждающих их присутствие или освобождение из плена [10]. Из Мохченской волости на родину не вернулся один солдат, погибший от ран. Таким образом, по данным предварительного характера, безвозвратные потери по трем уездам составили чуть более 10 % от числа участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. уроженцев Коми края. В связи с тем, что неизвестно место призыва пятнадцати человек, точные цифры о потерях по уездам и соответственно волостям на данный момент привести невозможно (табл. 1).

Таблица 1

Потери среди участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., уроженцев Коми края

Уезд, волость	Число участников войны по уездам/волостям	Род войск	Погибло в бою	Умерло от ран	Умерло от болезней	Пропало без вести
Усть-Сысольский	138/48					
Киберо-Спасская	10	Пехота			1 (сыпной тиф)	
Корткеросская	5	Неизвестно				1
Межадорская	8	Пехота	1	1		
Ношульская	8	Пехота				1
Помоздинская	7	Пехота	1			
Уркинская	4	Пехота	1			
Усть-Немская	5	Неизвестно		2		
Щугорская	1	Пехота	1			
Итог по Усть-Сысольскому			4	3	1	2
Яренский	23/16					
Айкинская	10	Пехота		1		1
Часовская	6	Пехота			1	

Окончание табл. 1

Уезд, волость	Число участников войны по уездам/волостям	Род войск	Погибло в бою	Умерло от ран	Умерло от болезней	Пропало без вести
Неизвестно		Военно-медицинская служба			1	
Мезенский						
Мохченская	1	Пехота		1		
Итог по Яренскому			–	1	2	1
Неизвестно	15	неизвестно				3
Общий итог:	79	неизвестно	4	5	3	6

Источники: ГААО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 90. Л. 86; Кызыюров Л.А. Не нам, не нам, а Имени твоему // Дым отечества. 2016. № 3–4. С. 63–78; Сурков Н.И. На службе отечеству. Сыктывкар: Изд-во Коми гос. педагогич. ин-та, 2011. С. 50–80.

Соотношение числа убитых и умерших от ран по армии в целом в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и среди уроженцев Коми края примерно равно. Соотношение численности раненых и умерших от ран среди этой категории российской армии превысило этот показатель по армии в целом немногим более чем втрое (табл. 2). Это было связано с недостаточно высоким уровнем организации военно-медицинской службы. Негативную роль в большой смертности сыграли условия транспортировки раненых. Есть данные, что по дороге в госпиталь умирала треть от общего числа тяжело- и легкораненых русских солдат и офицеров [10].

Таблица 2

Боевые потери в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Число убитых	Число раненых	Число умерших от ран
По армии в целом		
15567	56625	6824
По Коми краю		
4	16	5

Источники: Кызыюров Л.А. Не нам, не нам, а Имени твоему // Дым отечества. 2016. № 3–4. С. 63–78; Сурков Н.И. На службе отечеству. Сыктывкар: Изд-во Коми гос. педагогич. ин-та, 2011. С. 50–80; Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 129.

Сравнение данных по безвозвратным потерям по армии в целом и среди уроженцев Коми края дает основание сделать вывод предварительного характера о том, что коэффициент соотношения убитых и умерших от ран и болезней среди призванных с территории Коми края солдат русской армии составляет почти в два с половиной раза меньше, чем по армии в целом (табл. 3).

Таблица 3

Число солдат и офицеров, умерших от болезней по сравнению с числом погибших от оружия неприятеля

Погибшие от оружия неприятеля (убитые, умершие от ран)	Умершие от болезней	На 1 человека, погибшего от оружия неприятеля, приходилось умерших от болезней (безвозвратные санитарные потери)
По армии в целом		
22391	82636	3,7
По Коми краю		
9	6	1,5

Источники: ГААО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 90. Л. 86; Кызыюров Л.А. Не нам, не нам, а Имени твоему // Дым отечества. 2016. № 3–4. С. 63–78; Сурков Н.И. На службе отечеству. Сыктывкар: Изд-во Коми гос. педагогич. ин-та, 2011. С. 50–80; Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 228.

Уровень санитарного обслуживания армии не соответствовал санитарно-эпидемиологической ситуации на театре боевых действий. Эпидемии тифа и дизентерии в русско-турецкую привели к тому, что потери от оружия неприятеля составили лишь около одной четверти всех летальных потерь [3].

Публикация данных о потерях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. играла важную роль в информационной политике российской власти. 28 июня 1877 г. Главное управление по делам печати издало циркуляр, в котором предписывало губернским изданиям, в том числе и епархиальным, публиковать или печатать сведения об убитых, погибших от ран и пропавших без вести. 6 июля 1877 г. на заседании Св. Синода было принято решение перепечатывать эти сведения из официальных губернских печати [11]. Сравнение действий вологодских и архангельских губернских властей, занимавшихся осуществлением этих мер, позволяют сделать следующие выводы. «Вологодские губернские ведомости» начали публиковать данные о безвозвратных потерях

с 30 июня 1877 г. по 1 сентября 1878 г. «Вологодские епархиальные ведомости» дублируют эту информацию (частично или полностью) с 15 сентября 1877 г. по 1 октября 1878 г. Приводились точные данные о местах призыва и гибели, звании и военной части. Списки безвозвратных потерь начинают печатать в «Архангельских губернских ведомостях» позднее, с 10 (22) августа 1877 г. – список убитых офицеров. Редакция разъясняла, что в опубликованных в «Правительственном вестнике» списках отсутствовали имена уроженцев этой губернии или сведения о месте их призыва. Примечательно, что в этом номере были опубликованы имена офицеров погибших при первом штурме Плевны. Вероятно, это свидетельствовало о сохранении практик, существовавших до Крымской войны, в соответствии с которой велся учет потерь только высшего командного состава и офицеров [10]. Впоследствии эта газета публиковала сведения и о потерях среди рядовых, уроженцах Архангельской губернии. В отличие от «Вологодских губернских ведомостей», отсутствуют данные о месте их призыва, что не позволяет их использовать для уточнения числа безвозвратных потерь среди уроженцев Мезенского уезда, в состав которого входили территории Коми края.

О потерях русской армии «Вологодские губернские ведомости» сообщали и в образной поэтической форме. 13 октября 1877 г. в неофициальном отделе этого издания была опубликована баллада К. Поступальского «В лазарете». Она интересна тем, что отражает представление, которое сложилось в российской провинции о масштабах жертв России в сражениях, начиная с переправы через Дунай в июне 1877 г., включая два неудачных штурма Плевны в июле и августе и боях у р. Кара-Лом в сентябре этого же года.

Материалы НАРК и ГААО приводят к выводу о том, что в период войны и после ее окончания данные о численности участников войны и потерях среди них, а также военных инвалидов собирались исполнительными органами власти для решения вопросов социально-демографического характера.

Во время военных действий губернские власти собирали информацию об участниках русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также данные о количестве семей военнослужащих, получавших помощь от местных обществ или земских учреждений. Анализ отчетов волостных правлений Усть-Сысольского уезда свидетельствует о том, что в девятнадцати из них семьи «нижних чинов и ратников» не нуждались в помощи со стороны сельских обществ или земских органов. В Усть-Куломской и Воронцовской волостях нуждающиеся семьи получали помощь от сельских обществ. Жена и две солдатские вдовы Усть-Немской волости получали пособия от Усть-Сысольской уездной управы. Точные данные о количестве пособий от этой управы для семей участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из Киберо-Спасской волости отсутствуют. Богородское и Помоздинское волостные правления сообщали о том, что семьи военнослужащих либо были достаточно обеспеченными или получали поддержку со стороны родственников [12]. Архангельский губернатор получил сведения о том, что в Красноборской, Кедвавомской, Пысской, Мохченской, Пустозёрской и Усть-Кожвинской волостях нуждающихся в такой помощи семей не оказалось. В Усть-Цилемской волости помощь получали четыре семьи [13]. В декабре 1878 г. Архангельский и Вологодский губернаторы потребовали сведения об убитых, умерших от ран и пропавших без вести. Двадцать четыре волостных правления отправили эти сведения усть-сысольскому уездному исправнику. Они свидетельствуют о том, что источником информации об этих категориях были сведения родственников участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [12]. В Архангельск поступило сообщения о том, что в Усть-Кожвинской, Пустозерской, Пысской волостях таких категорий нет. Усть-Цилемский, красноборский, кедвавомский волостные старшины сообщили, что у них нет сведений об убитых, умерших от ран и пропавших без вести [14].

Инициатива Комитета помощи больным и раненым воинам, возглавляемый кузиной императора, по оказанию помощи в протезировании военным инвалидам побудила исполнительную власть собрать сведения о численности этой категории участников войны. В литературе указывается о том, что оказание помощи военным инвалидам со стороны Красного Креста не имело систематического характера [15]. Материалы НАРК и ГААО позволяют ответить на вопрос об причинах такой ситуации. Отсутствие сведений о нуждающихся в протезировании объяснялось тем, что ампутация конечностей у солдат и офицеров производилась либо в госпиталях, находящихся за пределами театра военных действий, и было связано с последствиями тифа, либо потому что прооперированные раненые также долечивались в госпиталях, не являвшихся подведомственными ни военному министерству, ни обществу. Примечательно, что с точки зрения министерства внутренних дел об этой категории точные сведения могли быть собраны с учетом социально-демографической специфики российской армии, большую часть которой составляли крестьяне. Это было связано с тем, что, по мнению исполнительной власти, после демобилизации (одна из форм возвратной миграции), военные инвалиды, уроженцы сельской местности возвращались на родину. Поэтому их учет мог быть осуществлен органами местной власти. В феврале 1879 г. старшины пяти волостей Мезенского уезда (Красноборской, Кедвавомской, Пысской, Мохченской, Пустозёрской и Усть-Кожвинской) сообщали об отсутствии военных инвалидов-участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [16]. Такую же информацию направил в Усть-Сысольск подъяельский волостной старшина [17].

Таким образом, сведения о различных видах потерь среди участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в том числе уроженцев Коми края, которые собирало Министерство Внутренних дел Российской империи, должна была стать основой эффективной социальной политики, направленной на сохранение политической стабильности государства в кризисных условиях.

Источники и литература

1. Золотарев В.А. Россия и Турция война 1877–1878 гг. (Основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии). М.: Наука, 1983. С. 73, 193, 217, 56–60, 219–223.
2. Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Петроград.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 246–251.
3. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.А. Алпатова, И.Б. Берхина, В.И. Буганова и др. М.: Наука, 1985. Т. 5. С. 303.
4. Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Изд-во Государственно-педагогическое, 1950. С. 57–58, 97, 117, 118, 129.
5. Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918). М.: Медгиз, 1947. С. 3, 207, 193–194.
6. Кравцов А.А., Кравцов Е.А. Участие горцев Терской области в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3.pdf (дата обращения: 25.06.2018); Маркевич В.Н. Архангелогородцы в боях за Плевну. К 120-летию окончания русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Дворянское собрание. М., 1998. № 8. С. 131–137; Волошина Е.Е. Участие донского казачества в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/uchastie-donskogo-kazachestva-v-russko-turetskoi-voine-1877-1878-gg> (дата обращения: 20.06.18); Лапин С. По-гвардейски. К 100-летию освобождения балканских народов от турецкого ига // Советская Онега. 1978. № 152 [5930]; Шагин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Герценка: Вятские записки. Киров. 2008. Вып. 13. С. 84–106; Крбежян В.Г. Армянский вопрос и международные отношения в 70-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. [Электронный ресурс] Яндекс URL: <http://www.dissercat.com/content/armyanskii-vopros-i-mezhdunarodnye-otnosheniya-v-70-kh-gg-khikh-v>
7. Трифонова Е.К., Фахриев Р.Т. Историография русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Региональный аспект). Двадцать третья годичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Февральские чтения. Сборник материалов. Текстовое научное электронное издание на компакт-диске, Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 1013–1018.
8. Кызьюров Л.А. Не нам, не нам, а Имени твоему // Дым отечества. 2016. № 3–4. С. 63–78.
9. ГААО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 90. Л. 86.
10. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 531, 20, 21, 284, 30.
11. Вологодские губернские ведомости. 1877. № 16. С. 262.
12. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1248. Л. 20, 33, 40, 7, 6, 13, 79–94.
13. ГААО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 65. Л. 119, 117, 106, 118, 131, 152, 100.
14. ГААО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 90. Л. 119, 192, 77, 105, 104.
15. Белова Е.Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX века. (По материалам губерний Центральной промышленной области): автореф. Дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2014. [Электронный ресурс]. Яндекс URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/kulturno-istoricheskij-smysl-obwestvennogo-prizrenija-russkih-voennosluzhawih.html> (дата обращения: 22.06.18).
16. ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1260. Л. 66, 84–84об., 85, 101–102об., 103.
17. НАРК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 209. Л. 3об.

О.В. Золотарев*

Отношение населения Коми автономии к работе по ликвидации неграмотности (1920–1930-е годы)

В статье анализируются особенности процесса ликвидации неграмотности в Коми автономии, встретившиеся трудности, вызванные отношением населения к работе по ликбезу.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, школа, отношение населения

O.V. Zolotarev

Attitude toward to liquidation of illiteracy of Komi autonomy in 1920–1930s

In article peculiarities of the liquidation of illiteracy in Komi autonomy are analyzed. The author reveals difficulties caused by attitude toward to liquidation of illiteracy.

Key words: liquidation of illiteracy, school, population's opinion

Ликвидация неграмотности всегда ставилась в актив политики в области образования и культуры, которая проводилась пришедшей к власти в России в октябре 1917 г. большевистской партии. Действительно, Коммунистическая партия уделяла ликбезу громадное значение. Ведь задача ликвидации неграмотности была для большевиков задачей не просто культурной, но и политической.

Впрочем, с самого начала, несмотря на столь большое значение, которое придавалось делу ликбеза, оно встретилося с трудностями. Поэтому, несмотря на привлечение значительных сил к ликбезработе и активную пропагандистскую кампанию, успехи в этом деле в первое десятилетие Советской власти оказались ничтожны. Почему это произошло, достаточно ясно видно на примере опыта Коми автономии.

Процесс ликвидации неграмотности в Коми крае начался сравнительно поздно. Это объяснялось во многом гражданской войной, ведь военные столкновения в некоторых районах земли Коми продолжались вплоть до 1920 г.

Однако действия центрального Советского правительства, предпринимаемые в целях повышения грамотности населения, активизировали и деятельность на местах. Впрочем, формальное отношение к ликбезу со стороны местных органов власти, нехватка средств, необходимость вести занятия на коми языке [1] и отсутствие возможности и желания учиться у значительной части населения делали эту работу крайне малоэффективной.

Кроме того, процесс ликбеза столкнулся с другой, весьма тяжело преодолимой трудностью – равнодушием, а порой прямо враждебным отношением населения к работе по обучению взрослых.

Именно это обстоятельство провоцировало местные власти низшего звена (председателей сельсоветов, колхозов и т.д.) на далеко не дружественное восприятие работы школ грамоты. А с другой стороны, подобное поведение руководства подпитывало и негативное отношение населения к процессу ликбеза. Массы не понимали нужности и необходимости работы по ликвидации неграмотности, ибо грамотность практически не была востребована, особенно это касалось деревенской жизни. Подобный вывод подтверждается хотя бы тем фактом, что с созданием сельхозкружков, где грамотность находила прямое практическое применение для получения агрономических и зоотехнических знаний, интерес крестьян к ликбезработе возрос.

Закреплению негативного восприятия работе по обучению неграмотных способствовала и откровенно слабая пропаганда грамотности (особенно в 1920-е гг.), а также образ жизни коми деревни – крестьяне были вынуждены зимой для поддержания финансового положения хозяйства уходить на заработки (без этого дополнительного источника доходов коми крестьянин был обречен на разорение). А фактически только в зимний период на селе можно было развернуть ликбезработу.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство – многие крестьяне видели (и надо признать, не без оснований) в учебе, прежде всего, пропаганду атеизма. Эти настроения среди крестьянства были столь

* Золотарев Олег Васильевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам СГУ им. Питирима Сорокина, oleg-zolotarev@mail.ru.

распространены, что власти были вынуждены несколько сгладить антирелигиозные мотивы в программах обучения.

Весь комплекс данных причин приводил к ситуации, когда жители сел принимали на общих собраниях решения о ликвидации неграмотности в собственной деревне (как это сделали, например, жители села Помоздино в апреле 1920 г.), несмотря на то, что подобные примеры пытались широко рекламировать. Гораздо чаще наблюдались ситуации, отраженные в отчете Нижневычегодского района за 1920 г.: «Доверие со стороны населения приходилось встречать очень редко, и потому работа этим затруднялась» [2].

На протяжении 1920-х гг. положение в этом плане практически не менялось. Власти Автономии постоянно отмечали, что обучение грамотности сталкивается с «инертностью» и идет медленно. Население и партийно-советские органы «все еще не осознали важности этой работы» и даже есть случаи отрицательного отношения» [2, с. 135]. Но если в таком тоне говорилось об этом аспекте ликбеза даже в открытой печати, то в документах служебного пользования оценки были гораздо резче. Так, руководство Ижмо-Печорского уезда в 1924 г. писало о том, что «взрослое население считает для себя тяжелой работой обучение грамотности». А Пленум Ижмо-Печорского уездного комитета РКП(б) в августе 1924 г. констатировал: «Никто добровольно не желает учиться». Пленум обвинял в отсутствии положительных подвижек власти на местном уровне: «...со стороны ячеек и ВИКа достаточных мер по изменению этого принято не было. Этот вопрос среди широких слоев населения не обсуждался». Конечно, комплекс причин, вызвавших эту ситуацию, был шире, нежели указывало руководство Ижмо-Печорского уезда, но в целом оценки, даваемые сложившемуся положению, были верными и нелестными. Надо заметить, что и из других районов Автономии шли подобные же сетования – население «несерьезно относится» к ликбезу и работа этим затрудняется [2].

Особенно страдало дело обучения грамоте из-за ее негативного восприятия населением на Крайнем Севере. Представители Наркомнаца отмечали, что население на Севере «больше всего боится на свете, пуще огня боится трех вещей: писаной бумаги, солдатчины и школы». Данные обстоятельства, вызванные отчуждением населения от власти (эти настроения утвердились еще при царском режиме), ибо оно от власти в прежние времена чаще всего не видело ничего хорошего, особенно осложняли ликбезработу в этом регионе. К тому же и невостребованность грамоты ощущалась среди кочевых народов Севера еще острее. Ненцы говорили: «Учить оленя надо, учить собаку надо, но зачем учить человека?... Он и сам знает, как жить, школа полезному не научит» [3].

Подобные настроения, широко распространенные среди местных жителей, конечно, значительно затрудняли работу ликвидационных пунктов, ибо население правдами и неправдами пыталось избавиться от обучения грамоте как от трудной и непонятной обязанности. И власти в 1920-е гг. (да и в 1930-е гг.) не могли с этим затруднением справиться и достичь хотя бы удовлетворительного посещения школ грамоты. Обычно уже в самом начале учебы переставало посещать ликпункты (часть и не приступала к занятиям) около половины неграмотных.

Положение ничуть не улучшилось и в середине 1920-х гг., хотя именно тогда была предпринята серьезная попытка ликвидировать массовую неграмотность населения к 10-летию Октябрьской революции. Власти в этот период активно старались привлечь неграмотную и малограмотную часть населения к учебе. Однако отрицательное отношение к ликбезу основной части населения переломить не удалось. В итоге низкая посещаемость значительно снижала качество работы и ее результаты. В среднем по Автономии посещаемость школ грамоты не превышала 50%. И это несмотря на то, что работа по ликбезу была признана «ударной» [2]. Хотя данный показатель улучшился по сравнению с началом 1920-х гг., и это свидетельствовало о некотором успехе руководства в деле пропаганды грамотности, но он был ниже желаемого и не гарантировал реального и быстрого движения к общей грамотности населения.

Ситуация, сложившаяся в Автономии, не была исключением, она была характерна для всей страны. В 1926 г. в сельских местностях северо-восточных регионов России ликпункты оканчивало 69,6% поступивших, а в городских – 71% [4]. Таким образом, показатели по Коми автономии (особенно если учесть, что большинство населения в ней было сельское) являлись лишь немного хуже. Возможно, это объяснялось большой разбросанностью ликпунктов, что, вследствие значительных расстояний между селами, затрудняло их регулярное посещение.

Говоря о посещаемости школ грамоты, необходимо указать еще на одно связанное с этим обстоятельство. Власти отмечали, что посещаемость ликвидационных пунктов была неплохой в первые дни работы и постепенно уменьшалась по мере продвижения учебы. Таким образом, она все время учебы имела тенденцию к снижению, и отсев достигал более половины учащихся. Это наблюдение заставляет с особой осторожностью относиться к официальным данным об окончивших обучение (в середине 1920-х гг. эта цифра колебалась в пределах 55–60%) [5].

В 1930-е годы, когда наблюдалось значительное увеличение темпов ликбезработы, положение с посещаемостью школ грамоты если и улучшилось, то в весьма незначительной степени. Она в конце

1930-х гг. составляла около 70%. И, наверное, в свете поставленной задачи массовой ликвидации неграмотности всего населения эта цифра выглядит не столь уж благополучной. Тем более что власть так и не смогла добиться посещения ликпунктов всеми неграмотными.

Сложившуюся ситуацию можно оправдать некоторой спецификой ликбеза 1930-х гг. Неграмотным оставался к тому времени практически только тот контингент, который упорно не желал учиться, и привлечь его в ликвидационные пункты было крайне сложно. Далее – 1930-е гг. – это период развернувшихся в Коми автономии усиленных лесозаготовок, ибо немалую часть валютных поступлений для СССР давала продажа лесоматериалов. А валюта была крайне нужна для индустриализации страны. И предпочтение отдавалось организации работы в лесу, а не обучению грамоте. Да к тому же на лесозаготовках было очень сложно, порой просто невозможно организовать четкую и регулярную работу пунктов по ликвидации неграмотности. И это наносило серьезный удар по обучению взрослых, так как на работу в лесу была мобилизована значительная часть сельского населения Автономии, среди которого было и немало неграмотных, остававшихся таким образом вне сферы деятельности ликпунктов.

Значительно вредило делу ликвидации неграмотности еще одно обстоятельство – обученные грамоте во многих случаях очень быстро разучивались читать и писать, и их приходилось учить снова. Нарком просвещения А.В.Луначарский в этой связи замечал «...грамоте научить – это еще не все. Один из бичей наших – это то, что научатся грамоте и забывают ее снова». И это было очень частым явлением на всей территории страны [6].

Во многом такое положение объяснялось низким качеством обучения, вызванным целым комплексом причин (здесь и слабое материальное обеспечение, и недостаточная подготовка ликвидаторов, и плохое посещение, и сжатые сроки обучения). Но не в последнюю очередь низкое качество обучения определялось и явно заниженными требованиями, согласно которым грамотными считались умеющие читать, писать и знающие основы политграмоты. Причем умение писать выражалось в способности начертать собственную фамилию, а считать учили только в пределах двух десятков. Конечно, подобные критерии грамотности позволяли говорить лишь о формальной, но отнюдь не функциональной грамотности.

Можно поэтому понять крестьян – подобные знания вряд ли пригодились бы им в повседневной жизни. Конечно, власти пытались исправить положение с посещением школ грамотности. Однако на первом этапе ликбеза (в 1920-е гг.) они явно предпочитали использовать не агитационно-пропагандистскую деятельность, направленную на привлечение людей в школы грамоты. Гораздо большей популярностью у властей пользовались методы административного воздействия. Но эти довольно суровые, казалось, меры не давали ожидаемых руководством результатов. И в середине 1920-х гг. режим переориентировался на пропаганду ликбезработы. Инициатива этого шла от центральных органов. В 1925 г. ЦК РКП(б) в Постановлении «О работе общества “Долой неграмотность”» указал на необходимость «вести настойчивую работу за полную нагрузку имеющихся ликпунктов», причем предлагалось делать упор на разъяснительные меры [7]. Работа по вовлечению неграмотных в школы грамоты легла в основном на плечи рядовых членов партии и ВЛКСМ и учительства [8]. Комсомольцы и партийцы, педагоги ходили по домам и разъясняли необходимость посещения школ грамоты, нужность учебы. Этот метод пропаганды – от двери к двери – был, как показывала практика, наиболее действенным.

Учитывая важность задачи, власти пытались организовать и более масштабную агитацию. В частности, проводились «недели ликвидации неграмотности». Их главная цель была в обеспечении массовости ликбеза, что подтверждается основными лозунгами, под которыми они проходили («грамотный, приведи в школу двух неграмотных», «пусть каждый грамотный обучит одного неграмотного» и т.п.). Но в ходе их не только велась агитация, но и собирались средства. Впрочем, агитационная работа местных властных структур носила не постоянный, а спорадический характер, активизируясь лишь время от времени (это зависело от нажима из центра). К тому же во многих регионах Коми автономии как в 1920-е, так и в 1930-е гг. местные органы власти считали этот вопрос второстепенным.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на все старания властей (порой не слишком активные), изменить негативное отношение населения автономии к работе по обучению неграмотных даже к концу 1930-х гг. сделать это не удалось. Хотя немалая часть жителей все же начала осознавать важность и необходимость овладения грамотой.

Источники и литература

1. Золотарев О.В. Коми национальная школа: этапы развития // Февральские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательской работы в 2010 году: Научное электронное издание / Отв. ред. Е.В. Хохлова. Сыктывкар, 2011. С. 38–42.

2. *Золотарев О.В.* Ликвидация массовой неграмотности населения в Коми автономии. Сыктывкар: Коми пединститут, 2000. С. 72–74.
3. Советский Север. 1932 год. № 4. С. 94.
4. Народное просвещение в РСФСР. Статистический сборник. М.; Л., 1928. С. 105.
5. Отчет Областного исполнительного комитета Автономной области Коми за 1925–26 гг. Усть-Сысольск, 1927. С. 111.
6. А.В.Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 354.
7. Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917–1973. М., 1974. С. 380.
8. *Золотарев О.В.* Советское учительство в 1930-е годы // Интеллигенция и мир. 2010. № 1. С. 56–68.

А.М. Мацук*

Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в 1950–1980-х годах: сходства и различия**

В статье рассмотрена динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в целом за период 1950–1980-х гг. Приведено сопоставление данных как по количеству средних специальных учебных заведений, так и по числу учащихся в них. Выявлены сходства и основные различия динамики изменения исследуемых показателей на территории Европейского Севера и РСФСР.

Ключевые слова: среднее специальное образование, Европейский Север, РСФСР, численность учащихся

А.М. Matsuk

Dynamics of the number of students in secondary special educational institutions in the European North of Russia and the RSFSR in the 1950s–1980s: similarities and differences

In the article the dynamics of the number of students of secondary special educational institutions in the European North of Russia and the RSFSR as a whole for the period of the 1950s–1980s was considered. Comparison of data is given, both in terms of the number of secondary special educational institutions and the number of students in them. Similarities and main differences in the dynamics of changes in the studied indicators in the territory of the European North and the RSFSR are revealed.

Key words: secondary specialized education, European North, RSFSR, number of students

К началу 1950-х гг. на территории РСФСР в целом и Европейского Севера России в частности сложилась система средних специальных учебных заведений. На протяжении последующих десятилетий данная система продолжала развиваться как за счет увеличения количества учебных заведений, так и численности учащихся. В данной статье приведено сопоставление данных по числу средних специальных учебных заведений и численности учащихся в районе Европейского Севера России и в РСФСР в целом за период 1950–1980-х годов. Имеющаяся информация по этому вопросу представлена в следующих двух таблицах (данные приведены за те годы, по которым имеется информация).

Таблица 1

Доля Европейского Севера в общем количестве средних специальных учебных заведений и учащихся по РСФСР

Годы	Число техникумов по ЕС	Число учащихся по ЕС, тыс.	Число техникумов по РСФСР	Число учащихся по РСФСР, тыс.	Доля ЕС к РСФСР: техникумы	Доля ЕС к РСФСР: учащиеся
1950/51	96	30,4	н.с.	810	н.с.	3,75%
1955/56	98	39,8	н.с.	1201	н.с.	3,31%
1956/57	89	37,7	н.с.	1243,6	н.с.	3,03%
1957/58	н.с.	35,2	н.с.	1199	н.с.	2,94%
1958/59	79	34,4	1958	1154,6	4,03%	2,98%
1959/60	76	36,1	1948	1162,2	3,9%	3,11%
1960/61	78	38,9	1961	1260,3	3,98%	3,09%

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, almmatsuk@gmail.com.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Окончание табл. 1

Годы	Число технику- мов по ЕС	Число учащихся по ЕС, тыс.	Число технику- мов по РСФСР	Число учащихся по РСФСР, тыс.	Доля ЕС к РСФСР: тех- никумы	Доля ЕС к РСФСР: учащиеся
1961/62	78	46,4	2018	1453,4	3,87%	3,19%
1962/63	83	52,4	н.с.	1641,2	н.с.	3,19%
1963/64	86	61,4	2127	1843,3	4,04%	3,33%
1964/65	86	69,9	2175	2062,4	3,95%	3,39%
1965/66	87	76,9	н.с.	2259,3	н.с.	3,4%
1966/67	89	82,1	н.с.	2423,9	н.с.	3,39%
1967/68	91	85	2334	2506,4	3,9%	3,39%
1969/70	95	88,4	н.с.	2556,8	н.с.	3,46%
1970/71	95	90,9	2423	2606,2	3,92%	3,49%
1971/72	95	92,3	н.с.	2624,9	н.с.	3,52%
1972/73	97	92,7	н.с.	2638,8	н.с.	3,51%
1973/74	96	93,6	2472	2655	3,88%	3,53%
1974/75	96	93,4	н.с.	2673	н.с.	3,49%
1975/76	94	93,1	2483	2693,1	3,79%	3,46%
1976/77	н.с.	92,2	н.с.	2732,3	н.с.	3,37%
1977/78	97	91,8	н.с.	2736,8	н.с.	3,35%
1978/79	94	90,4	2486	2725,2	3,78%	3,32%
1979/80	96	88,8	н.с.	2688,4	н.с.	3,3%
1980/81	96	87,8	250	2641,6	3,83%	3,32%
1981/82	95	87,4	н.с.	2587,2	н.с.	3,38%
1982/83	н.с.	86,7	н.с.	2543	н.с.	3,41%
1983/84	96	85,6	2528	2509	3,8%	3,41%
1984/85	96	85,5	2547	2494	3,77%	3,43%
1985/86	96	84,9	н.с.	2478,3	н.с.	3,43%
1986/87	н.с.	85	н.с.	2465,1	н.с.	3,45%
1987/88	97	84,3	2573	2440,6	3,77%	3,45%
1988/89	98	83,6	2583	2408,2	3,79%	3,47%
1989/90	99	81,2	2595	2338,3	3,82%	3,47%

Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статистический ежегодник. М.: Государственное статистическое издательство, 1959. С. 460; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 523; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 496; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. С. 530; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 487; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 438; Народное хозяйство РСФСР в 1967 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1968. С. 465; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1971. С. 435; Народное хозяйство РСФСР в 1973 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1974. С. 473; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1976. С. 456; Народное хозяйство РСФСР в 1978 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1979. С. 290; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1981. С. 342 – 343; Народное хозяйство РСФСР в 1983 году. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1984. С. 326–327; Народное хозяйство РСФСР в 1984 г. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1985. С. 329, 330; Народное хозяйство РСФСР в 1987 году. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1988. С. 480; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1989. С. 185; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 269; Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М.: Государственное статистическое издательство, 1957. С. 326.

Таблица 2

**Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений
на Европейском Севере России и РСФСР***

Годы	Число учащихся по ЕС по сравнению с предыдущим годом в табл. 1	Число учащихся по РСФСР по сравнению с предыдущим годом в табл. 1
1950/51	100%	100%
1955/56	130,92%	148,27%
1956/57	94,72%	103,55%
1957/58	93,37%	96,41%
1958/59	97,73%	96,3%
1959/60	104,94%	100,66%
1960/61	107,77%	108,44%
1961/62	119,28%	115,32%
1962/63	112,93%	112,92%
1963/64	117,18%	112,31%
1964/65	113,84%	111,89%
1965/66	110,01%	109,55%
1966/67	106,76%	107,29%
1967/68	103,53%	103,4%
1969/70	104%	102,01%
1970/71	102,83%	101,93%
1971/72	101,54%	100,72%
1972/73	100,43%	100,53%
1973/74	100,97%	100,61%
1974/75	99,79%	100,68%
1975/76	99,68%	100,75%
1976/77	99,03%	101,46%
1977/78	99,57%	100,16%
1978/79	98,47%	99,58%
1979/80	98,23%	98,65%
1980/81	98,87%	98,26%
1981/82	99,54%	97,94%
1982/83	99,2%	98,29%
1983/84	98,5%	98,66%
1984/85	99,88%	99,4%
1985/86	99,3%	99,37%
1986/87	100,12%	99,47%
1987/88	99,18%	99,01%
1988/89	99,17%	98,67%
1989/90	97,13%	97,1%

* Подсчет сделан на основе данных табл. 1. Процент вычислен по сравнению с предыдущим показателем, зафиксированным в табл. 1.

Представленные в табл. 1, 2 данные показывают определенные закономерности в динамических рядах численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и в целом на территории РСФСР. Так, по имеющейся информации видно, что на территории как Европейского Севера, так и РСФСР в целом в первой половине 1950-х гг. отмечено существенное увеличение числа учащихся техникумов и училищ. Подобный процесс зафиксирован и на отрезке с 1959/60 учебного года до 1970-х гг., когда ежегодно фиксировался прирост числа учащихся. В дальнейшем до конца изучаемого периода отмечается нисходящий вектор динамики численности учащихся средних специальных учебных заведений как на территории Европейского Севера, так и РСФСР.

Несмотря на общую схожесть динамики рассматриваемых показателей, стоит отметить, что в представленных динамических рядах имеются заметные расхождения. Например, по приведенным данным видно, что определенный кризис системы среднего специального образования второй половины 1950-х гг., вызванный рядом нормативных актов Совмина и Верховного Совета СССР, принятых в рамках реформы образования,

на Европейском Севере начался быстрее, чем в целом по РСФСР [1]. Уже в 1956/57 учебном году на Европейском Севере было зафиксировано значительное уменьшение числа учащихся техникумов и училищ, тогда как в целом по РСФСР все еще был отмечен рост данного показателя. Помимо этого, данное явление привело к более существенному падению количества учащихся на Европейском Севере РСФСР, чем в целом по РСФСР. Например, при сравнении показателей за 1955/56 и 1958/59 учебный год видно, что, по данным 1958/59 года, на Европейском Севере в средних специальных учебных заведениях обучалось 86,43%, а в РСФСР – 96,14% от показателя 1955/56 года. Кроме того, система среднего специального образования на Европейском Севере России позже, чем в целом по РСФСР, вышла из данного кризиса. Так, если в РСФСР в целом уже в 1960/61 учебном году был превзойден докризисный уровень численности учащихся, то на Европейском Севере он был преодолен в 1961/62 учебном году.

Период роста численности учащихся как на Европейском Севере России, так и на территории РСФСР в целом приходится на 1960–1970-е гг. Тем не менее стоит отметить, что на Европейском Севере уже в 1974/75 учебном году началось уменьшение числа учащихся средних специальных учебных заведений, тогда как по РСФСР в целом данный процесс начался в 1978/79 учебном году, или на четыре года позже.

По приведенным в табл. 1 данным видно, что доля средних специальных учебных заведений, функционировавших на Европейском Севере РСФСР в общем числе средних специальных учебных заведений по РСФСР в целом, а также доля учащихся в них были небольшими. Можно предположить, что это является одним из свидетельств того, что работа техникумов и училищ на Европейском Севере была в максимальной степени направлена на потребности областей и республик данной территории в кадрах средней квалификации и в наименьшей степени на подготовку специалистов для территории РСФСР в целом.

Источники и литература

1. Подробнее о влиянии реформы образования второй половины 1950-х гг. на систему среднего специального образования на Европейском Севере РСФСР см.: Мацук А.М. Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1 (41). С. 101–109.

В.Н. Бубличенко*

Изменение состава несовершеннолетних детских трудовых колоний НКВД – МВД СССР в 1940-е годы

В статье дана обобщающая характеристика изменения состава несовершеннолетних детских трудовых колоний НКВД – МВД Советского Союза в 1940-е гг. Основное внимание уделено анализу возрастной дифференциации осуждённых и контингенту подростков по инкриминируемым преступлениям. В заключение сделаны выводы по рассмотренным проблемам.

Ключевые слова: подростковая преступность, НКВД СССР, контингент несовершеннолетних, детские трудовые колонии, подростковый возраст

V.N. Bublichenko

Change in the composition of under-age children's labor colonies of the NKVD USSR Ministry of Internal Affairs in the 1940s

The article gives a general characterization of the changes in the composition of the children's labor colony of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the Soviet Union in the 1940s. The main attention is paid to the analysis of the age differentiation of convicts and the contingent of adolescents on incriminated crimes. In conclusion, conclusions were drawn on the problems discussed.

Key words: juvenile delinquency, the NKVD of the USSR, a contingent of minors, children's labor colonies, adolescence

Пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в годы Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие продолжали динамично развиваться. Процесс осложнялся ростом беспризорности, безнадзорности и преступности среди подростков, которые остались без семейного воспитания, стали сиротами, занялись бродяжничеством. К решению проблемы подростковой преступности советское руководство привлекало исполкомы краевых, районных, областных и городских Советов депутатов трудящихся. Однако в условиях военного времени требовались иные меры. Отметим примечательную ремарку начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей В.Г. Наседкина в рапорте заместителю наркома внутренних дел Советского Союза С.Н. Круглову от 11 февраля 1942 г.: «ГУЛАГу и его периферии как органу, в задачу которого входит содержание и изоляция преступников, совершенно не свойственны функции приёмников-распределителей и работа по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью [2, с. 378]». На основании постановления Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и преступностью» решение возникшей проблемы возлагалось на специально созданный в структуре Наркомата внутренних дел страны Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ). В сферу деятельности подразделения входило руководство трудовыми воспитательными колониями для несовершеннолетних и приёмниками-распределителями, разработка и осуществление мероприятий по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, организация и трудоустройство подростков после отбытия срока наказания.

После получения большой административной самостоятельности руководство ОБДББ начало вести целенаправленную работу по реализации поставленных перед ним задач. Появилась возможность открытия новых пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних. Так, в 1943–1944 гг. на территории Европейского Севера России в короткие сроки были созданы следующие детские трудовые (ДТК) и трудовые воспитательные (ДТВК) колонии: Ухтинская (Коми АССР), Архангельская и Емцовская (Архангельская область), Белозёрская, Красавинская, Судская, Шеломовская, Шекснинская (Вологодская область). Данный регион был выбран с целью минимизации расходов на содержание несовершеннолетних правонарушителей. Аналогичные мероприятия, связанные с открытием новых пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних, происходили в других регионах Советского Союза.

* Бубличенко Владимир Николаевич (Ухта) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет», vbublichenko@mail.ru

Важное место в деятельности Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД – МВД СССР отводилось контролю численности и состава подростков в детских трудовых колониях. От этих данных зависело решение многих вопросов, связанных с функционированием детских пенитенциарных учреждений: объём финансирования, расчёт плановых показателей и др. Учреждения готовили сводки о движении осуждённых подростков по состоянию на конец отчётного месяца. Стандартный бланк сводки состоял из 14 пунктов с подразделами. В них указывалась общая численность осуждённых, прибывшие и откуда, убывшие и место убытия, социальное положение осуждённых (сироты, сироты в результате войны, местонахождение родителей не установлено), судимости, характер преступления, сроки заключения и другие данные. Периодически в бланки сводок вносились изменения, которые учитывали изменения в составе контингента детских трудовых колоний. Аналогичные квартальные и годовые отчёты поступали в распоряжение ОБДББ НКВД – МВД СССР (они сохранились в фондах Государственного архива Российской Федерации), где на их основе готовились аналитические материалы.

Подробнее остановимся на характеристике численности контингента и возрастном составе осуждённых подростков ДТК НКВД – МВД СССР в 1940-е гг. Сводная информация по данным параметрам деятельности советских пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних, составленная по итоговым сводкам движения осуждённых подростков из Государственного архива Российской Федерации, представлена в табл. 1.

На основе статистических данных ДТК НКВД – МВД СССР выделяется два периода увеличения численности осуждённых несовершеннолетних в детских пенитенциарных учреждениях. Первый из них приходится на 1943–1945 гг., когда факторы роста беспризорности и безнадзорности увеличили контингент детских трудовых колоний более чем в три раза: с 7 288 чел. до 23 927 [1, д. 17, л. 2]. В результате усиления карательной составляющей советского законодательства в 1947–1948 гг. контингент подростков, отбывающих наказание в детских трудовых колониях, увеличился с 30 285 до 46 877 чел. [1, д. 95, л. 27; д. 180, л. 19].

Как в первой половине 1940-х гг., так и во второй преобладающей возрастной группой в детских трудовых колониях являлись осуждённые несовершеннолетние 15–16-летнего возраста. Достаточно большая часть совершивших противоправные деяния подростков были 13–14 лет. Наиболее возможной интерпретацией сложившегося положения может служить специфика психологии подросткового возраста. В период негативной фазы пубертатности, когда запретные виды деятельности для несовершеннолетних становились наиболее притягательными, они в большей степени могли подвергнуться влиянию преступной среды и совершить противоправные деяния. С другой стороны, в условиях кризиса социальной инфраструктуры советского общества 1940-х гг., связанного с войной и послевоенным восстановительным периодом, подростковая преступность получила дополнительные источники пополнения.

Составной частью характеристики подростковой преступности в Советском Союзе 1940-х гг. являются сведения о составе несовершеннолетних ДТК НКВД – МВД по инкриминируемым преступлениям, сводная информация о которых представлена в табл. 2. Данные табл. 2 позволяют отнести кражи к наиболее распространённым видам преступлений среди подростков. Очевидно, данный вид противоправных деяний был самым простым способом выживания несовершеннолетних в условиях военного и послевоенного времени. Снижение в 1945 г. осуждённых за кражи подростков в детских трудовых колониях на 57,8 % относительно 1944 г. носило временный характер, поскольку в 1946–1947 гг. число совершивших хищение чужого имущества несовершеннолетних значительно увеличилось.

Кроме краж, среди размещаемых в детские трудовые колонии подростков распространённым видом преступления являлись грабежи. В 1945 г. по сравнению с предшествующим число подростков, осуждённых за участие в вооружённых грабежах, снизилось на 32,7 %. Однако в 1947 г. число подростков в детских трудовых колониях с инкриминируемым преступлением «грабёж» увеличилось на 77,6 %. Отметим, что после 1945 г. в ведомственной статистике МВД СССР параметр «вооружённый грабёж» перестал применяться. Если принять во внимание, что во второй половине 1940-х гг. несовершеннолетние стали чаще совершать особо опасные преступления, убийства и ранения, то следует сделать вывод о качественном изменении преступности среди них, росте преступного профессионализма и агрессии.

Таким образом, в 1940-е гг. изменение состава несовершеннолетних в детских трудовых колониях НКВД – МВД СССР развивалось в условиях кризисных явлений в социальной инфраструктуре советского общества военного и послевоенного периода. Негативное окружение в сочетании с психофизиологическими особенностями подросткового возраста вело к росту преступности несовершеннолетних. Наибольшее распространение среди малолетних преступников получили кражи и грабежи, что не останавливало их от совершения более тяжких правонарушений.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1.
2. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Сост. С.С. Виленский, А.И. Кокурин, Г.В. Атамашкин, И.Ю. Новиченко. М.: МФД, 2002.

Л.А. Попова*

Развитие брачно-семейных отношений в Республике Коми в 1920–1990-е годы

Рассмотрены тенденции брачности населения Республики Коми на протяжении 1920–1990-х гг. Выделены факторы, определявшие уровень брачности в разные периоды времени: трансформация брачно-семейных отношений в стране в послеоктябрьский период, особенности брачно-семейного поведения коренного населения республики, нормативно-правовые акты в сфере семьи и брака, характер миграционного движения населения, просемейная демографическая политика 1980-х гг., изменения в нравственно-психологическом состоянии российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг., социально-экономический кризис 1990-х гг.

Ключевые слова: брачность, брачно-семейное законодательство, миграция, структура населения, Республика Коми

L.A. Popova

Development of marriage and family relations in the Komi Republic in the 1920–1990s

The article considers the trends of marriage rate of the Komi Republic population during the 1920–1990s. The author identifies the factors that determined the level of marriage rate in different periods of time: transformation of marriage and family relations in the country in the post-October period, specificity of the marriage and family behavior of the indigenous population of the Republic, legal acts in the field of family and marriage, the nature of the migration movement of the population, family demographic policy of the 1980s, changes of the moral and psychological state of Russian society in the late 1980s and early 1990s, the socio-economic crisis of the 1990s.

Key words: marriage rate, marriage and family law, migration, population structure, Komi Republic

В демографических исследованиях основное внимание традиционно уделяется рождаемости, смертности и миграции. В то же время изучение закономерностей развития брачно-семейных отношений также является неотъемлемой частью демографического анализа: движение семьи включается в расширительную трактовку понятия воспроизводства населения. Кроме того, все демографические процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенности развития семейной структуры населения во многом влияют на показатели рождаемости, на уровень смертности, на степень миграционной подвижности населения. Доклад посвящен тенденциям брачности населения Республики Коми в 1920–1990-е гг. и их факторам.

Тенденции развития брачно-семейных отношений в России в 1920–1930-е гг. во многом определяются их революционной трансформацией в послеоктябрьский период. Если в развитых странах еще несколько десятилетий назад юридически зарегистрированный брак повсеместно был единственной признанной обществом формой супружеского союза [1], то в послеоктябрьской России уже к началу 1920-х гг. на смену церковному браку пришли гражданские: как зарегистрированные в органах ЗАГС, так и незарегистрированные фактические брачные союзы, основанные лишь на взаимном согласии мужчины и женщины. После революции за очень непродолжительное время в стране было принято несколько брачно-семейных кодексов, закреплявших отделение брака от церкви и признание только гражданского брака: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [2], Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака» [3], Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят на сессии ВЦИК 16.09.1918 г.) [4], Кодекс законов о браке, семье и опеке (введен Постановлением ВЦИК от 19.11.1926 г.) [5].

Незарегистрированные гражданские браки стали широко распространенным явлением, характерным для всех слоев советского общества. После принятия Кодекса 1926 г., который придал фактическим брачным отношениям правовое значение, фактические браки стали вполне легитимными. Существовали они практиче-

* Попова Лариса Алексеевна (Сыктывкар) – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, popova@iespn.komisc.ru

ски наравне с зарегистрированными. Дети, которые росли в таких семьях, не имели никакого ущемления за то, что брачный союз родителей не был регламентирован по закону. При этом лица, состоящие в фактических брачных отношениях, могли в любое время оформить их установленным законом порядком – с указанием срока совместной жизни. Постепенно даже термин гражданский брак утратил в обиходе свое первоначальное значение и, по сути, стал синонимом фактического брака.

В Республике Коми распространение фактических браков, кроме того, имеет и исторические корни. Среди коми, довольно поздно охваченных влиянием христианства и сохранивших в своей культуре и повседневной жизни элементы язычества, церковный брак не получил до революции всеобщего распространения. В Коми крае и после принятия христианства продолжали сохраняться языческие брачные обычаи, бытовавшие здесь ранее. Вот как они были описаны во второй половине XIX в.: «Помолвка поцелуями» и «венчание вокруг ракитового куста» составляют здесь общее явление. Поэтому-то в Вологодской губернии на этот край приходится самое большое число незаконнорожденных... Детоубийств при этом нет. Это потому, что незамужние матери за свою «вольную любовь» не испытывают ни страха, ни стыда. А не испытывают они этих неприятных, тяжелых, удручающих чувств опять-таки оттого, что общественное мнение не презирает их за внебрачную связь, не позорит и не клеймит их никаким унижительным, ругательным прозвищем. Если, случается, по злобе кто-нибудь и отзовется дурно о такой женщине, то тотчас же найдутся защитники и недоброжелателю зажмут рот. «Пустое!» говорит в таких случаях мир. «Она – девка работающая, хорошая... Живет с одним». Этим все сказано. Так же благоприятно, с тою же терпимостью общественное мнение относится и к «детям любви». ...И положение незаконнорожденных ничем не отличается здесь от положения законнорожденного. От него требуется то же, что и от законнорожденных: будь лишь путевый, работающий человек. А до происхождения, до того, есть ли отец – никому и дела нет» [6, с. 78–79]. Иными словами, даже во время доминирования в России традиционной модели брачно-семейного поведения населения в Коми крае не только не освященный церковью брачный союз, но даже и неполная материнская семья не подвергались ни остракизму, ни осуждению на бытовом уровне.

Поэтому те спорадические данные об уровне брачности населения Республики Коми, которые доступны нам за довоенный период (табл. 1), очевидно, не отражают реальной ситуации с развитием брачно-семейных отношений, поскольку свидетельствуют лишь об уровне официальной брачности, которая в те годы охватывала далеко не все формирующиеся семьи.

Таблица 1

Динамика общего коэффициента брачности населения Республики Коми, на 1000 человек населения

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Год	Все население	Городское население	Сельское население
1920	6,4	...	...	1980	10,5	10,4	10,6
...				1981	10,8	10,9	10,6
1930	7,5	...	...	1982	10,8	10,7	11,1
...				1983	10,8	10,8	10,8
1939	5,5	...	...	1984	10,1	10,1	9,9
1940	4,6	...	...	1985	10,2	10,4	9,4
...				1986	10,6	10,9	9,7
1945	10,7	...	...	1987	10,5	10,7	9,6
...				1988	9,4	9,9	8,0
1950	13,2	21,6	8,2	1989	9,4	9,9	7,9
...				1990	9,1	9,4	7,6
1955	28,4	...	...	1991	8,8	9,2	7,5
...				1992	6,9	7,4	5,4
1960	14,1	16,0	11,3	1993	7,5	7,9	6,5
...				1994	6,9	7,5	5,3
1965	8,9	...	...	1995	7,5	7,8	5,4
...				1996	5,5	6,0	3,0
1970	9,6	10,6	10,7	1997	6,6	7,0	4,0
...				1998	5,9	6,1	3,8
1975	10,7	...	...	1999	6,4	6,6	4,2
...				2000	5,7	6,0	3,2

Источники: Статистические сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.

Примечание: ... – нет данных.

В более поздний период времени уровень официальной брачности стал несколько более адекватно отражать ситуацию, складывающуюся в области формирования семьи. Жизнь показала, что новые, революционные брачно-семейные отношения не во всем оказались позитивными. Свобода в отношениях мужчины и женщины зачастую оборачивалась свободой от ответственности. Проводимые властью преобразования семьи особенно ярко проявились в поведении молодежи, вызвав в ее среде падение престижа брака и рост добровольного безбрачия. В стране стала быстро снижаться рождаемость, возросло число искусственных аборт, невиданных размеров достигла детская беспризорность. Власть не могла не встревожиться столь революционным развитием своего социального эксперимента и вскоре начала проводить политику последовательного отказа от свободы брака [7].

Уже во второй половине 1930-х гг. вопросы брачно-семейных отношений получили принципиально новое идеологическое истолкование. Проблема свободы выбора формы брачных отношений была снята и подменена проблемой семейного долга. При этом начали восстанавливаться основные функции семьи как хозяйственно-потребительской ячейки общества. Первым шагом было Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских сад, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» [8]. Вторым – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [9]. Факту регистрации брака стало придаваться значение средства оказания культурно-воспитательного воздействия на укрепление в семье «социалистических принципов» [7].

Конечно, за годы Великой Отечественной войны число зарегистрированных браков в СССР значительно упало – более чем в 2 раза. Однако сразу после ее окончания, после демобилизации солдат, а также вследствие введения Указа 1944 г. начался резкий подъем уровня брачности населения. Общий коэффициент в 1946 г. вдвое превысил свою довоенную величину. В целом по стране повышение уровня брачности происходило в условиях огромного дисбаланса полов и поэтому носило непродолжительный характер: уже с 1947 г. в брачных процессах наступил новый спад [10, с. 18–20].

В Республике Коми сложилась принципиально иная ситуация. Необходимость вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств ее северных территорий и в довоенный период обуславливала приток населения в республику. Однако в первое послевоенное десятилетие, когда здесь быстрыми темпами стали развиваться лесозаготовки, разведка, добыча и переработка углеводородного сырья, объемы миграционного прироста оказались небывалыми: за 1946–1950 гг. он составил 72,1 тыс. чел., за 1951–1955 гг. – 104,7 тыс. чел. [11, с. 44]. Численность населения Республики Коми за период между переписями 1939 и 1959 гг. увеличилась более чем в 2,5 раза – в основном благодаря миграционному притоку. И поскольку в его составе преобладали молодые, преимущественно неженатые мужчины, он существенно улучшал половозрастную и брачную структуру населения республики, выгодно отличая ее от сложившейся по стране в целом.

Как видно из табл. 1, уже в 1945 г. уровень общего коэффициента брачности оказался в Республике Коми в два с лишним раза выше, чем в довоенном 1940 г. После войны он повышался здесь довольно высокими темпами, особенно в первой половине 1950-х гг., характеризовавшихся наибольшими объемами миграционного притока населения. Достигнув в середине десятилетия максимальных – пиковых – значений, по всей видимости, явившихся следствием «комсомольских» свадеб в районах нового освоения, уровень брачности резко снизился вследствие истощения брачного потенциала. Дальнейшее сокращение в первой половине 1960-х гг. было связано с неблагоприятными изменениями в возрастной структуре населения. В Республике Коми они определялись как достижением брачного возраста малочисленными поколениями, рожденными в годы войны, так и начавшимся миграционным оттоком из региона.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. в условиях восстановления положительного сальдо миграции показатели брачности несколько увеличились. Определенную роль сыграло и упрощение процедуры развода согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» от 10 декабря 1965 г. [12]. В 1966 г. в стране произошел скачкообразный рост разводимости, явившийся результатом массового оформления разводов, которые фактически давно состоялись. Соответственно, в ближайшие годы смогли быть зарегистрированы и фактически уже существовавшие семьи, чему до этого препятствовал неоформленный развод в предыдущей семье. Рост показателей брачности населения наблюдался также в начале – середине 1980-х гг., характеризовавшихся проведением в стране просемейной демографической политики, введенной Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [13].

Во второй половине 1980-х гг. начался очередной этап снижения уровня брачности (рис. 1). И здесь основной причиной явилось уменьшение доли населения в молодых брачных возрастах, обусловленное низким уровнем рождаемости в 1960-х – начале 1970-х гг., а также наметившимся миграционным оттоком. К концу 1980-х гг. на брачные процессы стало накладываться отпечаток и начавшееся изменение стандартов матримониального поведения населения, проявившееся в результате расширения степеней свободы личности, в том числе и сексуальной. Происходящая в стране демократизация социальных норм, регулирующих взаимоотношения между полами, обусловила постепенный отход от традиционных брачно-семейных норм, вызвав снижение возраста начала половой жизни, широкое распространение добрачных сексуальных отношений, пробных и фактических браков, рост числа браков, стимулированных добрачной беременностью невесты, рост доли внебрачных рождений как в фактических брачных союзах, так и в неполных семьях, а также омоложение рождаемости и официальной брачности.

Анализ динамики половозрастных коэффициентов брачности населения Республики Коми показывает, что во второй половине 1980-х гг. снижению уровня брачности соответствовало снижение возрастных коэффициентов практически во всех репродуктивных группах, кроме самой младшей и старшей. При этом факт достаточно заметного роста вплоть до 1991 г. коэффициентов брачности в возрастной группе моложе 20 лет обращает на себя особое внимание. Наиболее значительным он был у сельских женщин. Наряду с ним наблюдалось снижение показателей в возрастной группе 20–24 лет и еще значительно в группе 25–29 лет. Величина же кумулятивного к возрасту 30 лет коэффициента брачности в начале 1990-х гг. оставалась приблизительно на уровне начала 1980-х. Иными словами, на протяжении второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. происходило перемещение основной массы браков в более молодые возрасты.

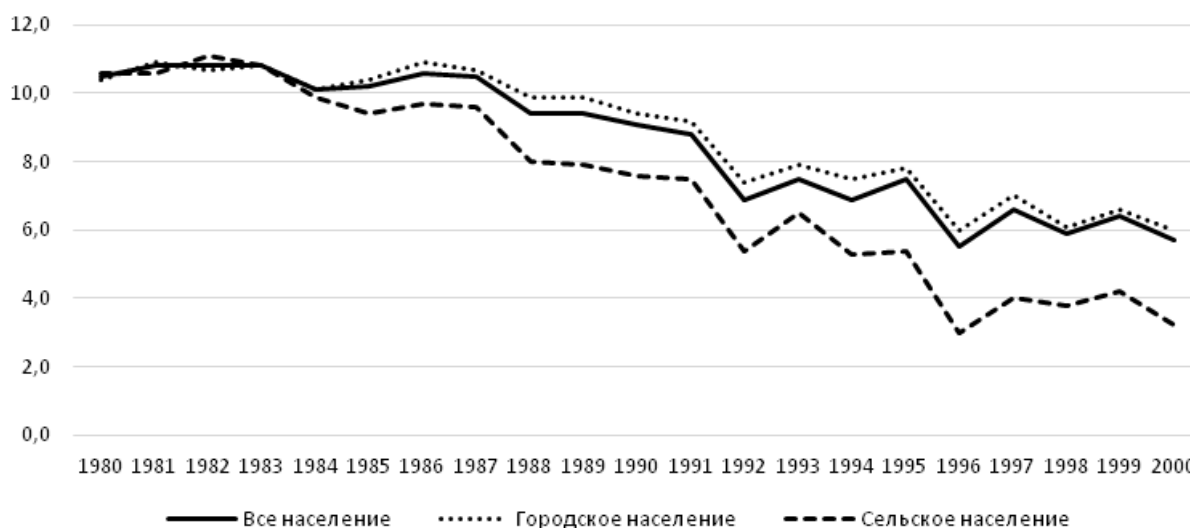

Рис. 1. Динамика общего коэффициента брачности населения Республики Коми в 1980–2000 гг., на 1000 человек населения

Необходимо обратить внимание также на довольно значительный рост в эти годы в Республике Коми возрастного коэффициента брачности сельских мужчин 20–24 лет, который свидетельствует о некоторой нормализации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. брачных процессов в сельской местности республики вследствие смягчения здесь остроты проблемы «дефицита невест». Дело в том, что значительное численное преобладание мужчин в наиболее бракоспособных возрастах сильно ухудшает их возможности на брачном рынке. Поэтому женские показатели брачности в республике традиционно выше мужских, особенно в сельской местности. Однако на протяжении 1980-х и в начале 1990-х гг. на селе наблюдалось заметное улучшение половых пропорций в возрастах максимальной брачной активности: если в 1981 г. на 100 мужчин в возрасте 20–29 лет здесь приходилось 63 женщины, то в 1991 г. – уже 76. В результате к началу 1990-х гг. в республике произошло существенное сокращение разницы между уровнями брачности мужчин и женщин, затронувшее главным образом сельское население.

Смягчение на селе половой диспропорции в наиболее брачных возрастах, приводящее к сближению мужских и женских брачных потенциалов, продолжалось и в дальнейшем: так, еще через десять лет, в 2001 г., на 100 мужчин в этих возрастах приходилось уже 89 женщин. Однако в результате ухудшения социально-экономической ситуации в начале 1990-х гг. значительно снизился уровень реализации брачного потенциала, поэтому мужчинам не удалось в полной мере воспользоваться улучшением ситуации на брачном рынке.

Резкое снижение уровня жизни населения вследствие кризисных явлений в реформируемой российской экономике привело к массовому откладыванию демографических событий. Исследователи отмечают, что брачность в случае заметного изменения внешних условий является наименее инерционным из демографических процессов. При стабильной социально-экономической ситуации ее уровень более устойчив по сравнению с другими демографическими процессами, но он в огромной степени подвержен пертурбационным воздействиям конфликтов и кризисов [14, с. 82–83]. Поэтому процессы брачности практически мгновенно отреагировали на ухудшение социально-экономической ситуации в стране: в 1992 г. снижение ее уровня имело провальный характер.

В Республике Коми за первый год реформ общий коэффициент брачности сократился более чем на 20%. При этом начиная с 1992 г. уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми, который благодаря более молодой возрастной структуре населения практически на всем протяжении послевоенного периода превышал общероссийский уровень, становится стабильно ниже его (рис. 2), несмотря на то, что возрастная структура населения республики продолжает оставаться сравнительно молодой.

Нестабильность социально-экономической ситуации, галопирующая буквально с первых дней «либерализации цен» инфляция заставили многие потенциальные брачные пары повременить со свадьбой. Если обратиться к помесечным числам заключенных в 1992 г. браков, видно, что наиболее заметное сокращение наблюдалось с апреля месяца, когда в основном начали регистрироваться браки, окончательно запланированные уже в текущем году. Некоторое оживление в брачных процессах, наблюдавшееся в 1993 г., когда была реализована часть браков, отложенных в предшествующем году, в 1994 г. вновь сменилось снижением, у женщин – ниже уровня 1992 г. В 1995 г. опять наблюдался незначительный подъем, который в 1996 г. вновь сменился спадом. Затем снова подъем, и опять спад, и т.д. При этом буквально до начала 2000-х гг. каждый последующий спад был глубже предыдущего, а возрастание уровня становилось все незначительнее.

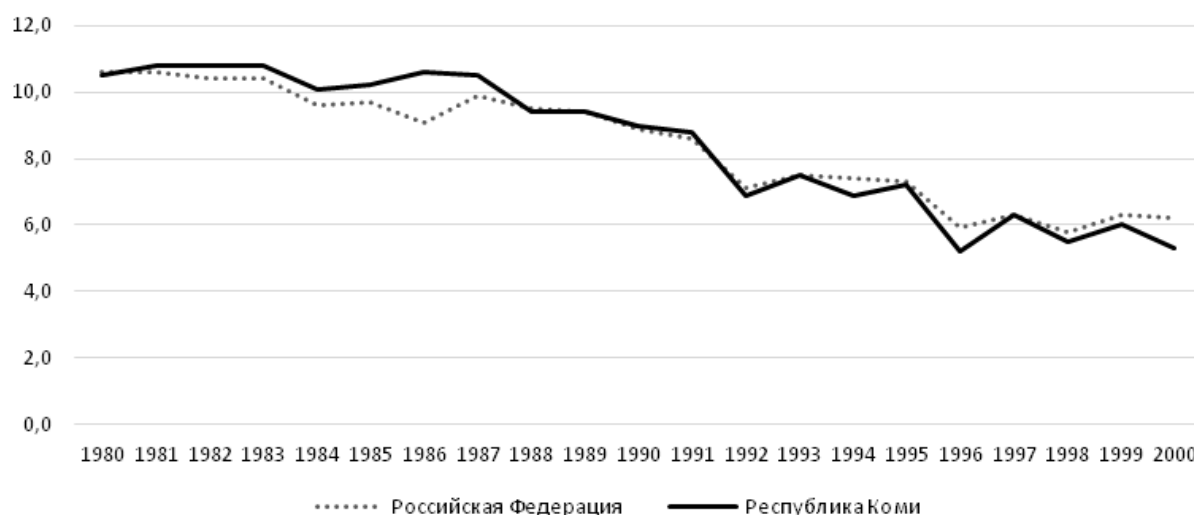

Рис. 2. Динамика общего коэффициента брачности населения Российской Федерации и Республики Коми в 1980–2000 гг., на 1000 человек населения

Иными словами, на всем протяжении 1990-х гг. уровень брачности населения Республики Коми испытывал колебания, определенные убывающим трендом. Необходимо заметить, что динамика показателей брачности населения и России в целом, и Республики Коми в том числе, традиционно характеризуется цикличностью с периодом в четыре года. Резко снижаясь в високосные годы, показатели затем вновь возрастают – до следующего високосного спада. Это следствие того, что процессы брачности довольно сильно подвержены влиянию народных примет и традиций. Общеизвестно, что в мае заключается меньше браков, чем в других месяцах: «кто в мае женится – тот всю жизнь мается». Кроме того, в народе бытует и поверье, что не будет счастливой семья, созданная в високосном году. Причем эта примета оказывает настолько сильное влияние на matrimonialное поведение населения, что в годы, предшествующие високосным, наблюдается весьма значительный – на 20-30% – рост уровня брачности в декабре месяце.

В наибольшей степени это поверье оказывает воздействие на брачную активность в возрастах максимальной брачности (20–29 лет). В более старших возрастных группах влияние високосного года существенно лишь при заключении повторного брака. При первом браке эта примета после 30 лет в расчет практически не

принимается. Лишь в сельской местности, где народные приметы и традиции имеют более сильное влияние, спады брачной активности в високосном году четко прослеживаются и в старших возрастных группах. Что же касается уровня брачности населения моложе 20 лет, то влияния високосных лет он почти не испытывает. И это не удивительно, поскольку в данной возрастной категории значительная часть браков является следствием добрачной беременности невесты, когда меньше всего принимаются в расчет какие бы то ни было приметы.

В условиях развернувшегося в конце XX в. социально-экономического кризиса период цикла в динамике показателей брачности сократился. На протяжении 1990-х гг. спад в брачной активности населения наступал не раз в четыре года, а в каждом четном году. В високосные годы он был по-прежнему глубже. Промежуточные спады, по всей видимости, были обусловлены некоторым исчерпанием брачного потенциала населения вследствие роста показателей в предшествующем году. При этом, как уже было отмечено, на всем протяжении 1990-х гг. колебания уровня брачности происходили с явно выраженным трендом к снижению. Если сравнить средний уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми за 1990-е гг. с уровнем предшествующего десятилетия, то получим, что уровень брачности в условиях социально-экономического кризиса оказался ниже более чем на треть. При этом в сельской местности республики в условиях кризиса он снизился более чем наполовину.

Следует отметить, что еще с середины 1980-х гг. в Республике Коми стал заметно отставать от городского уровня общий коэффициент брачности в сельской местности (рис. 1). По большей части это, конечно, явилось следствием значительного постарения сельского населения республики. Однако с 1994 г. ниже городского уровня опустился даже и кумулятивный (к 50 годам) коэффициент брачности сельских женщин, который до этого оставался единственным сельским показателем брачности, выгодно отличавшимся от городского.

В основе хороших показателей брачности сельских женщин лежали существовавшие в течение длительного времени очень благоприятные для них половые пропорции на брачном рынке. Сложившийся в сельской местности республики «дефицит невест» традиционно обуславливал здесь как пониженный уровень брачности мужского населения, так и высокую степень реализации женского брачного потенциала. На протяжении последних двух десятилетий XX в. половые пропорции в сельской местности заметно выровнялись, что способствовало сближению мужских и женских брачных потенциалов, однако в 1990-е гг. в условиях кризиса значительно снизилась степень их реализации. Тем не менее даже в условиях уменьшения ниже городского уровня не только общего коэффициента брачности, но и женского кумулятивного показателя, уровень первой брачности сельского населения все еще оставался выше городского.

Если в городской местности вероятность вступления в первый брак в 1995 г. имели 62,4% мужчин и 66,4% женщин, то в сельской – 69,2% мужчин и 73,8% женщин. Очевидно, сельские жители – даже мужчины – в середине 1990-х гг. характеризовались лучшей реализацией своего брачного потенциала. Повышенный уровень брачности городского населения обеспечивала повторная брачность – следствие его высокой разводимости. Таким образом, в сельской местности Республики Коми ситуацию с официальной брачностью, несмотря на уровень общего коэффициента, несущего на себе «груз» старой возрастной структуры, и вопреки сложившимся стереотипам, еще в середине 1990-х гг. можно было считать более благополучной, чем в городской.

Однако факт более значительного снижения степени реализации брачного потенциала сельских жителей, выразившегося в существенном отставании сельских показателей брачности от городских, требует тем не менее логической интерпретации. По всей видимости, его можно рассматривать в качестве одного из свидетельств наметившихся в последние 10–15 лет XX в. **изменений в моделях брачно-семейного поведения населения**, выразившихся в расширении распространения фактических браков. Дело в том, что фактическому браку в отличие от внебрачной сексуальной связи при отсутствии устойчивых отношений семейного типа, являющейся более городским явлением, легче отвоевывать себе позиции у официально зарегистрированного брака именно в сельской местности – и тем более в Республике Коми, где более половины сельского населения составляют представители коренной национальности, для которой, как уже было отмечено, характерны некоторые этнические особенности матримониального поведения. По всей видимости, во второй половине 1980-х и особенно в начале 1990-х гг. юридически незарегистрированные фактические брачные союзы на селе вновь, как и в 1920–1930-е гг., стали входить в широкую практику. Согласно данным микропереписи населения 1994 г., на момент его проведения в юридически незарегистрированном браке состояли 8,2% сельских мужчин и 7,4% сельских женщин брачного возраста, в то время как в городской местности соответствующие цифры были заметно ниже: 5,7% мужчин и 4,9% женщин.

В более поздний период фактические браки получили широкое распространение и среди городского населения республики, охватив прежде всего повторные браки. Иными словами, уровень официальной брачности конца XX в., показатели которого в Республике Коми являются практически идентичными показателям 1920–1930-х гг., соответствовал не только неблагоприятной социально-экономической ситуации, обусловившей откладывание браков «до лучших времен», но и тому, что наряду с доминированием официально регла-

ментированной формы семьи все большее признание получали юридически незарегистрированные браки. Это подтверждается и сравнением результатов микропереписи населения 1994 г. и переписи 2002 г., согласно которому в течение второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. удельный вес мужчин брачного возраста, состоящих в фактическом браке, увеличился в Республике Коми с 6,3 до 8,6%, женщин – с 5,5 до 7,6%. При этом следует отметить, что в Республике Коми доля населения, состоящего в незарегистрированных брачных отношениях, заметно выше среднероссийского показателя. Уровень фактической брачности населения России в целом даже в начале XXI в. ниже, чем уровень, характерный для Республики Коми еще в середине 1990-х гг. Это хорошо объясняет понижение уровня официальной брачности населения Республики Коми ниже среднего по стране, наблюдающееся в 1990-е гг. в условиях по-прежнему более молодой возрастной структуры населения республики.

Таким образом, тенденции брачности населения Республики Коми на протяжении 1920–1990-х гг. определялись целым рядом факторов: революционной трансформацией брачно-семейных отношений в стране в послеоктябрьский период, некоторыми особенностями брачно-семейного поведения коренного населения республики, нормативно-правовыми актами в сфере семьи и брака 1936, 1944, 1965 гг., характером миграционного движения населения, приводящего к изменениям возрастной структуры и половых пропорций, просемейной демографической политикой 1980-х гг., изменениями в нравственно-психологическом состоянии российского общества, произошедшими в конце 1980-х – начале 1990-х гг., социально-экономическим кризисом 1990-х гг.

Источники и литература

1. Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах // Демоскоп Weekly. № 67–68, 20 мая – 2 июня 2002. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/067/tema01.php> (дата обращения: 26.06.2018).
2. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят на сессии ВЦИК 16.09.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.
5. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
6. Вологдин П. (Засодимский П.В.). Лесное царство // журн. Слово. 1878. Книжка за сентябрь–октябрь. С. 57–88; СПб, 1878. Книжка за ноябрь. С. 145–185.
7. Иванова Е.И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Матер. науч. конф. (27–28 февраля 2002 г., г. Москва) // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html (дата обращения: 26.06.2018).
8. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей, и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.
10. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989.
11. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 г. «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11138#07196451578858674> (дата обращения: 26.06.2018).
13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.
14. Шатлан Ж.К., Пресса Р. Брачность поколений французов на протяжении столетия // Демография поколений. М., 1972.

Т.Ю. Задкова*

Брачность и разводимость в Мордовской АССР в послевоенный период

В статье исследуются основные тенденции демографического развития населения Мордовской АССР в 1946–1953 гг. Автор рассматривает такие показатели, как брачность и разводимость; анализирует возраст вступления в брак, продолжительность брака, возраст разводящихся.

Ключевые слова: демография, население, брачность, разводимость

T.Yu. Zadkova

The nudity and divorce in the Mordovian ASSR in the post-war period

The main problems of demographic development of population of the Mordovian ASSR in 1946–1953 are considered in the article. The author studies such indexes as nudity and divorce, analyses the age of marriage, the duration of marriage, the age of divorcees.

Key words: demography, population, nudity, divorce

Семье принадлежит решающая роль в обеспечении воспроизводства населения, поскольку именно в ней происходят рождение детей и другие важнейшие демографические события. При изучении процессов воспроизводства и, прежде всего, рождаемости большое значение имеет выявление определяющих ее факторов, среди которых важное место занимает брачная структура населения.

По законодательству о браке, семье и опеке 1926 г. регистрация брака не являлась обязательной. Поэтому довольно широкое распространение получило брачное сожительство пар без официальной регистрации. Дети, рожденные в незарегистрированном браке, пользовались теми же правами, что и законорожденные. 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и «Медаль материнства». Указ принципиально менял отношение государства к официальному признанию брачных отношений между супругами. В нем утверждалось, что отныне только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов по закону: «Лица, фактически состоящие в брачных отношениях до издания настоящего Указа, могут оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни». Отменялось право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. При регистрации в органах записей актов гражданского состояния рождения ребенка от матери, не состоявшей в зарегистрированном браке, ребенок записывался по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери. В паспортах производилась обязательная запись зарегистрированного брака с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, места и времени регистрации брака [1].

Усложнялась и процедура развода. Он производился публично, через суд. При этом для возбуждения судебного производства устанавливались обязательные условия: подача в народный суд заявления о разводе; предварительное выяснение мотивов развода, установление свидетелей, подлежащих вызову на судебное разбирательство; публикация в местной газете объявления о возбуждении судебного производства о разводе. Народный суд был обязан принять меры к примирению супругов. Если последние не могли примириться в народном суде, то истец имел право обратиться с заявлением о расторжении брака в вышестоящий суд. На основании состоявшегося судебного решения органы записи актов гражданского состояния выписывали свидетельство о разводе. Разводящиеся несли и немалые финансовые издержки. При подаче заявления о расторжении брака взыскивалось 100 руб. При выдаче свидетельства о разводе делалась отметка о разводе в паспорте каждого из супругов и взималось по решению суда с одного или с обоих супругов от 500 до 2 000 руб.

* Задкова Татьяна Юрьевна (Саранск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, tatyana.25.01@mail.ru.

Указ непосредственно повлиял на рост браков в 1944–1945 гг., так как происходила регистрация старых браков (фактических). Если в Мордовской АССР в 1943 г. было заключено 2 630 браков, то в 1944 г. – 3 235, в 1945 г. – 5 253 [2].

В первые послевоенные годы уровень брачности населения быстро рос (табл. 1). Источниками роста были массовая мобилизация мужчин из армии, отложенное из-за войны вступление в брак, а также заключение многочисленных браков теми, кому в 1946–1950 гг. исполнилось по 20–24 года, т.е. поколениями, вступившими в максимально брачный возраст. Кроме того, определенную роль сыграло и то, что многие, состоявшие в фактическом браке, после публикации вышеупомянутого указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. стремились юридически оформить свои брачные отношения.

Таблица 1

Количество зарегистрированных браков в 1946–1953 гг.

Год	Число браков			Приходится браков на 1 000 чел. населения		
	В городской местности	В сельской местности	Всего	В городской местности	В сельской местности	Всего
1946	1 846	8 840	10 686	21	8	9
1947	1 490	9 207	10 697	17	8	9
1948	1 220	7 870	9 090	14	7	8
1949	1 688	8 459	10 147	20	8	9
1950	1 438	8 903	10 341	17	8	9
1951	1 353	7 844	9 197	16	7	8
1952	1 210	6 844	8 054	14	7	7
1953	1 424	6 893	8 317	17	7	7

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 4; Д. 1328. Л. 19 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 11 об.; Д. 27. Л. 1 об.; Д. 79. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 16 об.; Д. 117. Л. 32 об.

В 1950-е гг. в условиях послевоенной диспропорции полов, постарения населения наблюдалось снижение брачности. Если в 1950 г. на 1 000 населения было заключено девять браков, то в 1953 г. – семь. Необходимо отметить, что уровень брачности сельского населения более чем в два раза уступал показателям городского. Разница складывалась за счет более высокого удельного веса бракоспособных возрастных групп в городской местности по сравнению с сельской.

Великая Отечественная война привела к резкому нарушению пропорции полов среди ровесников. В самой неблагоприятной ситуации оказались женщины, родившиеся в 1924–1928 гг. Им, согласно обычной практике женщин вступать в брак с мужчинами постарше, соответствовал в количественном отношении сравнительно небольшой контингент мужчин 1919–1923 гг. рождения – времени Гражданской войны, голода и разрухи, на который пришлось максимальные потери в годы Великой Отечественной войны. Ухудшение естественного соотношения мужского и женского пола было характерно и для более старших возрастных групп. Поэтому достаточно распространенным явлением стали браки, в которых возраст женщин превышал возраст мужчин. В 1950 г. 34,9 % женщин в возрасте 25–29 лет вступили в брак с мужчинами 20–24 лет; 19,8 % (30–34 года) – с мужчинами 25–29 лет и 7,9 % (30–34 года) – с мужчинами 20–24 лет; 1951 г. – соответственно 37,7, 22,9 и 9,1 % женщин; 1952 г. – 35,7, 28,7 и 10,9 %; 1953 г. – 32,8, 34,5 и 11,1 % [3].

Представление о процессе формирования брачной структуры и супружеских пар с учетом демографической ситуации дают показатели среднего возраста вступления в брак у мужчин и женщин (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о вступивших в брак в 1946–1953 гг. по возрасту, чел. (%)

Год	Моложе 18 лет	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 лет и старше	Возраст неизвестен	Всего	В том числе в 1-м браке
Мужчины												
1946	22	1 049	5 592	2 286	892	363	262	85	16	119	10 686	9 622
	(0,2)	(9,8)	(52,3)	(21,4)	(8,4)	(3,4)	(2,5)	(0,8)	(0,1)	(1,1)	(100,0)	(90,0)
1947	21	1 336	4 718	2 871	912	350	261	109	54	65	10 697	10 127
	(0,2)	(12,5)	(44,1)	(26,8)	(8,5)	(3,3)	(2,5)	(1,0)	(0,5)	(0,6)	(100,0)	(94,7)
1948	7	1 039	4 144	2 293	727	381	266	112	68	53	9 090	8 525
	(0,08)	(11,4)	(45,6)	(25,2)	(8,0)	(4,2)	(2,9)	(1,2)	(0,8)	(0,6)	(100,0)	(93,8)

Год	Моложе 18 лет	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 лет и старше	Возраст неизвестен	Всего	В том числе в 1-м браке
1949	13	977	2 979	2 755	1 207	984	784	314	101	33	10 147	9 421
	(0,1)	(9,7)	(29,4)	(27,1)	(11,9)	(9,7)	(7,7)	(3,1)	(1,0)	(0,3)	(100,0)	(92,9)
1950	4	820	3 830	2 408	736	800	1130	430	131	52	10 341	9 737
	(0,04)	(8,0)	(37,0)	(23,3)	(7,1)	(7,3)	(10,9)	(4,2)	(1,3)	(0,5)	(100,0)	(94,2)
1951	7	699	3 828	2 567	546	480	699	224	122	25	9 197	8 600
	(0,1)	(7,6)	(41,6)	(27,9)	(6,0)	(5,2)	(7,6)	(2,4)	(1,3)	(0,3)	(100,0)	(93,5)
1952	2	544	3 371	2 636	490	276	425	163	106	41	8 054	7 513
	(0,02)	(6,8)	(41,9)	(32,7)	(6,1)	(3,4)	(5,3)	(2,0)	(1,3)	(0,5)	(100,0)	(93,3)
1953	3	543	3 268	3 142	424	238	382	169	116	32	8 317	7 762
	(0,04)	(6,5)	(39,3)	(37,8)	(5,1)	(2,9)	(4,6)	(2,0)	(1,4)	(0,4)	(100,0)	(93,3)
Женщины												
1946	18	978	4 164	3 362	1005	560	327	123	70	79	10 686	9 637
	(0,2)	(9,1)	(38,9)	(31,5)	(9,4)	(5,2)	(3,1)	(1,1)	(0,7)	(0,7)	(100,0)	(90,2)
1947	34	1 358	6 011	2 129	598	258	153	49	6	101	10 697	9 856
	(0,3)	(12,7)	(56,2)	(19,9)	(5,6)	(2,4)	(1,4)	(0,5)	(0,06)	(1,0)	(100,0)	(92,1)
1948	32	1 021	4 972	1 938	524	264	190	52	15	82	9 090	8 319
	(0,4)	(11,2)	(54,7)	(21,3)	(5,7)	(2,9)	(2,1)	(0,6)	(0,2)	(0,9)	(100,0)	(91,5)
1949	28	1 128	5 172	2 325	503	388	336	181	34	52	10 147	9 504
	(0,3)	(11,1)	(51,0)	(22,9)	(5,0)	(3,8)	(3,3)	(1,8)	(0,3)	(0,5)	(100,0)	(93,7)
1950	12	840	4 324	2 151	827	805	947	278	41	116	10 341	9 850
	(0,1)	(8,1)	(41,8)	(20,8)	(8,0)	(7,8)	(9,2)	(2,7)	(0,4)	(1,1)	(100,0)	(95,3)
1951	11	855	4 292	2 125	602	511	555	159	51	36	9 197	8 609
	(0,1)	(9,3)	(46,7)	(23,1)	(6,6)	(5,5)	(6,0)	(1,7)	(0,6)	(0,4)	(100,0)	(93,6)
1952	8	671	3 979	1 958	603	291	330	118	44	52	8 054	7 583
	(0,1)	(8,3)	(49,4)	(24,3)	(7,5)	(3,6)	(4,1)	(1,5)	(0,5)	(0,7)	(100,0)	(94,2)
1953	16	712	3 917	2 191	611	351	350	41	39	89	8 317	7 837
	(0,2)	(8,5)	(47,1)	(26,3)	(7,4)	(4,2)	(4,2)	(0,5)	(0,5)	(1,1)	(100,0)	(94,2)

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 69 об.; Д. 1306. Л. 9 об.; Д. 1328. Л. 8 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 6 об.; Д. 27. Л. 60 об.; Д. 79. Л. 61 об.; Д. 100. Л. 63 об.; Д. 117. Л. 19 об.

Как мы видим, на протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. самую многочисленную группу женихов составляли молодые люди от 20 до 24 лет, далее шли мужчины от 25 до 29 лет и юноши от 18 до 19 лет. При этом удельный вес первых и третьих сократился, а вторых – вырос. Следует отметить, что уменьшилась доля мужчин, вступавших в брак в возрасте 30–34 лет, и увеличилась – в возрасте 40–49 и 50–59 лет. Впрочем, для последних это были, вероятнее, повторные браки. Самую многочисленную группу невест составляли молодые женщины от 20 лет, вторую – от 25 до 29 лет и третья – от 18 до 19 лет. За указанный период сократилась доля женщин, вступавших в брак в возрасте 18–19 лет, 25–29, 30–34 и 35–39 лет, и увеличилась – в возрасте 20–24 и 40–49 лет. Таким образом, средний возраст вступления в брак у мужчин и женщин на протяжении указанного периода оставался неизменным – от 20 до 24 лет. В то же время в возрасте до 20 лет в брак вступало больше женщин, чем мужчин, а в возрасте от 25 до 34 лет – больше мужчин.

В послевоенные годы у населения Мордовской АССР традиционно преобладали первые браки (свыше 90 % вступивших в брак). За весь послевоенный период (1945–1953 гг.) самый большой процент повторных браков пришелся на 1946 г. – 10,1 % у мужчин и 9,8 % у женщин. Крайне редко вступали во второй брак молодые люди и девушки в возрасте до 24 лет. Доля повторных браков резко возрастала, начиная с 30–34 лет, особенно у женщин. В целом в указанный период количество и доля повторных браков сократились как у мужчин, так и у женщин, причем во всех возрастных категориях [4].

Уровень разводимости наряду с показателями брачности является важной характеристикой, дополняющей понимание процессов, происходящих в семье. Если оба показателя высоки, то это свидетельствует о неустойчивости браков. Как показывает фактический материал, на протяжении исследуемого периода уровень официально регистрируемой разводимости в Мордовии зависел в гораздо большей степени от позиции власти в отношении разводов и их оценки, и значительно меньше – от реального положения в этой области.

В послевоенные годы при неблагоприятной демографической ситуации и преобладании женщин существовали реальные предпосылки для ослабления крепости брака и роста разводов. Поэтому правительство

в указе от 8 июля 1944 г. ввело жесткие ограничения при разводе, который превращался в сложную юридическую процедуру. Между тем, несмотря на многочисленные препятствия со стороны закона, число юридически оформленных разводов постепенно росло, и административные меры при решении проблем разводов оказались неэффективными. Главные причины повышения уровня разводимости заключались в глубоких изменениях, происходивших непрерывно в семье после 1917 г., в положении женщины, во взаимоотношениях родителей и детей, в возросших взаимных требованиях супругов друг к другу и т.д. Стоит отметить, что в указанный период получили достаточно широкое распространение разводы в сельской среде, хотя и оставались значительно более редким явлением, чем в городе. В целом за послевоенный период количество разводов увеличилось чуть более чем в 10 раз, причем в городской местности – почти в 6 раз, а в сельской – в 30 (табл. 3).

Таблица 3

Количество разводов в 1946–1953 гг.

Год	В городской местности	В сельской местности	Всего
1946	17	4	21
1947	17	11	28
1948	37	11	48
1949	67	91	158
1950	129	196	325
1951	141	180	321
1952	95	139	234
1953	98	122	220

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 4; Д. 1328. Л. 19 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 11 об.; Д. 27. Л. 1 об.; Д. 79. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 16 об.; Д. 117. Л. 32 об.

Возраст разводящихся и продолжительность расторгнутых браков практически не менялись на протяжении послевоенного периода (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о возрасте разводящихся в 1946–1953 гг., чел. (%)

Год	18–19 лет	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и более	Возраст неиз- вестен	Всего	Состоят в браке			
										1-м	2-м	3-м	Не ука- зали
Мужчины													
1946	–	2 (9,5)	7 (33,3)	8 (38,1)	4 (19,0)	–	–	–	21 (100,0)	18 (85,7)	3 (14,3)	–	–
1947	–	4 (14,3)	5 (17,8)	13 (46,5)	5 (17,8)	–	–	1 (3,6)	28 (100,0)	27 (96,4)	1 (3,6)	–	–
1948	–	3 (6,25)	16 (33,3)	21 (43,75)	6 (12,5)	–	1 (2,1)	1 (2,1)	48 (100,0)	44 (91,6)	4 (8,4)	–	–
1949	–	13 (8,2)	42 (26,6)	72 (45,6)	16 (10,1)	4 (2,5)	–	11 (7,0)	158 (100,0)	145 (91,8)	13 (8,2)	–	–
1950	–	14 (4,3)	61 (18,8)	165 (50,8)	41 (12,6)	5 (1,5)	1 (0,3)	38 (11,7)	325 (100,0)	317 (97,5)	8 (2,5)	–	–
1951	–	19 (5,9)	63 (19,6)	165 (51,5)	63 (19,6)	2 (0,6)	1 (0,3)	8 (2,5)	321 (100,0)	306 (95,3)	15 (4,7)	–	–
1952	–	14 (6,0)	45 (19,2)	118 (50,4)	43 (18,4)	6 (2,6)	3 (1,3)	5 (2,1)	234 (100,0)	220 (94,0)	11 (4,7)	1 (0,4)	2 (0,9)
1953	–	19 (8,6)	85 (38,6)	60 (7,3)	37 (16,8)	4 (1,8)	1 (0,6)	14 (6,3)	220 (100,0)	213 (96,8)	3 (1,4)	1 (0,6)	3 (1,4)
Женщины													
1946	–	4 (19,0)	8 (38,1)	5 (23,8)	3 (14,3)	–	–	–	21 (100,0)	18 (85,7)	3 (14,3)	–	–
1947	1 (3,6)	6 (21,4)	8 (28,6)	10 (35,7)	3 (10,7)	–	–	–	28 (100,0)	26 (92,8)	2 (7,2)	–	–
1948	1 (2,1)	1 (21,8)	13 (27,1)	18 (37,5)	4 (8,4)	–	1 (2,1)	–	48 (100,0)	43 (89,6)	5 (10,4)	–	–
1949	–	23 (14,6)	43 (27,2)	75 (47,5)	16 (10,1)	–	–	1 (0,6)	158 (100,0)	144 (91,1)	14 (8,9)	–	–
1950	–	32 (9,8)	60 (18,5)	176 (54,2)	33 (10,2)	4 (1,2)	–	20 (6,1)	325 (100,0)	315 (96,2)	10 (3,8)	–	–

Окончание табл. 4

Год	18–19 лет	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и более	Возраст неизвестен	Всего	Состоят в браке			
										1-м	2-м	3-м	Не указали
1951	1 (0,3)	35 (10,9)	70 (21,8)	168 (52,3)	37 (11,6)	2 (0,6)	–	8 (2,5)	321 (100,0)	309 (96,3)	11 (3,4)	1 (0,3)	–
1952	–	27 (11,5)	56 (23,9)	108 (46,2)	34 (4,5)	2 (0,9)	–	7 (3,0)	234 (100,0)	219 (93,6)	11 (4,7)	–	4 (1,7)
1953	–	36 (16,4)	71 (32,3)	72 (32,7)	25 (11,4)	5 (2,2)		11 (5,0)	220 (100,0)	207 (94,1)	7 (3,1)	1 (0,6)	5 (2,2)

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 7–7 об.; Д. 1306. Л. 5–5 об.; Д. 1328. Л. 87–87 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 70–70 об.; Д. 27. Л. 68–68 об.; Д. 79. Л. 69–69 об.; Д. 100. Л. 71–71 об.; Д. 117. Л. 27–27 об.

Изучение социально-демографического состава разводящихся показало, что в подавляющем большинстве это были сравнительно молодые люди: мужчины и женщины от 25 до 39 лет. Преобладание среди разводящихся в возрастной группе от 20 до 24 лет женщин можно объяснить их более ранним вступлением в брак.

Одними из свидетельств процесса дестабилизации брака в послевоенный период явились две противоположные тенденции: с одной стороны, увеличилась доля расторгаемых браков с длительными сроками совместной жизни, с другой – с 1947 г. появилась категория лиц, расторгнувших брак продолжительностью от 6 до 11 мес., с 1948 г. – от 1 до 5 мес., с 1950 г. – до 1 мес. (табл. 5).

Таблица 5

Продолжительность брака в 1946–1953 гг., чел. (%)

Год	До 1 мес.	1–5 мес.	6–11 мес.	1–2 года	3–4 года	5–9 лет	10–19 лет	20 лет и более	Неизвестно	Всего
1946	–	–	–	6 (28,6)	2 (9,5)	9 (42,9)	4 (19,0)	–	–	21 (100,0)
1947	–	–	1 (0,3)	6 (21,4)	2 (7,1)	4 (14,3)	9 (32,1)	1 (0,3)	5 (17,9)	28 (100,0)
1948	–	3 (6,2)	–	17 (35,4)	9 (18,8)	6 (12,5)	8 (16,6)	1 (2,1)	4 (8,4)	48 (100,0)
1949	–	26 (16,4)	5 (3,2)	17 (10,8)	33 (20,9)	21 (13,3)	36 (22,8)	7 (4,4)	13 (8,2)	158 (100,0)
1950	24 (7,4)	27 (8,3)	14 (4,3)	41 (12,6)	39 (12,0)	26 (8,0)	99 (30,5)	20 (6,1)	35 (10,8)	325 (100,0)
1951	4 (1,2)	32 (10,0)	18 (5,6)	20 (6,2)	31 (9,7)	49 (15,3)	133 (41,4)	33 (10,3)	1 (0,3)	321 (100,0)
1952	4 (1,7)	4 (1,7)	5 (2,1)	22 (9,4)	24 (10,3)	50 (21,4)	91 (38,9)	33 (14,1)	1 (0,4)	234 (100,0)
1953	2 (0,9)	1 (0,4)	4 (1,8)	25 (11,4)	27 (12,3)	77 (35,0)	59 (26,8)	20 (9,1)	5 (2,3)	220 (100,0)

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 7–7 об.; Д. 1306. Л. 5–5 об.; Д. 1328. Л. 87–87 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 70–70 об.; Д. 27. Л. 68–68 об.; Д. 79. Л. 69–69 об.; Д. 100. Л. 71–71 об.; Д. 117. Л. 27–27 об.

Таким образом, в послевоенный период в связи с демобилизацией и возвращением мужчин домой число заключаемых браков заметно увеличилось, а в начале 1950-х гг. – сократилось. Судя по приведенным данным, несмотря на ограничения процедуры разводов, в указанный период отмечалось увеличение общей численности разводов как в городской, так и в сельской местности, что свидетельствовало о дестабилизации брака и было связано как с диспропорциями в численности мужчин и женщин, так и с изменениями, происходившими в семье.

Источники и литература

1. URL: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/309 (дата обращения: 25.05.2018).
2. Разживин В.Ф., Широкова И.В. Народ Мордовии: Социокультурная динамика (Первая четверть XX – начало XXI столетия). Саранск, 2007.
3. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 14. Д. 27. Л. 64; Д. 79. Л. 65; Л. 100. Л. 67; Д. 117. Л. 23.
4. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 69 об.; Д. 1306. Л. 9 об.; Д. 1328. Л. 8 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 6 об.; Д. 27. Л. 60 об.; Д. 79. Л. 61 об.; Д. 100. Л. 63 об.; Д. 117. Л. 19 об.

*В.В. Власова**

**Православное таинство крещения в советский период:
официальная статистика и реальность
(на примере сельских районов Республики Коми)**

В статье рассматриваются данные о количестве крещений в Республике Коми в советский период. Анализ официальных статистических данных о крещении в церквях РПЦ Республики Коми, сведений, полученных в ходе этнографических экспедиций 1960–1970, 1990–2000-х гг., проводившихся в сельских районах Республики Коми, позволяет сделать выводы о том, насколько официальная статистика соответствовала реальной ситуации.

Ключевые слова: таинство крещения, православие, статистика, советский период

V.V. Vlasova

**The Russian Orthodox Sacrament of Baptism during the Soviet Period:
Official Statistics and Reality
(on the example of rural areas of the Komi Republic)**

The article examines data on the Russian Orthodox Sacrament of Baptism during Soviet period. Analysis of official statistics on baptism in the churches of the ROC of the Komi Republic, official reports, as well as information obtained during the ethnographic expeditions of the 1960–1970, 1990–2000s in the rural areas of the Komi Republic, makes it possible to draw conclusions about the conformity of official statistics the real situation.

Key words: sacrament of baptism, Russian Orthodox, statistics, the Soviet period

В Российской империи Православная Церковь имела статус государственной, а конфессиональная принадлежность являлась универсальным атрибутом для всех её жителей. В конце XIX – начале XX в. в Архангельской и Вологодской губерниях, куда входили уезды с зырянским населением, православными были 97–99 % жителей [1, с. 54]. В 1916 г. на территории современной Республики Коми существовало 112 приходов, до 1917 г. насчитывалось 177 православных храмов, 235 часовен, три монастыря [2, с. 173], а также старообрядческие моленные дома и часовни и единоверческие церкви [3, с. 34–40; 4, с. 32, 42].

Семейное и брачное право находилось в ведении Церкви многие столетия, что наложило определенный отпечаток на формы соответствующих общественных отношений и на их содержание. Исследователи отмечают, что в начале XX в. в крестьянской среде крещение занимало первое место в ряду таинств Церкви, игравшее важную роль при определении государственной (этнической) и социоконфессиональной принадлежности человека [5, с. 107, 113]. Право совершать крещение принадлежало приходскому священнику, хотя в исключительных случаях его мог совершить и мирянин.

После событий октября 1917 г. происходит кардинальная переоценка общественного значения религии и церкви как института. Советская власть решительно ломала сложившиеся государственно-церковные отношения. В статье предпринята попытка сопоставить официальные данные советского периода о таинстве крещения и сведения, полученные в ходе этнографических экспедиций 1960–2000-х гг., данные массовых этносоциологических опросов 1960–1970-х гг., проводившихся в сельских районах Республики Коми. Анализ этих материалов позволяет сделать выводы, насколько официальная статистика соответствовала реальной ситуации.

Документы, содержащие сведения о совершении православных религиозных обрядов начиная с 1945 г. представлены в виде статистических сведений о финансово-хозяйственной деятельности религиозных общин на территории Коми АССР и ежегодных отчетов Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Коми АССР. Они хранятся в Национальном архиве Республики Коми в фонде Уполномоченного Совета по делам религий. Отчеты о работе полевых этнографических отрядов (данные этносоцио-

* **Власова Виктория Владимировна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

логических опросов, сведения об обрядности на селе, расшифровки ряда интервью и др.) хранятся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Декрет Совнаркома РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. кардинально менял существующие в России традиции фиксации и контроля бракосочетаний, рождений и смертей: эти функции были переданы отделам записей браков и рождений (отделам записей гражданского состояния). Деятельность ЗАГСов строилась на основе «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», вступившем в силу 22 октября 1918 г. Декреты новой власти постепенно реализовывались на местах. В начале 1920-х гг. волисполкомы Коми АО ежемесячно отчитывались о нарушениях статей 19 и 32 кодекса закса (регистрация рождений и смертей). В целом отмечалось, что население относится к регистрации «сочувственно», отказов от регистрации, а также нарушений указанных статей – нет [6].

До начала 1930-х гг., несмотря на значительные трудности (отсутствие финансирования, репрессивная политика в отношении священства), церкви продолжали функционировать, крестьяне крестили детей, венчались, посещали службы. Например, усть-куломский крестьянин Иван Степанович Рассыхаев в своих «Дневных записках» упоминает, что в 1927, 1928 гг. был восприемником при крещении нескольких детей, отмечая, что они регистрировались и в волисполкоме, и в церкви [7, с. 386]. Согласно справке, составленной лектором центрального СВБ, в 1930 г. в области функционировала 131 церковь, из них со священниками 84, закрыты 19 и не имеют священников 18. Священников, псаломщиков, старообрядческих наставников и проповедников, а также лидеров других «сект» насчитывалось 358 [8]. До второй половины 1930-х гг. практически во всех районах Коми области верующие имели возможность крестить детей в церкви. «Мне было 7 лет, когда мама меня привела в церковь крестить. Крестная была. Моя крестная умерла уже. Раньше-то, конечно, всем крест вешали. После этого сразу церковь и закрыли. Народу было в церкви много, красиво, кладбище было прямо рядом с церковью. Теперь построили здесь дома» [9]. «Крестили, если плохой ребенок — быстрее, если здоровый — дольше не купали. Купали в ванне, в церкви были ванны, крашенные, в них и купали. Где-то они были. Церковь разорили, а ванны кто-то прибрал, народ хороший» [10].

В 1930–1934 гг. в Коми АО были закрыты 23 церкви, многие храмы не действовали, хотя и не были формально закрыты, в 1935–1938 гг. в Коми АССР были закрыты 72 церкви, в 1939–1941 гг. – 17 [11, с. 11–19]. В марте 1941 г. в отчете Совета СВБ Коми АССР указывалось, что в Коми нет действующих церквей и «казенных попов». При этом отмечалось, что «вместо казенных попов по должности появились «попы передвижники». В одном Устьцилемском районе таких попов летом 1940 г., как нам известно, было четыре» [12]. С уничтожением храмов и исчезновением из сельской жизни священнослужителей во многих селах во главе религиозных общин встали миряне, хорошо знавшие церковные правила. Именно они стали совершать «необходимые» требы и крестить, проводить службы в праздники. Кое-где крещения совершали оставшиеся на селе после закрытия церкви служители церкви. «Меня в Помоздино крестили, здесь в часовне не крестили. Когда закрыли в октябре 1929 г. церковь, управляющий через три года умер в Помоздино. В Пожеге был отец Федор, к нему потом носили, он умер в 1933 г.» [13]. «После того как церковь закрыли и попа не стало, стали крестить и отпевать бабушки. Купели не было. В тазу, купель из церкви куда-то делась. Раньше в купель окунали, больших просто поливали водой» [14]. Верующие выезжали за пределы республики, чтобы крестить детей. Например, в 1939 г. колхозницы колхоза «Ыджыд вын» Тентюковского с/с (в период уборочной кампании) ездили крестить детей в Великий Устюг, верующие из Летского района крестили детей в церквях Кировской области [15].

В 1920–1940-е гг. какой-либо учет численности крещений в Православной Церкви не велся. Имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что большая часть местного населения продолжала крестить младенцев в церкви. Закрытие церквей в конце 1930-х гг. привело к широкому распространению практики домашнего крещения. В старообрядческих селах на нижней Печоре, средней Вашке (Важгортский, Чупровский, Пучкомский с/с), верхней Печоре (села Печорского, Вуктыльского, Троицко-Печорского районов) и верхней Выгегде (Керчомский, Вочевский с/с), в русских населенных пунктах на нижней Печоре (Усть-Цилемский р-н), детей крестили местные наставники.

В годы Великой Отечественной войны со стороны властей была предпринята попытка перейти от политики, направленной на уничтожение РПЦ как социального института, к конструктивному диалогу с ней [16, с. 228], благодаря чему стала возможна регистрация религиозных объединений и передача им в пользование церковных зданий. В 1944 г. в с. Кочпон, находящемся недалеко от г. Сыктывкара, открыта была церковь, в 1956 г. – церковь в с. Иб и молитвенный дом в с. Айкино, в 1958 г. – молитвенный дом в г. Ухта (закрыт в 1961 г. из-за «многочисленных нарушений») [17]. Данные табл. 1 демонстрируют, что на середину 1950-х – начало 1960-х гг. приходится наибольшее количество крещений, резкое сокращение числа крещений происходит в 1962 г.

Таблица 1

Сведения о количестве крещеных за 1945–1985 гг.

	1946	1948	1953	1957	1958	1959	1961	1962	1963	1964	1970	1972	1975	1978	1979	1982	1984	1985	1986
Кочонская церковь				1355	1039	1027	1213	319	425	351	357	296	319	313	403	401	496	398	
Ибская церковь				313	170	170	23	83	49	37	20	23	15	10	11	35	26	41	
Айкинский молитвенный дом				575	441	269	201	35	162	79	59	80	56	34	61	39	36	39	
Ухтинский молитвенный дом				571	446	226													
Всего	521	837	1542	2814	2096	1674	1437	437	636	467	436	488	512	357	475	475	558	478	629
В % к числу родившихся		5,96	7,4	11,04	8,17	6,51	5,67	1,84	2,88	2,2						2,02	2,29	1,91	2,59

Источники: Число крещений. НАРК Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 10. Л. 21, 40, 42, 107 (1957–1959). Д. 20. Л. 15–16 (1959–1964 гг.). 13 Д. 39. Л. 37 (1970), Д. 43. Л. 17 (1972). Д. 51. Л. 36 (1975). Д. 58. Л. 1–7 (1978). Д. 60. Л. 6–7 (1979). Д. 73. Л. 1–2 (1982). Д. 77. Л. 50–52 (1984). Д. 107. Л. 12, 76 (1946–1950, 1953). Д. 108. Л. 25, 26 (1947–1958). Д. 122. Л. 6, 11 (1984–1986). В сводных данных за 1972–1975 гг. включены сведения о совершении крещений жителями Коми АССР в церквях других областей. Соотношение количества крещений и рождений. НАРК Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 22. Л. 45 (1948–1967). Д. 111. Л. 2 (1964–1966). Д. 120. Л. 60 (1981). Д. 121. Л. 75 (1984–1986).

Таблица 2

Возраст крещаемых

Год	Всего	Детей до года	Детей до 3-х лет	Детей от 3 до 7 лет	Детей школьного возраста	Совершеннолетних
1965	403	130	160	81	19	13
1966	444		390		33	21
1967	578		506		47	25
1970	436			326	62	48
1972	399			279	73	47
1975	390			272	71	47
1977	344		156	87	48	48
1983	636			163	76	125
1985	478				77	105

Источники: НАРК Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 20. Л. 73 (1965). Д. 22. Л. 4, 28 (1966, 1967) Д. 39. Л. 40 (1970). Д. 43. Л. 17. Д. 51. Л. 36. Д. 75. Л. 62 (1983). Д. 118. Л. 4 (1977).

Эти факты свидетельствуют о том, что государственная политика, проводимая в отношении церкви, имела значительное влияние на публичное проявление религиозности. Крещение в советское время, по сути, не являлось частным делом гражданина. В июне 1962 г. в церквях Коми АССР было полностью закончено введение квитанционной системы учета. Все религиозные обряды (крещение, отпевание, венчание и др.), за которые установлены твердые таксы цен, священнослужители могли исполнять только при предъявлении верующими квитанций, выдаваемых церковным советом, для крещения требовалось еще и письменное обоюдное согласие родителей, заверенное в сельском совете [18].

Число крещений, вплоть до середины 1980-х гг., практически не менялось и составляло порядка 400–500 человек в год. На протяжении всего советского периода основную часть крещаемых (от 60 до 88 %) составляли дети дошкольного возраста (табл. 2). В Коми АССР в процентном соотношении к общему числу родившихся число крещений было незначительным. Например, по данным Совета по делам РПЦ, в начале 1960-х гг. в Кировской, Волынской, Закарпатской, Ярославской, Рязанской, Ивановской, Ровенской областях ежегодно крестили свыше 60 % родившихся детей, в Молдавской ССР – 52 %, Украинской ССР – до 40 % и т.д. [19].

Таблица 3

Сведения о количестве крещеных по районам

	1964	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1982	1985	1986
Прилузский	6	5	2	7	4	5	2	2	7	2
Койгородский	–	–	–	2	2	–	1	–	–	1
Сысольский	10	8	2		4	4	2	8	8	
Сыктывдинский	48	10	19	15	8	6	9	21	4	33
Корткеросский	7	2	2	2	2	5	2	8	5	2
Усть-Куломский	30	31	33	28	18	24	21	39	8	22
Тр-Печорский	–	2	4	5	6	5	5	4	–	1
Усть-Вымский	91	53	87	59	67	68	19	33	4	17
Удорский	–	–	2	7	5	3	2	9	2	1
Княжпогостский	5	5	5	11	11	1	4	2	8	9
Ижемский	–	–	–	–	–	–	–	–		1
У-Цилемский	40	–	1	–	–	–	–	–	3	
Печорский	1	5	15	22	21	15	19	–	–	4
Инта	–	5	10	14	28	13	6	2	–	2
Ухта/Ухтинский	1	27	30	40	70	36	24	13	5	10
Воркута	5	19	46	55	78	42	38	3	2	2
Сыктывкар	229	230	231	220	233	265	273	350	342	435
Вуктыльский	–	–	–	–	2	6	4	–	2	1
Усинский	–	–	–	–	–	14	15	3	–	–
Печора	–	–	–	–	–	–	–	1	–	12
Сосногорский	–	–	–	–	–	–	–	2	–	4

Источники: НАРК Ф. Р–1451.Д. 20. Л. 37 (1964). Д. 51. Л. 38 (1971–1975).Д. 73. Л. 3 (1982). Д. 122. Л. 12 (1985, 1986). За 1982–1986 гг. представлены данные не только по крещению РПЦ, но крещению ЕХБ, лютеран, например, в 1982 г. их было 17 и 9 соответственно.

Статистические данные о совершении религиозной обрядности по районам (табл. 3) свидетельствуют о том, что более половина крещений приходилась на г. Сыктывкар. В 1981 г. уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Коми АССР писал, что на Сыктывкар приходится 82–87 % всех крещений [20]. Подобная ситуация вполне закономерна, поскольку действующие церкви находились в непосредственной близости от города. Согласно статистике, число крещений жителей сельских районов было минимальным, что, безусловно, не соответствовало действительности.

Представители власти прекрасно понимали, что даже в зарегистрированных религиозных общинах не все удастся фиксировать. Например, в начале 1950-х гг. по приглашению Е.В. Чукичевой в село Айкино Усть-Вымского района из с. Рябово Архангельской области приезжал священник Налимов (бывший дьякон Кочпонской церкви). Пробыв в селе три дня, он отслужил молебен, окрестил около 100 детей, отпел умерших [21]. В начале 1950-х гг. власти не препятствовали приглашению священника, даже из другого района, для исполнения треб на дому [22]. В 1959 г. отношение к подобным выездам кардинально изменилось. В 1961 г. за «грубое нарушение законодательства о культах», а именно за совершение крещения, исповеди и других обрядов на дому без квитанции церковного совета, выезд за пределы района деятельности общины были сняты с регистрации священник Ибской церкви и настоятель Айкинского молитвенного дома [23, л. 18].

Чиновники признавали, что существуют значительные трудности контроля над совершением религиозных обрядов. Например, в 1962 г. члены церковного Совета Ибской религиозной общины из-за отсутствия священнослужителя сами отпевали, крестили и проводили другие обряды на дому верующих [23, л. 17]. В 1970 г. в отчете уполномоченного сообщалось, что в Кочпонскую церковь часто приводят детей для исповеди и миропомазания, заявляя, что они уже окрещены в деревне. Как правило, это были жители Усть-Куломского, Сыктывдинского, Княжпогостского районов и Сыктывкара. Настоятель церкви, побеседовав с бывшим церковным старостой, выяснил, что последний крестит детей на дому. Сам он объяснил свои действия так: «Многие отцы, особенно коммунисты, не желают крестить своих детей, тем более идти в церковь. А мать ребенка желает, чтобы он был крещен в церкви. В отсутствии отца я таких детей крещу дома. Остается совершить над ними миропомазание без каких-либо последствий для церкви и никаких обоюдных согласий родителей и оформления квитанций не требуется» [24].

Еще более остро на протяжении 1940–1980-х гг. стояла проблема контроля деятельности незарегистрированных религиозных объединений. В Примечании к сводным данным «о совершении православных религиозных обрядов» по Коми АССР за 1971–1975 гг. и.о. уполномоченного Совета указывал, что в Ижемском, Усть-Куломском, Усть-Цилемском и Троицко-Печорском районах «по просьбе верующих детей крестят старцы, знающие процесс крещения, что учету не подлежит» [25].

В 1960–1970-е гг. под руководством Ю.В. Гагарина были проведены первые масштабные исследования религиозной ситуации в Республике Коми. Исследователям удалось собрать весьма интересные материалы, характеризующие религиозность сельского населения Коми АССР, основной упор был сделан на районы со старообрядческим населением. В ходе опросов было выяснено, что в селах и деревнях, где проживали староверы, религиозность населения была выше [26, с. 311–312]. В отчетах этого периода почти не приводятся статистических данных о крещении детей в обследованных районах. Как правило, исследователи фиксировали, что сельские жители (верующие и неверующие) крестят детей в церквях Коми АССР и Кировской области (Прилузье), кроме того, крестят местные «знатоки». В отчетах содержатся краткие описания обряда крещения на дому в Прилузском районе, на средней и нижней Печоре (Возино, Лемты, Лемтыбож, Усть-Цилемский р-н) [27].

В ходе опроса, проведенного в 1968 г. в селах Троицко-Печорского района (села Усть-Унья, Курья, Покча, дер. Волосница, Пачгино), было выяснено, что крещено 12, 2 % детей, родившихся в 1961–1968 гг. [28]. На основании «конкретно-социологических исследований», проводившихся в 1972 г. в Усть-Цилемском районе Коми АССР, были составлены сводные таблицы, характеризующие религиозность населения. Табл. 4 демонстрирует, что в Усть-Цилемском районе 75,8 % детей были крещены, причем значительная часть крещеных (37%) приходилась на семьи «неверующих» и «неверующих и колеблющихся».

Таблица 4

Крещение детей, родившихся в 1962–1972 гг. в Усть-Цилемском районе

Семьи	Всего семей	Ответили	Есть дети	Не крещены	Крещена часть детей	Крещены все дети
Неверующих	82	74	51	20	14	17
Неверующие и колеблющиеся	40	39	23	5	7	11
Есть православные	9	9	2			2
Есть староверы	123	106	22	4	1	17
Есть православные и староверы	1	1	1			1
Всего	255	229	99	29	22	75

Источники: НА КНЦ. Ф. 2. Оп. 99. Л. 252.

Исследователи отмечали, что на крещение детей зачастую соглашаются «молодые и неверующие родители, поддавшись воздействию родственников и деревенского общественного мнения» [29].

Столь высокий процент крещеных в селах Усть-Цилемского района, безусловно, связан с влиянием староверия. В районах проживания коми староверов (на средней Вашке, верхней Печоре и верхней Вычегде) процент крещеных также был достаточно высоким. В 1960–1970-х гг. благодаря наставникам общины староверов не утратили полноту обрядовой жизни (проводились праздничные и поминальные службы, крещения, отпевания и исповеди) [30, с. 139]. Информанты часто говорили о том, что «некрещеных в селе не было», «некрещеных не держали» и т.п. «Мама верила, конечно, сам крещеный. Единственного сына крестил, здесь все верующие были. В селе была бабушка Матрена Васильевна Екимова, она детей крестила ... Детей здесь всегда крестили» [31]. «В Вочи был поп, он и крестил; была ещё Опошь Дарья, которая крестила, да молилась; раньше крестили всех, некрещеным никого не держали. Крестить приходила бабушка домой» [32].

В других сельских районах процент крещеных мог быть значительно ниже, чем в старообрядческих селах, но выше, чем указывалось в официальной статистике. Часть верующих крестила детей в церквях других областей. В селах и деревнях, удаленных от церквей, крещения, как и ранее, совершали пожилые женщины, знакомы с церковной службой.

Таблица 5

Продано нательных крестиков

	1954	1957	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1967	1970	1972	1975	1980	1985
Кочпонская церковь		2142	3198	3370	3500	8824	6775	6043	2205	8480	9107	10747	13615	11040	6246
Айкинский молитвенный дом			2187	1200	1676	1143	1834	1139	389	1918	848	999	1856	2355	914
Ибская церковь		1509	873	751	546	667	1485	394	278	637	1675	1298	963	1644	994
Ухтинский молитвенный дом			1445												
Всего	3591	6269	7703	5321	5722	10634	10094	7976	2875	11035	11630	13044	16434	15039	8154

Источники: НАРК Ф.Р–1451. Оп. 1. Д. 10. Л. 21, 41 (1954, 1957, 1959). Д. 20. Л. 15–16 (1960–1965). Д. 22. Л. 42 (1967). Д. 39. Л. 37 (1970). Д. 43. Л. 17 (1972). Д. 50. Л. 1, 8, 10 (1975). Д. 66. Л. 57, 60, 63 (1980). Д. 79. Л. 1, 11, 26 (1985, по Ибской церкви данные на ноябрь, по Айкинскому молитвенному дому – на август).

Итак, официальная статистика демонстрировала минимальные показатели по числу православных крещений в Коми АССР (с начала 1960-х гг. – 2–2,5%). При этом представители властей были прекрасно осведомлены о том, что практически во всех сельских районах республики распространена практика крещения детей на дому и признавали, что отследить деятельность «самозванных попов» не представляется возможным. Материалы этносоциологических опросов свидетельствуют о том, что число крещеных существенно различалось в разных сельских районах (75 % крещеных в Усть-Цилемском районе, 12 % в Троицко-Печорском). Отметим, насколько репрезентативны эти данные, судить достаточно сложно. Например, в Усть-Цилемском районе было опрошено 225 семей, а в Троицко-Печорском – 123. Очевидно, сегодня невозможно точно установить насколько расходятся официальная статистка и реальность, можно предположить, что в десятки раз. Косвенно свидетельствует о том, насколько распространена была практика крещений вне храма, количество проданных нательных крестов. Как известно, нательный крест является обязательным атрибутом православного христианина. Ю.В. Гагарин отмечал, что «самозванные попы» занимаются перепродажей свечей, икон, нательных крестов, которые закупают оптом [33]. Данные табл. 5 демонстрируют, что количество проданных в храмах Коми АССР нательных крестов в 20–25 раз превышало количество крещений. В то же время следует отметить, что и эти цифры условны, и число крещаемых было значительно больше. В частности, в старообрядческих общинах нательные кресты либо отливали местные умельцы, либо их приобретали в общинах Москвы; можно предположить, что подобная практика существовала и в нестарообрядческих селах.

Источники и литература

1. Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. 164 с.
2. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Религиозная ситуация в Коми крае // История Коми с древнейших времен до конца XX в. / Отв.ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. С. 173–175.
3. Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции и обряды жизненного цикла (конец XIX – XX вв.) / Отв. ред. Т.А. Бернштам. Сыктывкар: Коми НЦ, 2002. 276 с.
4. Власова В.В. Старообрядчески группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ, 2010. 172 с.
5. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 400 с.
6. НАРК. Ф. Р–633. Оп. 1. Д. 9а. Л. 14, 15, 53–66.
7. Дневные записки Ивана Степанова Разсыхаева (подготовка к публикации текста на русском языке Т.Ф. Волковой, на коми языке – В.В. Филипповой) // Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Ч. I, вып. 2: Рукописные книги XV – XX веков в собрании Национального музея Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2013. С. 352–415.
8. НАРК. Ф.П–1.Оп. 2. Д. 832. Л. 6, 5.
9. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л.11. с. Пожег, Усть-Куломский р-н.
10. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 18. с. Чупрово, Удорский р-н.
11. Рогачев М.Б. Репрессированное православное духовенство и монашество Коми края. Биографический справочник. Приложение к мартирологу «Покаяние». Сыктывкар, 2005. Вып. 4. 192 с.

12. НАРК. Ф. Р-604. Д. 24. Л. 41.
13. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 11. с. Вольдино, Усть-Куломский р-н.
14. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 18. с. Пожег, Усть-Куломский р-н.
15. НАРК. Ф. Р-604. Д. 24. Л. 41об.
16. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. / Серия «Первая монография». М.: «АИРО-XX», 1999. 248 с.
17. НАРК. Ф. Р-1451. Д. 106. Л. 3. Д. 10 Л. 1–3.
18. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 14. Л. 91–92.
19. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.
20. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 69. Л. 69.
21. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–36.
22. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 107. Л. 48.
23. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 14.
24. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.
25. НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.
26. *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 325 с.
27. НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. Л. 20–21. Д. 167. Л. 41, 43, 48.
28. НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 32.
29. НА КНЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 98. Л. 111.
30. *Власова В.В.* Изучение православной традиции коми-зырян в советский период: полевая работа глазами этнографа // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 118–126.
31. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 4.
32. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 19.
33. НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 130. Л. 91.

С.Н. Уваров*

Влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 годов на демографические процессы в Удмуртии

В статье на основе преимущественно неопубликованных материалов рассматривается влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на демографические процессы в Удмуртии. Делается вывод о том, что в республике накануне кампании было сильно распространено самогонование, поэтому показатели алкоголизации были хуже, чем в среднем по России. Сокращение продажи алкогольных напитков и особенно борьба с самогонованием привели к заметному сокращению смертности, росту рождаемости, оздоровили семью. Демографические изменения в Удмуртии были более позитивными, чем в целом по России.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания, демографические процессы, Удмуртия

S.N. Uvarov

The influence of the anti-alcohol campaign 1985–1988 on demographic processes in the Republic of Udmurtia

The article on the basis of mainly unpublished materials examines the impact of the anti-alcohol campaign 1985–1988 on demographic processes in the Republic of Udmurtia. It is concluded that in the Republic on the eve of the campaign was especially popular in the moonshine, therefore, the indicators of alcohol abuse were worse than in Russia on average. The reduction in the sale of alcoholic beverages and especially the fight against moonshining has led to a significant reduction of mortality, growth, fertility, improved health of the family in the Republic. Demographic changes in Udmurtia were more positive than in the whole of Russia.

Key words: anti-alcohol campaign, demographic processes, Udmurtia

По мнению А.В. Немцова, одним из главных факторов, повлиявшим на смертность в нашей стране, особенно у мужчин, во второй половине XX в. было растущее потребление алкоголя [1, с. 114]. Поэтому борьба с пьянством напрямую влияла на демографическое развитие. Одна из самых масштабных антиалкогольных кампаний в нашей стране проводилась в период правления М.С. Горбачева. Рассмотрим ее влияние на демографические процессы в Удмуртии, где проблема является слабоизученной.

К моменту принятия 7 мая 1985 г. Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановления Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонования», положивших начало антиалкогольной кампании, проблема алкоголизма населения в республике стабильно нарастала. Количество больных хроническим алкоголизмом, состоящих на учете, в Удмуртской АССР постоянно увеличивалось и за 1978–1984 гг. возросло в 1,5 раза (табл. 1).

Таблица 1

Показатели алкоголизации населения Удмуртской АССР

Год	Количество больных алкоголизмом, состоящих на учете, всего*		Рост количества алкоголиков к предыдущему году, %	Количество состоящих на учете с хроническим алкоголизмом женщин, чел.*	Количество алкогольных психозов	
	чел.	на 10000 населения			чел.	на 10000 населения
1977	21726		6,7			
1978	24126		11,0			
1979	25377		5,2			
1980	26900		6	3455		
1981	28526		6	3620	468	
1982	29321		2,8	3682	443	

* Уваров Сергей Николаевич (Ижевск) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11, sergey.uvarov@mail.ru.

Окончание табл. 1

Год	Количество больных алкоголизмом, состоящих на учете, всего*		Рост количества алкоголиков к предыдущему году, %	Количество состоящих на учете с хроническим алкоголизмом женщин, чел.*	Количество алкогольных психозов	
	чел.	на 10000 населения			чел.	на 10000 населения
1983	30926		5,5	4031	538	
1984	32637	205,1	5,5	4430	620	4,0
1985	33228	211,9	1,8	4483	539	3,4
1986	34673	219,1	4,3	4773	231	1,5
1987	36163	225,1	4,3	5054	244	1,5
1988	36454	226,6	0,8	5048	224	1,4
1989	33816	208,9	– 7,2	4700	281	1,7

* На конец года.

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 5446. Л. 32, 37; Д. 5562. Л. 68; Д. 5935. Л. 8; Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 2; Д. 15. Л. 3; Д. 70. Л. 5, 16; Д. 90. Л. 4; Д. 128. Л. 80; Д. 113. Л. 4; Д. 128. Л. 74, 76, 80; Д. 132. Л. 3, 23; Народное хозяйство РСФСР в 1984 г.: Стат. ежегодник. М., 1985. С. 7; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М., 1991. С. 79; Население СССР. 1987: стат. сборник. М., 1988. С. 21; Население СССР. 1988: Стат. ежегодник. М., 1989. С. 17; Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 143–144.

Ежегодный прирост количества хронических алкоголиков составлял 5,2–11 % (исключением стал 1982 г.). Показатель в 11 % за 1978 г. был высоким благодаря улучшению выявляемости алкоголиков, так как в 1977 г. был образован Республиканский наркологический диспансер. Тревожным было распространение алкоголизма у женщин (в среднем около 13 % от общего количества хронических алкоголиков). Число алкогольных психозов за 1981–1984 гг. выросло в 1,3 раза.

Росло не только абсолютное количество алкоголиков, но и относительное. Если в 1980 г. на 10000 населения Удмуртии приходилось 179,3 больных хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами, то в 1984 г. их доля выросла уже до 210,7 [2, л. 1]. При этом доля больных в республике была намного выше, чем в среднем по РСФСР, где на 10000 населения приходилось соответственно 145,8 [3, с. 269] и 187,6 [4, л. 72, 79; 5, с. 33] больных хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами.

Болезнь была относительно молодой. В 1981–1983 гг. в составе больных алкоголизмом половина имела возраст до 40 лет (табл. 2). Как «весьма распространенное зло» характеризовался в справке отдела охраны общественного порядка МВД УАССР за 1984 г. алкоголизм среди несовершеннолетних [6, л. 61]. Очевидно, проблема алкоголизма в силу ее распространенности среди молодежи сказывалась и на здоровье потомства. Если в 1980 г. на 10000 детского населения в республике приходилось 114,1 детей с задержками психического развития, то в 1986 г. – уже 270,8. Только за два года число олигофренов в степени дебильности в Удмуртии выросло на 41,6 %: в 1984 г. их было 3086 чел., в 1986 г. – 4370 [7, л. 103].

Таблица 2

Состав больных, состоящих на учете в Республиканском наркологическом диспансере Удмуртской АССР

Возраст	1981		1982		1983		1984	
	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%
до 20 лет	586	2,1	169	0,6	427	1,4	316	1,0
21–29 лет	5022	17,6	3856	13,1	5981	19,3	4664	14,3
30–39 лет	8840	31,0	10748	36,7	9276	30,0	9619	29,5
40–49 лет	10009	35,1	9285	31,7	10281	33,2	11631	35,6
50–59 лет	3601	12,6	4963	16,9	4587	14,8	5932	18,2
60–69 лет	428	1,5	272	0,9	303	1,0	443	1,3
старше 70 лет	40	0,1	28	0,1	71	0,2	32	0,1
Итого	28526	100	29321	100	30926	100	32637	100

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 5об.

При этом учетное потребление алкогольных напитков в Удмуртии было меньшим, чем в среднем по РСФСР. В 1984 г. разница составляла почти литр чистого спирта на человека: в РСФСР потребление спиртных напитков в пересчете на абсолютный алкоголь по данным Госкомстата на одного человека составило 10,5 л, в Удмуртской АССР – 9,6 л [4, л. 58–59]. Поэтому можно сделать вывод, что в республике было сильно распространено неучтенное потребление, т.е. самогонование. По мнению главного нарколога республики,

именно употребление разного рода суррогатов (самогона, перегона) вместо водки способствовало росту психозов. О значительных объемах самогонварения говорил тот факт, что план оборота по реализации винно-водочной продукции не выполнялся [6, л. 6]. Не случайно росло количество лиц, умерших непосредственно от алкогольного отравления: 1976 г. – 559 чел., 1977 г. – 599, 1978 г. – 575, 1979 г. – 588, 1980 г. – 553, 1981 г. – 525, 1982 г. – 548, 1983 г. – 741, 1984 г. – 759 чел. [8, л. 14]. Доля умерших от случайного отравления алкоголем в 1984 г. в 2,3 раза превосходила средний для РСФСР показатель: на 100 000 населения в республике насмерть отравилось 45,3 чел., в РСФСР – 19,6 чел. В этом плане Удмуртия сильно выделялась на фоне других уральских регионов, где в целом показатель равнялся 19,5 чел. [4, л. 99–100]. В первой половине 1980-х гг. около 20 % лиц, умерших в УАССР, погибали в состоянии алкогольного опьянения (табл. 3).

Проблема алкоголизма усугублялась, несмотря на борьбу с ней. По Постановлению Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 16 мая 1972 г. сокращалось количество магазинов, торгующих алкогольными напитками; запрещалась торговля алкогольными напитками крепостью 30° и выше в промежутке с 19 до 11 часов, а рядом с производством, учебными, медицинскими, рекреационными, детскими учреждениями и т.п. – полностью. Одновременно предусматривались мероприятия по улучшению выявления, учета и лечения больных хроническим алкоголизмом; расширялась сеть наркологических отделений и кабинетов, а также лечебно-трудовых профилакториев (далее – ЛТП) для принудительного лечения и трудового перевоспитания алкоголиков.

О масштабах борьбы с пьянством говорят следующие факты. В 1982 г. Удмуртской АССР в вытрезвитель помещалось 64 420 чел., в 1983 г. – 66 917 чел., на принудительное лечение в ЛТП направлено 888 и 966 чел. соответственно [6, л. 3, 9]. В 1984 г. в лечебно-трудовые отделения было направлено 885 чел., они выпустили продукции на сумму 2,3 млн. руб. [8, л. 12]. Продолжал действовать Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за самогонварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» от 8 мая 1961 г. В 1982 г. за изготовление самогона к уголовной ответственности в республике было привлечено 253 чел., в 1983 г. – 398 чел. [6, л. 4]. Однако все эти меры были недостаточными, а их эффективность – низкой.

Таблица 3

Количество лиц, умерших в Удмуртской АССР в состоянии алкогольного опьянения

	1980	1981	1982	1983	1984
Умерло от всех причин	16862	16724	16409	16943	18059
В состоянии алкогольного опьянения погибло, всего	3248	3255	3404	3460	3482
в том числе: от травм	698	661	756	615	664
от удушья	803	994	928	1031	997
от отравления	805	741	922	998	1027
от замерзания	141	145	169	133	171
от высоких температур	67	45	38	46	42

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 5695. Л. 14–15; Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 417. Л. 21; Д. 427. Л. 24.

В 1985–1988 гг. борьба с пьянством велась намного решительнее. В 1987 г. сеть магазинов, осуществлявших продажу спиртных напитков, уменьшилась в Удмуртской АССР по сравнению с 1984 г. на 72 % [9, л. 29], а душевое потребление спиртных напитков за тот же период в пересчете на абсолютный алкоголь – в 2,2 раза до 4,4 л в 1987 г. Это сокращение было меньшим, чем по России, где оно уменьшилось в 2,7 раза, до 3,9 л [4, л. 58–59]. По решению сельских сходов на территории 46 сельсоветов УАССР была прекращена продажа спиртных напитков [10, л. 4].

Активизировалась борьба с самогонварением. Если в первом полугодии 1985 г. было выявлено 201 лицо, занимавшееся самогонварением, изъято и сдано 5547 самогонных аппаратов, то в первом полугодии 1986 г. было выявлено 573 чел. и изъято 828 аппаратов [11, л. 37]. В 1986 г. в Удмуртской АССР было выявлено 980 фактов приготовления крепких спиртных напитков домашней выработки [12, л. 3], в 1987 г. – 1678 [13, л. 12]. Поскольку с мая 1987 г. лица, впервые привлеченные за самогонварение, наказывались в административном порядке, в 1987 г. за самогонварение было осуждено всего 592 чел. [4, л. 114].

Составной частью антиалкогольной кампании М.С. Горбачева явилась организация досуга. Только в сельской местности УАССР за 1986–1988 гг. было создано 197 культурно-спортивных комплексов, введено в эксплуатацию 24 новых клубных учреждений на 6500 мест, капитально отремонтировано 122 клубов и домов культуры, 52 библиотеки и три кинотеатра [14, л. 25–26]. Количество занимающихся на спортивных сооружениях республики увеличилось в 1985 г. на 12 тыс. чел., в 1986 г. – еще на 10 тыс. чел. [10, л. 4, 66]. Еще одной составляющей кампании 1985–1988 гг. стало развитие коллективного садоводства и огородничества. Если в него в 1984 г. было вовлечено 60 тыс. семей, то в 1987 г. их количество в Удмуртии составило 84 тыс. [9, л. 28].

В результате лишь такого радикального решения вопроса в 1985–1987 гг. темпы прироста алкоголиков в республике уменьшились до 1,8–4,3 %, относительное количество алкоголиков выросло с 211,9 чел. на 10000 населения до 225,1 чел. (табл. 1). Разрыв с общероссийским показателем стал еще более заметным, поскольку в РСФСР рост был не таким значительным: с 192,6 чел. в конце 1985 г. до 199,7 чел. в конце 1987 г. на каждые 10000 населения [4, л. 72–73; 5, л. 33]. Уменьшаться количество хронических алкоголиков (как абсолютное, так и относительное как в Удмуртии, так и в России) стало уже после окончания кампании, в 1989 г. Объясняется данный парадокс, видимо, тем, что в годы кампании наркологической помощи уделялось особое внимание, поэтому выявляемость алкоголиков улучшилась. Если в 1985 г. в РСФСР существовало 547 наркологических отделений, то в 1986 г. их было 622, а в 1987 г. – 635. Затем они начали закрываться: в 1988 г. осталось 630 отделений, в 1989 г. – 608. В Удмуртии максимум пришлось на 1986 г., когда существовало 12 отделений, в 1987 г. их осталось 11, а в 1988–1989 гг. было 10 больничных учреждений, имевших наркологические отделения [4, л. 91–92]. По данным Министерства здравоохранения РСФСР, закрывались прежде всего те отделения, которые существовали на базе предприятий, в связи с переходом последних на хозрасчет и самоокупаемость [15, л. 120б].

В 2,8 раза за 1984–1988 гг. уменьшилось количество психозов (табл. 1). Их доля к концу кампании почти сравнялась с общероссийской: в 1987 г. на 10000 населения в Удмуртии приходилось 1,5 случаев психоза, в РСФСР – 1,2 [4, л. 79–80; 5, л. 33].

Но самые благоприятные результаты кампании проявились в демографической ситуации. Выросла рождаемость. В 1986 г. родилось на 1764, а в 1987 г. – на 340 чел. больше, чем в предыдущем году (табл. 4). Падение рождаемости, причем существенное, пришлось на 1988 г., но связано оно было, скорее всего, с общей ситуацией в социально-экономической сфере, что подтверждает тот факт, что длилось оно до 1996 г. Тем не менее подъем рождаемости в Удмуртии во время антиалкогольной кампании был более заметным, чем в России.

Рост рождаемости, очевидно, был связан с оздоровлением обстановки в семьях. До 1984 г. число заключенных браков уменьшалось (табл. 4). Затем началось увеличение, которое закончилось в 1987 г., т.е. соответствовало времени, когда велась борьба с пьянством. Антиалкогольная кампания остановила нараставшее в первой половине 1980-х гг. угрожающими темпами число разводов. Упала доля разводов по отношению к бракам – до 30,4 % в 1987 г. Это падение было намного значительнее, чем в России. Сократилось количество родителей, лишенных по суду родительских прав: в 1985 г. – 152 чел., 1986 г. – 170 чел., 1987 г. – 115 чел., 1988 г. – 90 чел., 1989 г. – 76 [4, л. 110].

Таблица 4

Демографические показатели в Удмуртской АССР

Показатели	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Родилось, чел.	28209	28544	31873	29764	29343	31107	31445	29399	27191	24345
Родилось, на 1000 чел.	18,5	18,6	20,7	19,1	18,7	19,7	19,7	18,3	16,8	15,1
Родилось, на 1000 чел. (РСФСР)	16,0	16,6	17,5	16,9	16,6	17,2	17,2	16,0	14,6	13,4
Умерло, чел.	16724	16409	16943	18059	17553	14874	15188	15138	15448	15816
Умерло, на 1000 чел.	10,9	10,7	11	11,6	11,2	9,4	9,5	9,4	9,6	9,8
Умерло, на 1000 чел. (РСФСР)	10,9	10,7	11,1	11,6	11,3	10,4	10,5	10,7	10,7	11,2
Естественный прирост, чел.	11485	12135	14930	11705	11790	16233	16257	14261	11743	8529
Естественный прирост, на 1000 чел.	7,6	7,9	9,7	7,5	7,5	10,3	10,2	8,9	7,2	5,3
Естественный прирост, на 1000 чел. (РСФСР)	5,1	5,9	6,4	5,3	5,3	6,8	6,7	5,3	3,9	2,2
Браки, количество	16659	16059	15950	14327	14707	14610	15583	14495	14109	13442
Браки, на 1000 чел.	10,9	10,5	10,3	9,2	9,4	9,3	9,7	9,0	8,7	8,3
Браки, на 1000 чел. (РСФСР)	10,6	10,4	10,5	9,6	9,7	9,8	9,9	9,5	9,4	8,9
Разводы, количество	4382	4353	4576	4708	4928	4587	4733	4530	4441	4239
Разводы, на 1000 чел.	2,8	2,8	3,0	3,0	3,1	2,9	2,9	2,8	2,8	2,6
Разводы, на 1000 чел. (РСФСР)	4,1	4,0	4,1	4,0	4,0	4,0	4,0	3,9	3,9	3,8
Доля разводов к числу браков, %	26,3	27,1	28,7	32,9	33,5	31,4	30,4	31,3	31,5	31,5
Доля разводов к числу браков, % (РСФСР)	39,2	38,2	39,4	41,9	41,3	40,9	40,2	41,1	42,1	42,4

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 401. Л. 16; Д. 408. Л. 22; Д. 417. Л. 21; Д. 427. Л. 24; Д. 438. Л. 21; Д. 446. Л. 17; Д. 454. Л. 14; Д. 461. Л. 119; Д. 468. Л. 119; Д. 475. Л. 6а, 6б.; Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. М., 1998. С. 85, 171, 172.

Смертность сократилась сразу – уже в 1985 г. Еще более заметное падение произошло в 1986 г.: в этом году умерло на 2679 чел. меньше, чем в предыдущем. В относительных цифрах снижение было вдвое большим, чем в России: 1,8 чел. на 1000 населения в 1986 г. против 0,9 в среднем по РСФСР (табл. 4). Правда, в 1987 г. произошло небольшое увеличение смертности, сменившееся в 1988 г. некоторым ее уменьшением. А с 1989 г. количество умерших, как относительное, так и абсолютное, стало неуклонно расти (вплоть до середины 1990-х гг.).

Произошло значительное снижение насильственной смерти. Если в 1984 г. было зарегистрировано 3787 случаев, из них 2915 (77%) – в состоянии алкогольного опьянения, то в 1987 г. зарегистрировано 2198 случаев, из них 1314 – в состоянии алкогольного опьянения (59,8%) [16, л. 5]. Уменьшилось число самоубийств: с 1040 случаев (из них 648 – в нетрезвом виде, как правило, теми, кто злоупотреблял спиртными напитками) в 1985 г. до 765 (494 – в нетрезвом состоянии) – в 1986 г. [10, л. 46].

Уменьшилось количество отравлений алкоголем: если в 1984 г. их было 759, то в 1985 г. – 593, в 1986 г. – 307, в 1987 г. – 214, в 1988 г. – 179. При этом не подтверждается бездоказательная гипотеза, превратившаяся в укоренившийся стереотип, о росте отравлений суррогатами, которые стали пить вместо алкоголя. В 1984 г. общее количество отравлений (в том числе от алкоголя), ставших причиной смерти, составило 1178 случаев, в 1985 г. – 1025, в 1986 г. – 621, в 1988 г. – 349 [10, л. 49; 16, л. 5; 17, л. 201, 217, 233, 249].

Если в 1985 г. Удмуртия еще была в числе лидеров по числу отравлений, то с 1986 г. она уже не сильно выделялась на фоне остальных субъектов (табл. 5). Выдвинем гипотезу, что на ситуацию с алкогольными отравлениями, а в конечном счете – и со смертностью, сильнейшее влияние оказала борьба с самогонованием, приведшая к реальному сокращению производства крепких напитков домашней выработки. Конечно, поверить в это мешают данные о росте фактов самогонования и продаж сахара во время антиалкогольной кампании. В 1984 г. в республике было продано сахара на 45,2 млн. руб., в 1985 г. – 40,4 млн., в 1986 г. – 47,9 млн., в 1987 г. – 52,3 млн., в 1988 г. – 40,8 млн., в 1989 г. – 38,7 млн. руб. [4, л. 46]. Но не будем забывать, что вследствие резкого увеличения коллективного садоводства и огородничества, спрос на сахар мог быть обеспечен дачниками, например, для изготовления компотов и варений. Улучшилась выявляемость самогонщиков (дело доходило вплоть до проведения настоящих облав по деревням).

Подтверждает нашу гипотезу то, что самогонование было традиционно распространено среди удмуртов, большинство которых проживало в сельской местности, а именно среди селян смертность уменьшилась сильнее всего. В 1984 г. в сельской местности Удмуртии на 1000 населения она составляла 15,0 чел., в 1985 г. – 14,5 чел., в 1986 г. – 11,3 чел., в 1987 г. – 11,6 чел., в 1988 г. – 11,2 чел. [18, л. 24; 19, л. 21; 20, л. 17; 21, л. 14; 22, л. 119].

Таблица 5

Число умерших от случайного отравления алкоголем, на 100000 населения

	1984	1985	1986	1987	1988	1989
РСФСР	19,6	16,4	9,3	8,0	7,8	8,8
Урал в целом	19,5	16,7	9,9	7,4	7,3	8,1
Удмуртская АССР	45,3	36,0	17,8	12,4	11,1	12,2

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 128. Л. 99–100.

Похожая ситуация уже имела место в республике. После выхода Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах борьбы с самогонованием и изготовлением спиртных напитков домашней выработки» от 29 января 1960 г. только среди сельского населения республики того же года было собрано 11390 самогонных аппаратов, привлечены к административной ответственности 1170 чел., 25 злостных самогонщиков наказаны в уголовном порядке [23, л. 4]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за самогонование и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» от 8 мая 1961 г. наказания еще более ужесточались. В 1961 г. уголовному преследованию подвергся 751 чел., из них 582 чел. – в сельской местности. При этом наказания были строгими: 96 чел. в 1961 г. приговорены к лишению свободы [24, л. 1–2]. В результате смертность среди селян сократилась с 10,2 чел. на 1000 населения в 1959 г. до 9,9 в 1960 г., 9,4 – в 1961–1962 гг., 9 – в 1963 г., 8,2 – в 1964 г. [25, л. 25; 26, л. 21; 27, л. 22; 28, л. 19; 29, л. 130б; 30, 60б]. Затем после ослабления борьбы с самогонованием она вновь стала расти.

Если посмотреть на цифры естественного прироста, то самыми высокими за 1980-е гг. они были во время антиалкогольной кампании. Тем не менее в 1988 г. под давлением общественного мнения она была фактически свернута. Значительное сокращение числа магазинов, торгующих спиртным, и ограничения в продаже алкоголя (с июня 1986 г. в городах республики была установлена норма отпуска на одного человека не более

двух бутылок водки и трех литров пива [31, л. 6]) привели к большим очередям, в которых стали совершаться различного рода правонарушения и проявления хулиганства. В декабре 1987 г. в г. Ижевске в очереди погибли две женщины [9, л. 31]. Возник дефицит сахара, поэтому с мая 1987 г. было введено нормирование его продажи не более 1 кг одному покупателю [31, л. 13]. При этом СМИ формировали мнение о том, что дефицит сахара возник именно из-за самогонварения. Все это создавало озлобленность, увеличилась спекуляция. После окончания кампании демографические процессы приняли негативный характер.

Таким образом, антиалкогольная кампания, которую начал М.С. Горбачев, была необходима. Она привела ко многим позитивным изменениям, главными среди которых были демографические. В первую очередь, это коснулось тех регионов, где проблема алкоголизма стояла особенно остро, как, например, в Удмуртии. Сокращение продажи алкогольных напитков и особенно борьба с самогонварением привели к заметному сокращению смертности в республике, росту рождаемости, оздоровили семью. К сожалению, кампания оказалась недолгой. Поэтому очередная попытка побороть пьянство должна стать долгосрочной политикой.

Источники и литература

1. Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социс. 1997. № 9. С. 113–116
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 14.
3. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 592 с.
4. ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 128.
5. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. М., 1998. 222 с.
6. ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 5562.
7. ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 5. Д. 24.
8. ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 5695.
9. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 14833.
10. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14301.
11. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14299.
12. ЦГА УР. Ф. Р-1045. Оп. 3. Д. 542.
13. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14434.
14. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14907.
15. ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 139.
16. ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 90.
17. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 463.
18. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 427.
19. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 438.
20. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 446.
21. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 454.
22. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 461.
23. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8991.
24. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. 9169.
25. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87.
26. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 93.
27. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 100.
28. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 107.
29. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 115.
30. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 123.
31. ЦГА УР. Ф. Р-582. Оп. 5. Д. 2798.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 314.3: 314.5:314.7 (372.622. 622.2)

А.Ш. Хашба*

Современные демографические процессы в селе Хуап Гудаутского района Республики Абхазия

В статье представлен материал, посвященный мониторингу демографических процессов в селе Хуап Гудаутского района в 2006–2016 гг. Дается оценка причин миграционных процессов, снижения рождаемости, сокращения численности и старения населения. На основе проведенного автором анализа раскрывается возрастная структура сельского населения, для которого характерно превышение доли старших возрастных групп, что естественным образом приводит к понижению репродуктивной активности жителей.

Ключевые слова: сельское население, численность населения, возрастной состав, маятниковая миграция

A.Sh. Khashba

Modern demographic processes in the village Huap Gudauta district

The article presents the material devoted to the monitoring of demographic processes in the village of Huap of Gudauta district in 2006–2016. The assessment of the causes of migration processes, fertility decline, population decline and aging is given. On the basis of the analysis carried out by the author, the age structure of the rural population is revealed, which is characterized by the excess of the share of older age groups, which naturally leads to a decrease in the reproductive activity of residents.

Key words: rural population, population, age structure, pendulum migration

Вопросы демографии все больше и больше принимают актуальность в Республике Абхазия. В современной Абхазии происходящие этнодемографические процессы мало изучены. Главная причина в отсутствии исчерпывающих исследований реального течения жизни общества. Для проведения исследований необходим этнодемографический статистический материал. Эти данные зависят от численности, возрастно-половой структуры и естественного воспроизводства населения. Другая причина – отсутствие достаточно длинных динамических рядов. Однако они сильно искажены в 90-х гг. минувшего столетия. Отсутствие таких данных искажает не только теоретические обобщения, но и этнодемографический анализ. С этой целью в 2006 г. была проведена комплексная экспедиция в предгорные села Гудаутского района.

Спустя десять лет осуществлен мониторинг ситуации в селах указанного района. На примере села Хуап был собран новый материал. На материалах села конкретно изучалась проблема демографических изменений, имевших место на протяжении десяти лет. Важной составляющей источниковой базы исследования являются данные хозяйственных книг. Были собраны данные по национальному составу, динамике численности населения, миграции, половозрастной и семейной структуре.

По материалам переписи 1959 г. в Хуапском сельсовете проживало 692 чел. [1], а к 1989 г. численность населения составляла 731 чел. [2]. Однако по переписи 2011 г. численность населения села Хуап составила 541 чел.: абхазы – 99,4 % (538 чел.), русские – 0,2 % (1 чел.), грузины – 0,2 % (1 чел.), другие этнические

* Хашба Астанда Шалвовна (Сухум, Республика Абхазия) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований, astanda13@rambler.ru

группы – 0,2 % (1 чел.) [3]. На 1 мая 2016 г. преобладают абхазы, представители других этнических групп составляют менее 1% (молдаване, абазыны, украинцы, русские). Таким образом, Хуап является моноэтническим селом республики. В нем отмечено всего лишь два смешанных (абхазо-молдавский и абхазо-украинский) брака.

Важной характеристикой, оказывающей влияние на численность как города, так и села, является процесс воспроизводства. В соответствии с его неравномерностью в исследуемый период население села сократилось. Доля детей и подростков в сравнении с 2006 г. резко уменьшилась, что привело к преобладанию трудоспособного и старше трудоспособного возрастов в селе (табл. 1). Иными словами, в селе сложилась регрессивная возрастная структура населения. Снижение доли детских возрастов порождено низкой рождаемостью в селе [4]. Соответственно, в последующие возрастные когорты вступит меньшее количество людей. Исходя из показателей, следует отметить, что в селе наблюдается процесс старения населения.

Таблица 1

**Соотношение основных возрастных групп села Хуап
(оба пола чел., %)**

Возраст	Года	
	2006	2016
Доля лиц моложе трудоспособного	104 (19,7%)	54 (13,7%)
Трудоспособное	301 (56,9%)	262 (66,5%)
Старше трудоспособного	124 (23,4%)	78 (19,8%)

Таблица составлена по полевым материалам автора за 2006 г. и 2016 г.

В рассматриваемый период поло-возрастная структура населения села Хуап выражается гендерной диспропорцией: количественно преобладают мужчины. Гендерный дисбаланс в пользу мужчин наблюдается во всех возрастных группах от 0 до 65 лет: в 2006 г. доля мужчин составляла – 51,4%, женщин – 48,6%; в 2016 г. доля мужчин – 52,8%, женщин – 47,2 %. Ситуация кардинально меняется в возрастной когорте старше 65 лет. Так, в 2006 г. женщин становится в 2,8 раза больше, а к 2016 г. – на 3,4. Значительный интерес представляет, с одной стороны, анализ динамики среднего размера домохозяйств и их доли в селе и тех хозяйств, в которых проживают только по одному или по два пенсионера; с другой стороны, изучение тех домохозяйств, которые включают в свой состав супружескую пару (работоспособного возраста от 19 до 59 лет) и их детей школьного и дошкольного возраста (до 16 лет включительно).

Таким образом, за исследуемый период в селе снизилось общее количество домохозяйств и их средние размеры (3,7–2,7). Прослеживается уменьшение полных семей с детьми (46–37), хозяйств как одиноких пенсионеров (10,7%–14; 8,3%–9), так и с двумя пенсионерами (3,8%–5; 0,9%–1). Однако наблюдается увеличение доли хозяйств, состоящих из двух человек (9,2%–12; 21,1%–23). Так, в двух хозяйствах проживают супружеские пары, в других двух – родные братья. В 19 хозяйствах проживают матери с неженатыми младшими сыновьями, которым к 2016 г. было уже за 40 лет.

В селе встречаются оформленные и неоформленные пустые хозяйства, в которых никто не проживает. В первом случае хозяева, реально проживающие в городах республики, периодически посещают свои хозяйства, следят за захоронениями своих близких родственников, обрабатывают часть земли для получения и продажи сельхозпродукций, например, ореха-фундука, киви, хурмы или же выращивают для себя кукурузу и фасоль. Также они принимают активное участие во всех мероприятиях, проводимых в селе. Во втором случае хозяева этих хозяйств умерли, и наследники, проживающие в городе, еще не вступили в наследство. Однако наследники стараются не запускать хозяйства своих близких родственников. В селе есть два хозяйства, чьи хозяева приезжают только на летнее время года, а осенью переезжают в город.

Состав и величина семьи, как известно, зависит от числа детей и от распространенности совместного проживания родственников, чаще всего взрослых детей и родителей. В Республике Абхазия все еще встречаются, конечно, в небольших количествах, «неразделенные семьи». «Неразделенные семьи» формально в той или иной мере сходны с традиционной большой семьей (например, по составу родственников, числу брачных пар, поколений и т.п.). Семьи в селе в подавляющем большинстве состоят из двух-шести человек. Однако к 2016 г. их доля заметно уменьшается. Количество семей, состоящих из семи человек, сократилось в два раза, из девяти-десяти человек в 2006 г. было по одной семье [5], а на 1 мая 2016 г. такие семьи вовсе отсутствуют [6]. Семья с численностью 12 человек, в которой шестеро детей, в 2006 г. встретила лишь одна, а к 2016 г. – две семьи с количеством 12 человек, где в одной семье двое детей, в другой – пятеро. Семьи с 5–6 детьми в селе составляют менее одного процента. Также уменьшается доля многодетных семей (12,9%–9,2%) [7]. Все больше и больше распространяется и закрепляется идеал или «мода» малодетной семьи с 1–2 детьми. Та-

ким образом, семейный состав села за десятилетний период характеризуется преобладанием малодетных семей (29,0%–28,4%), т.е. семья отнюдь не стремится остаться бездетной.

Исследователи отмечают параллельное существование в Абхазии больших и малых семей [8]. Но при этом уже в 60-х гг. минувшего столетия шкала количественного состава двигалась в нисходящем порядке. «Среднестатистическая абхазская традиционная семья состояла из пяти человек. Одиночки не превышали 5,5%» [9]. Нельзя не согласиться с Э. Россетом, считавшим, что на данном этапе необходимо сохранение среднететной семьи: «О многодетной семье сейчас следует говорить в прошедшем времени. Этот тип изжил себя. Сегодня идет борьба не за четвертого и пятого, а за второго и третьего ребенка» [10].

Многие мужчины и женщины остаются неженатыми и незамужними. Л.В. Чуйко отмечает, что главным фактором, с которым связана рождаемость, является возраст вступления в брак [11]. Согласно полевым материалам, численность людей в возрасте от 18 до 50 лет и старше, никогда не состоявших в браке, увеличивается. Грузино-абхазская война 1992–1993 г.г. сдвинула браки к более поздним возрастам и повысила число остающихся вообще вне брака. Тем самым продуктивность браков тем ниже, чем старше возраст вступления в брак. Следует отметить, что численность незамужних женщин уменьшается (40–38 чел.), а количество неженатых мужчин увеличивается (59–81 чел.).

Исследования показали, что холостым мужчинам в основном уже за 45 лет, и они же являются младшими или единственными сыновьями. По традиции младший и единственный сын остается жить с родителями. Девушки не всегда охотно выходят замуж за мужчин, проживающих в селах. Это связано в первую очередь с нежеланием заниматься физическим трудом, отсутствием рабочих мест, культурного досуга, проявления своих профессиональных возможностей. В связи с этим сыновья, остающиеся жить в селе с родителями, сталкиваются с трудностями в поисках спутницы. Таким образом, идет процесс увеличения роста количества холостяков.

Миграционные процессы, происходящие в последние десять лет, имеют социально-экономические причины. Они приводят к резким изменениям демографической и трудовой ситуации в селе. Мотивом трудовой маятниковой миграции является «экономическая» ситуация в республике. Доля осуществляющих маятниковую миграцию – ежедневную или еженедельную – остаётся до настоящего времени относительной. Следует отметить, что в миграции преобладают мужчины как в 2006 [12] г., так и по результатам исследований за 2016 г. Маятниковая миграция сельского населения разграничивается по направлениям село–село и село–город. Для анализа современной маятниковой миграции проследим одну из форм миграционной подвижности (село–город).

Географическое положение села играет немаловажную роль для миграции населения. Жители села для участия в маятниковой миграции – ежедневной и сезонной – выбирают близлежащие города республики. В миграции бесспорно преобладают мужчины трудоспособного возраста. Наиболее популярным городом для постоянной работы для сельчан является г. Гудаута – 35 чел. (24 муж., 11 жен.). Это предпочтение связано в первую очередь с наличием рейсового автобуса и территориальной близостью города. На втором месте город Сухум – 9 чел. (7 муж., 2 жен.), на третьем Гагра – 6 чел. (4 муж., 2 жен.), а на четвертом Новый Афон – 2 чел. (1 муж., 1 жен.). Сравнивая данные за 2006 и 2016 гг, следует отметить, что жители села по-прежнему предпочитают устраиваться на постоянную работу в города республики. Участники маятниковой миграции в основном работают в разных отраслях народного хозяйства, а именно – в строительстве, транспорте, торговле, общественном питании и в частных компаниях.

В сезонную летнюю миграцию жители села в основном направляются в Новый Афон (по 2 чел.), в Гагру и Гудауту (по 3 чел.), а на оз. Рица 2 чел. Все работают в туристической сфере деятельности: в домах отдыха, официантами в ресторанах, кафе и в торговле. Преобладающими возрастными категориями у мужчин являются 20–24 года – 8 чел., 45–49 лет – 7 чел., тогда как у женщин – 30–34, 35–39, 40–44 лет. В 2006 г. участвующие в сезонной (летней) миграции в основном предпочитали работать только в городе Гагра и на оз. Рица. Такой образ жизни приводит к тому, что сельские жители в большинстве своем не производят сельскохозяйственную продукцию на продажу, а производят лишь для своего жизнеобеспечения.

Таким образом, с достаточной убедительностью можно говорить о том, что маятниковая и сезонная миграция сельского населения:

- играет большую роль как в обеспечении городов дополнительной рабочей силой, так и в социальных сдвигах в селе, в изменении социальной структуры сельского населения, в выравнивании материального и культурного уровня сельского населения;
- создает условия для большей социальной мобильности населения, для широкого выбора профессий и занятий;
- приобщает сельских жителей к городскому образу жизни, культуре, психологии.

Совершая регулярные трудовые поездки в города, сельские жители приобретают в них промышленные товары, пользуются услугами различных бытовых мастерских. Т.е. города выступают в роли центров культурно-бытового обслуживания сельского населения.

Проведенное исследование демографической ситуации в селе Хуап Гудаутского района в 2006–2016 гг. выявило ряд существенных изменений. Современные демографические тенденции, происходящие в нем, можно назвать процессом «вымирания» сельской местности, что представляет серьезную угрозу для Республики Абхазия. Село всегда являлось главным поставщиком и источником пополнения городского населения. Однако из-за пассивного поведения сельского населения Абхазии, а именно в репродуктивных возрастах ныне село не способно не только обеспечить город населением, но и восстановить собственное население. Определяющим фактором улучшения демографических процессов в селе Хуап должен стать рост количества брачных пар, который приведет к росту рождаемости.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1959. Гудаутский район. Сёла и преимущественные национальности <http://ethno-kavkaz.narod.ru/gudauta.html> (дата обращения: 26.06.2018).
2. Всесоюзная перепись населения 1989. Абхазская АССР на сайте <http://pop-stat.mashke.org/abkhazia-census.htm> (дата обращения: 09.06.2018).
3. Перепись населения Абхазии 2011. Гудаутский район. <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/gudauta11.html>. (дата обращения: 09.06.2018).
4. ПМ автора (далее ПМА) за 2016 год в селе Хуап Гудаутского района.
5. ПМА тетрадь 1 Гудаутский район, с. Хуап 1 август 2006 года.
6. ПМА тетрадь 1 Гудаутский район, с. Хуап 1 мая 2016 года.
7. В Республике Абхазия многодетной считается семья, имеющая трех и более детей и воспитывающих их до восемнадцатилетнего возраста. Постановление от 22 сентября 2006 г. № 228.
8. *Инал-ипа Ш.Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
9. *Бигуаа В.Л.* Абхазская традиционная семья и действительность. Сухум, 2010. С. 33–69.
10. *Россет Э.* Принципы и проблемы перспективной политики народонаселения // Демографическая политика. М., 1974. С. 62.
11. *Чуйко Л.В.* Браки и разводы. М., 1975. С. 60.
12. *Дубова Н.А.* Динамика численности в современной Абхазии / Этническая экология: народы и их культура / Под общ. ред. Н.А. Дубовой, Л.Т. Соловьевой. М., 2008. С. 27–57.

УДК 930.2:27-788:314"16/17"

М.С. Черкасова*

Сравнительные методы демографического изучения монастырей в XVII – начале XVIII века

В статье речь идёт о женских и мужских монастырях как объектах демографического изучения. Рассмотрен вопрос о численности монашества и светских слуг в них, привлекаются разнообразные источники – акты, писцовые и переписные книги, выдержки из расходных книг патриаршего казённого приказа. Особое внимание уделено сравнительно-историческому методу анализа источников разного времени.

Ключевые слова: монастыри, численность монашества, писцовые и переписные книги

M.S. Cherkasova

Comparative methods of demographic study monasteries in the 17th and early 18th century

In the article we are talking about male and female monasteries as objects of the demographic study. Consider the number of monks and secular servants they are a variety of sources-acts piscovye and census books, excerpts from the books of the patriarchal State unitary debit order. Particular attention is paid to the comparative historical analysis method with different time sources.

Key words: monasteries, the strength of monasticism, piscovye and census books

Численность монашества и светских групп обитателей монастырей в Московской Руси обычно устанавливается по вотчинным описям (описным, отписным, переписным книгам), в которых приводятся сведения о насельниках (собственно монахах) и разных категориях хозяйственных работников. Данные об этом можно также найти в государственных писцовых и переписных книгах, а ещё царских ружных грамотах на выплату денежного и хлебного жалованья ружным обителям на определенное количество старцев или стариц. Получаемые сведения двух родов: чаще всего это просто «цифра» старцев, реже – более подробный их именной список. Иногда можно сравнить показатели в источниках разного происхождения, например, актах и писцовых книгах. В указной царской грамоте 1624 г. говорилось о выдаче руги игуменье вологодского Успенского Горнего монастыря Маремьяне с 36-ю «сестрами» [1, с. 180–181. № 211]. Эта цифра подтверждается близкой по времени писцовой книгой 1627/28 г., упоминающей 20 келий и в них 36 стариц [2, с. 142]. Такое же их количество отмечено и в сметной книге Вологды 1652/53 г., фиксирующей денежную и хлебную ругу Горнему Успенскому монастырю. В мужском Ильинском монастыре Вологды писцовой книгой 1627/28 г. и сметной книгой 1652/53 г. указано 23 старца [3, л. 69; 4, с. 321–327].

Помимо цифровых данных, в источниках приводятся сведения о количестве жилых помещений – келий – в монастырях. Этот показатель зависел от строительных возможностей обителей, наличия у них необходимого пространства для возведения жилых помещений, динамики их насельников (роста или снижения). Это позволяет ориентировочно определить число проживающих в одной келье: в вологодских монастырях обычно

* Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; 160035, г. Вологда, ул. Ленина, 15.mscherkasova@mail.ru

по 2–3 чел., в устюжских – по 4–5 чел. [5, с. 231–232]. «Вместимость» келий могла зависеть от материала постройки – деревянные они или каменные. Обустройство келий в некоторых описях уточняется – «с сенями и засеньями», «с перерубом», «с дровениками», «кельи поземые». В Иннокентьево-Комельском монастыре описание 1621 г. отмечает четыре кельи, а опись 1701 г. – восемь келий при 15 чел. братии. В 1723 г. было девять келий, как и столовых приборов («ставцов 9»), а количество братии не указано [6, с. 58, 73, 97]. В описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1655/56 г. отмечено четыре каменных и 14 деревянных кельи (в том числе две больничных) при общем количестве 44 монаха, что даёт в среднем по 2,4 «чел.» на келью [7, л. 44]. В 1688 г. в Прилуках каменных келий было столько же, а число деревянных уменьшилось до семи, хотя братии стало 79 чел., значит, «людность» келий как жилых помещений в разное время могла варьироваться. В Спасо-Нуромском монастыре в описи 1678 г. отмечены четыре братские кельи при 8 чел. – здесь очевидно проживание в одной келье 2 чел. [8, с. 268]. В описи Лопотова Пельшемского монастыря 1645 г. поименно названо 19 старцев; в 1667 г. указано только 14 братских келий; в 1687 г. – 20 старцев, а в описи 1702 г. – 12 келий при общем числе 14 монахов [8, с. 236; 9, с. 48–49]. Фиксация келий в городских монастырях в переписной книге Вологды 1677/78 г. (в Горнем Успенском – 28, Духове – 11, Ильинском – 5) кажется нам чем-то «сродни» дворам, хотя монашество отнюдь не было облагаемой категорией населения и его численность не отмечена [10, с. 113, 128, 132]. В описях сямженского Спасо-Евфимьева монастыря 1550-х гг. и 1702 г. количество келий не указано, но сопоставление числа братии – 38 чел. в середине XVI в. и 19 чел. в начале XVIII в. – **показывает её уменьшение** [8, с. 247, 251]. Обращение к ранней сямженской переписи – 1550-х гг. – показывает такую постоянную черту в характере сведений, как разделение монахов на рядовую братию и больничных старцев, что требует суммирования этих показателей. В Корнильево-Комельском монастыре по писцовой книге 1627/28 г. было 30 братских келий, по описям 1657 и 1676 гг. – 2 игуменских, 2 келарских и 16 братских [11, с. 109, 166; 8, с. 331]. Численность самой братии в нём возросла от 54 старцев в 1657 г. до 61 старца в 1676 г. [11, с. 165].

В женском Спасо-Преображенском монастыре Великого Устюга в 1620-е гг. было 54 монахини и 12 келий, а спустя почти столетие, по ландратской переписи 1717 г. – 95 (включая больничных) и 20 келий. Населенность последних в нём была различна – от 10–12 до 2–3 чел. Обитательницами келий, помимо монахинь, были ещё 32 нищие вдовы, подворницы, складницы со своими детьми, с учетом которых общее число живущих в данном монастыре составляло 127 чел. ж. п. [12, с. 142–144]. Отдельного рассмотрения заслуживают приводимые в переписных начала 1700-х гг. ландратских 1715–1717 гг. книгах возрастные характеристики и данные о социальном происхождении, обычно отсутствующие в переписях XVII в.

Сопоставление близких по времени именных списков показывает стабильность состава иноков, длительность их пребывания в монастыре. Однако важно учитывать и возникающие на этом пути трудности. В списках монахов преобладают только имена, что осложняет идентификацию одних и тех же людей за разные хронологические отрезки, тогда как наличие фамилии при имени сделало бы подобные отождествления более уверенными и даже бесспорными. При сравнении описей Спасо-Прилуцкого монастыря 1684 г. (50 чел.) и 1688 г. (79 чел.) удалось уверенно установить только четыре совпадения – Илариона Лазарева, Илью Третниковского, Сергия Белоусова и Тихона Акишева [8, с. 92–93]. В Вологодском архиерейском доме с 1680-х гг. велись «записные монашеские книги», в которых фиксировались новопостриженные и пришлые из иных обителей монахи. Им выдавались «постригальные памяти», а настоятели должны были ежегодно предоставлять владычным слугам скаски о численности иноков в своих обителях. Этот вид учетной документации ещё мало разработан в нашем источниковедении и не привлекал внимание историко-демографов.

Сопоставление разновременных источников позволяет и по женскому монашеству проследить тенденцию к более широкому употреблению фамилий как маркеров личностного начала в духовных корпорациях. Такое сравнение нами проведено для упомянутого выше Горнего Успенского монастыря. Впервые именной состав его сестер (числом 27) был перечислен в майской 1613 г. челобитной, адресованной архиеп. Сильвестру на возобновление монастыря после польско-литовского разорения в сентябре 1612 г. [13, с. 54]. Когда в 1660-е гг. отливался колокол для монастыря, была составлена роспись денежных пожертвований на него от монахинь. Указание фамилий при именах свидетельствует о том, что в обители постригались горожанки из разных сословий – посадского (Сорокины, Чадовы), служилого (Чихачёвы, Барандины) [13, с. 12]. В монастырях Дионисьево-Глушицкой духовной корпорации (их было два – Покровский и Иоанно-Предтеченский Сосновецкий) в описях 1683 и 1702 гг. фамилии у старцев последовательно отсутствуют, тогда как группа слуг и служебников отмечена с ними. В 1702 г. в Покровской обители было девять келий и 23 старца; в Сосновецкой – шесть келий и столько же старцев [8, с. 208; 14, с. 153–157, 163].

Поступательный демографический рост монашества происходил в наиболее значительных духовных корпорациях России. В описи крупнейшего на севере Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. суммарно указано 186 чел. братии, а в описи 1668 г. был приведён её внушительный именной список – 224 чел. [15, с. 297–298, 301–304]. В крупнейшем в России Троице-Сергиевом монастыре в 1595 г. зафиксировано 195

монахов (в духовной грамоте соборного старца Варсонофия Якимова, предназначавшим каждому по 1 руб.), а в дальнейшем мы располагаем уже их именными списками: в описи 1641 г. – 244 чел., в 1701 г. – 427 чел., в ландратской книге 1715 г. – 482 чел. [16, с. 111, 117, 131]. Наш опыт систематизации имен троицкого монашества выявил следующую динамику его насельников: в XIV в. – 22 чел., XV в. – 203 чел., XVI в. – 507, XVII в. – 816 чел. Это не учётная цифра на определённый год данного столетия, а общее число установленных для него монахов обители в целом [17, с. 31–34].

В переписной книге Вологодской епархии конца XVII в. **указана численность монашества малых и средних женских и мужских монастырей Белозерского уезда:** Горицкий Воскресенский – 72 сестры, Ферапонтов – 50 чел., Усть-Шехонский монастырь – 25 чел., Кирилло-Новоезерский – 25 чел., Никитский на Шексне – 8 чел., Николо-Курьюжский – 2 чел., Успенская Воронина пустынь – 10 чел., Зосимина Ворбозомская – 9, Спасо-Вожеозерский монастырь – 7 чел., Пятницкая пустынь в Чарондской округе – 5 чел., Николо-Старая пустынь на усть-Ножемы – 4 чел. Как видим, разброс показателей численности по названным обителям был весьма велик – от 70 до 4 чел. [18, с. 115–140].

Расширение и обновление источниковой базы для демографического изучения монастырей возможно за счёт не только архивных, но и давно уже опубликованных источников. В 1904 г. была издана монография Н. Писарева о домашнем быте русских патриархов [18]. Книга имела обширное Приложение, в котором приводились выдержки из расходных книг казенного патриаршего приказа, фиксирующие траты патриархов на раздачу милостыни духовенству и монашеству различных монастырей во время их посещения, а также по пути следования к ним и от них обратно в Москву. Эти выдержки, отражавшие маршруты передвижения патриархов, названы «дневниками дальних походов», и их можно считать нетрадиционными источниками для получения демографических показателей [19, с. 122–164].

Так, в 1620 г. патриарх Филарет в звенигородском Савво-Строжевском монастыре раздал 12 старцам по две гривны каждому. В том же году в Пафнутьево-Боровском монастыре во время трапезы Филарет раздал «поручно» по две гривны 37 старцам, по 10 алт. четверем больничным старцам, по 2 алт. 3 ден. пяти подьякам за праздничное славословие Пафнутию Боровскому. В ту же поездку Филарет посетил девичий Рождественский монастырь в самом Боровске, где 12 стариц получили 12 алт.

В феврале 1636 г. в Савво-Строжевском монастыре от патриарха Иоасафа милостыню по 5 алт. получили 15 старцев. Сведения о дальнейших патриарших визитах в Звенигород показывают изменение численности Савво-Строжевского монастыря: в 1654 г. – 73 чел. рядовой братии, а в 1656 г. – 106 чел. рядовой и 26 чел. больничной братии; в 1683 г. – 40 чел. рядовой и 50 чел. больничной братии. Но только к рядовым и больничным монахам не сводилась вся численность насельников Савво-Строжевского монастыря. Для полноты демографических показателей необходимо учитывать ещё и «малые группы» его священно- и церковнослужителей и должностных лиц: 11 священников, 11 дьяконов, четырех головщиков, 21 крылошанин, двух конархистов, пять пономарей и просвирников, девять больших служебников, одного синодичного старца. Еще более возрастёт общая численность, если учесть также получавших милостыню архимандрита, келаря, бывшего келаря, наместника и больничного строителя. Получается всего 159 чел., пребывавших на момент патриаршего визита в Савво-Строжевском монастыре в 1683 г. [19, с. 152]. По сравнению с данными 1620-х гг. многократный численный рост монашества в данной обители при всех его колебаниях очевиден.

Можно сравнить численность монашества в знаменитом Ново-Иерусалимском монастыре, основанном патриархом Никоном. Во время его приезда туда в 1658 г. рядовой братии было 31 чел., а в 1682/83 г. – 32 служебных больших старцев, 32 рядовых и 11 больничных (всего 75 чел.). С учётом широкомасштабного строительства понятно проживание в Ново-Иерусалимском монастыре в 1658 г., помимо монахов, ещё 60 профессиональных каменщиков и 27 плотников. Некоторые из них были набраны из патриарших сел и деревень Подмоскovie. Каждому была дана патриаршая милостыня [19, с. 135]. Её получали и представители других социальных групп, например, тюремные сидельцы при монастырях. В тюрьме крупного села Клементьева под Троице-Сергиевым монастырём в 1656 г. было 18 заключенных, что объясняется функционированием здесь «губы» – судебнo-уголовного округа [19, с. 131].

Непременной группой лиц, всегда получавших милостыню, были нищие, жившие при монастырях и сельских церквях. В расположенном под Троице-Сергиевым монастырём с. Клементьева в двух богадельнях в 1657 г. находилось на содержании 54 чел. [19, с. 133]. Среди них были тяжелобольные – «леженки в избушках», тогда как в более благоприятном положении были ходячие. В расходных книгах патриарших казначеев было отмечено, что в приезд патриарха Адриана в июле 1692 г. в Троицу на освящение новопостроенной Сергиевской трапезной церкви ходячим и лежащим нищим было суммарно дано 26 алт. 4 ден. Среди мизерабельных слоёв населения выделялись дети. В окрестностях Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря патриарх Никон в 1657 г. ходил по деревням, где раздал милостыни 23 «малым ребятам и девкам-сироткам» [19, с. 134].

Таким образом, сравнительное изучение демографических данных о монастырях и монашестве возможно как между однородными по виду источниками (описями самих монастырей), так и между источниками разного происхождения (вотчинного, государственного, архиерейского).

Источники и литература

1. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 180–181. № 211.
2. Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.
3. РГАДА. Ф.137 (Городовые боярские книги). Кн. Вологда 2.
4. *Черкасова М.С.* Монашество в Московской Руси: демографические аспекты // Церковь. Богословие. История. Материалы VI Всеросс. научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2018.
5. Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994.
6. *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // ВЦИ. 2009. № 1–2 (13–14).
7. ГАВО. Ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь). Оп. 1. Кн. 47.
8. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011.
9. *Шамина И.Н.* Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII в. // ВЦИ. 2011. № 3–4 (13–14).
10. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. М., 2008. Т. 1.
11. Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994.
12. Переписные книги Великого Устюга начала XVIII в. Исследование и тексты. Вологда, 2015.
13. Вологодские епархиальные ведомости. 1872. Часть неофиц. Прибавления к № 2.
14. *Башинин Н.В.* Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3–4 (31–32).
15. *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.
16. *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. (Вклады, вкладчики, состав монашеской братии). Сергиев Посад, 2009. С. 111, 117, 131.
17. *Черкасова М.С.* Троицкое монашество XIV–XVII вв.: численность, социальная структура, организация // Междунаро. конф. «Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России». Сергиев Посад, 1998. С. 31–34.
18. *Васильев Ю.С.* Две переписные («записные») книги: а) монастырей и пустыней; б) церквей и причта Белозерского уезда и Чарондской округи // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2007.
19. *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложение (репринт – М., 1991).

*И.И. Лейман**

**Военно-статистическое обозрение Российской империи
как источник изучения состояния путей сообщения и торговли
на Европейском Севере России в середине XIX века****

В статье дается общее описание истории создания Военно-статистического обозрения Российской империи, его назначения, структуры; называются некоторые его составители. На примере материалов Военно-статистического обозрения Российской Империи демонстрируются возможности изучения состояния торговли и путей сообщения на Европейском Севере России в середине XIX в.

Ключевые слова: торговля, пути сообщения, ярмарки, Европейский Север России

I.I. Leyman

**Military statistical survey of the Russian Empire
as a source of study of the state of the roads of communication and trade
in the European North of Russia in the middle of the 19th century**

The article gives a general description of the history of the creation of the Military Statistical Review of the Russian Empire, its designation, structure; some of its compilers are called. Using the example of the materials of the Military Statistical Review of the Russian Empire, the possibilities of studying the state of trade and communications in the European North of Russia in the middle of the 19th century are demonstrated.

Key words: trade, ways of communication, fairs, European North of Russia

Военно-статистическое обозрение Российской Империи представляет большой интерес для изучения различных сторон российской действительности середины XIX в., в том числе состояния путей сообщения и торговли. Практически все семнадцать томов обозрения в полнотекстовом варианте представлены в бесплатном доступе в различных электронных библиотечных системах и доступны широкому кругу исследователей [1; 2; 3].

Составлением Военно-статистического обозрения Российской Империи занимался Генеральный Штаб в связи с потребностью «в современных, систематически собранных и изложенных, статистических сведениях о губерниях и областях Российской Империи», важных «в кругу своих занятий и в особенности при размещении и передвижении войск» [4, с. 1]. Согласно Высочайшему указу правительствующего Сената «Об учреждении Военного министерства» 29 марта 1836 г., на Генеральный Штаб, помимо прочих обязанностей, возлагались задачи по «собранию подробных сведений о местных удобствах разных частей государства, для квартирования различного рода войск, и содержание таковых сведений в том порядке, чтобы оные могли во всяком случае служить с удобностию для составления дислокаций» [5, с. 250]. В том же 1836 г. императором Николаем Павловичем «высочайше повелено было: Генеральному Штабу составлять и через каждые три года проверять и исправлять Военно-статистические обозрения губерний и областей Российской Империи, для употребления собственно Военного Министерства, главных военных управлений и Генерального Штаба» [4, с. 1].

В течение семнадцати лет, с 1837 по 1854 г., штаб- и обер-офицерами Генерального штаба были составлены, затем при Департаменте Генерального штаба литографированы и напечатаны три издания военно-статистических обозрений губерний и областей империи (часть материалов, касающиеся Кавказских и Сибирских областей и губерний были оставлены в виде рукописей). Печатные издания предназначались ис-

* **Лейман Ирина Игоревна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; заведующий кафедрой Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН».

ключительно для нужд Военного министерства, главных военных управлений и Генерального штаба; широкой общественности тексты были не доступны [4, с. 2]. Каждые три года Военно-статистические обозрения должны были проверяться, исправляться и дополняться, однако эти планы не были приведены в исполнение по причине Крымской войны 1853–1856 гг. и последовавших передвижений войск. В мае 1857 г. был издан приказ военного министра, согласно которому офицерам Генерального Штаба, состоящим при войсках и штабах, необходимо было приступить к составлению Статистических описаний губерний и областей Российской Империи для нового, четвертого их издания при Департаменте Генерального Штаба. Однако лишь одна книга – пятая часть шестнадцатого тома «Кутаисское генерал-губернаторство» – в итоге была издана в 1858 г. [4].

Таким образом, Военно-статистическое обозрение Российской империи издавалось с 1848 по 1858 г. типографией Департамента Генерального Штаба в Санкт-Петербурге; всего вышло в свет семнадцать томов. К изданию планировалось всего восемнадцать томов, однако последний так и не был напечатан. Восемнадцатый том должен был быть посвящен Восточной Сибири. Также не были изданы вторая, третья и четвертая части шестнадцатого тома (Тифлисская губерния, Шемахинская губерния, Дербентская губерния) и четвертая часть семнадцатого тома (Семипалатинская область) [4, с. 2, 6].

1 октября 1848 г. военный министр генерал-адъютант князь А.И. Чернышев утвердил программу для составления Военно-статистических обозрений губерний и областей Империи. Обозрение включало два основных раздела: «Сведения общие» и «Сведения специальные». Первый раздел – «Сведения общие» – включал пять пронумерованных подразделов («Общий взгляд на губернию в военно-статистическом отношении», «Местность», «Жители», «Промышленность», «Образованность») и один без указания номера «Описание городов и замечательных мест в губернии». Раздел «Сведения специальные» состоял из трех подразделов: «По предметам Департамента Генерального Штаба», «По провиантскому департаменту», «По комиссариатскому департаменту» [4, с. 1; 6].

Подразделы, в свою очередь, делились на пункты, однако названия пунктов и их количество в разных томах отличались. Так, в Военно-статистическом обозрении Архангельской губернии подраздел «Общий взгляд на губернию в военно-статистическом отношении» включал два пункта: «Географическое положение» и «Значение губернии в военном отношении» [7, с. 1]. В Военно-статистическом обозрении Вологодский губернии аналогичный подраздел носит название «Общий взгляд на Вологодскую губернию» и на пункты не разделяется [8, с. 1]. Структурные различия различных томов и частей Военно-статистического обозрения Российской империи незначительны и касаются деталей, обусловленных, вероятнее всего, как объективным фактором (спецификой описываемой территории), так и субъективным (личностью составлявшего обозрения офицера).

Для составления изданных семидесяти частей семнадцати томов Военно-статистического обозрения Российской Империи, согласно выходным данным изданий, было привлечено пятьдесят девять офицеров Генерального Штаба. Большинство офицеров отвечали за составление какой-либо одной части того или иного тома обозрения, однако были и такие офицеры, которые работали над несколькими частями. К примеру, полковник Генерального штаба барон Егор Егорович Любекер занимался составлением всех восьми частей тома «Великое Княжество Финляндия», изданного в 1850–1851 гг. [9].

Капитан Пётр Карлович Услар – военный инженер, этнограф, лингвист, один из крупнейших кавказоведов XIX в. – занимался составлением Военно-статистического обозрения сначала в Тверской губернии, затем в Вологодской и, наконец, в Эриванской; за этот период выслужился от штабс-капитана до капитана [8; 10; 11]. В Тверской и Вологодской губерниях П.К. Услар работал с 1845 по 1849 г., затем участвовал в Венгерском походе 1849 г., а в 1850 г. был командирован на Кавказ для военно-статистического описания Эриванской губернии [12].

Капитан Аполлон Эрнестович Циммерман сразу после окончания академического курса в 1848 г. был причислен к генеральному штабу и отправился в Архангельскую и Олонецкую губернии для составления военно-статистического обозрения и маршрутной карты. Во время командировки он имел возможность близко познакомиться с севером России, и «нет уголка от Колы до Соловецкого монастыря, где бы он не побывал» [13, с. 133–138]. Результаты работы А.Э. Циммермана на севере были изданы в 1853 г.: это первая и вторая части второго тома («Северо-Восточные губернии») Военно-статистического обозрения Российской империи [7; 14].

Военно-статистическое обозрение Российской Империи дает интересный материал для изучения состояния торговли и путей сообщения в середине XIX в., в том числе и на Европейском Севере России (части первая и вторая второго тома) [7; 8]. Сведения о состоянии путей сообщения в Вологодской губернии в третьей части второго тома обозрения представлены в подразделе втором «Местность» – пункты «Сухопутные сообщения» и «Водяные пути сообщения» [8, с. 185–236]. Материалы о путях сообщения в Архангельской губернии представлены также в подразделе втором «Местность», пункт «Пути сообщения» [7, с. 78–132].

В обозрении Вологодской губернии описание сухопутного сообщения начинается с «Общего взгляда на дороги Вологодской губернии», в котором описывается общая потребность губернии в дорогах, расположение дорог в соответствии с размещением «массы народонаселения», дается общая характеристика состояния дорог и плотность дорожной сети по разным уездам губернии [8, с. 185–188]. Далее характеризуются почтовые дороги: маршрут, протяженность, состояние грунта, наличие мостов и переправ, возможность использования в течение года, названия почтовых станций с указанием расстояния между ними и количества лошадей на них [8, с. 188–201]. Затем следует описание торговых и проселочных дорог; сделано оно по той же схеме, что и почтовых дорог с одним дополнением: по некоторым дорогам указывается их назначение.

Отдельно описаны пути, ведущие в долины Пинеги, Вашки, Мезени и Печоры. Дается характеристика сложностей, связанных с перемещением по данной территории в разное время года. Затем следует характеристика зимних путей Вологодской губернии, которым придается «весьма большая важность», так как благодаря им «все разстояния значительно сокращаются» и «притомъ проходя волоками, разстилающимися по совершенно ровной местности представляют все удобства къ скорой езде». Указывается общий маршрут того или иного пути и его расстояние [8, с. 217–220]. Завершает обзор сухопутного сообщения описание этапных дорог. Сделано оно в форме таблицы, в которой указаны расстояние дорог и места для ночлегов этапных команд [8, с. 220–223].

Характеристика водных путей сообщения включает перечисление основных направлений судоходства, особенностей движения по ним, описание пристаней и судов, сведения о денежных суммах, которые составляют перевозимые грузы [8, с. 223–236].

Пункт «Пути сообщения» обозрения Архангельской губернии начинается с описания их общего состояния, значения и направлений [7, с. 78]. Затем идет характеристика почтовых дорог, выполненная примерно по той же схеме, что аналогичная в обозрении Вологодской губернии [7, с. 79–118]. После описываются малые дороги: маршрут, протяженность, состояние грунта [7, с. 118–122]. Завершает пункт «Пути сообщения» очень краткий обзор этапных дорог: только с указанием их маршрута [7, с. 122–123].

В целом, в обозначенном пункте подраздела «Местность» обозрения Архангельской губернии пути сообщения описаны гораздо менее подробно, чем в пунктах «Сухопутные сообщения» и «Водяные пути сообщения» подраздела «Местность» обозрения Вологодской губернии.

Важно отметить, что сведения по состоянию путей сообщения в губернии можно обнаружить и в других подразделах и пунктах данных обозрений. По Вологодской губернии материалы о путях сообщения представлены в следующих подразделах обозрения: «Местность» (пункты «Границы», «Поверхность и почва», «Гидрографический обзор губернии», «Климат»), «Жители» (пункт «Племена, нравы и очерки быта»), «Промышленность» (пункт «Сельское хозяйство, промыслы и ремесла») [8]. В обозрении Архангельской губернии информацию о местных путях сообщения находим в подразделе «Местность» (пункты «Взгляд на поверхность губернии и на почву ея», «Гидрографический обзор губернии», «Климат») [7]. Таким образом, в разных пунктах обозрений Архангельской и Вологодской губерний мы можем найти информацию, дополняющую сведения о различных по характеру путях сообщения на этих территориях и в совокупности получить довольно полную картину их перечня, состояния, значения.

В тексте обозрения есть интересный материал о развитии торговли на той или иной территории. Сведения о торговле в Вологодской губернии в третьей части второго тома обозрения представлены в подразделе четвертом «Промышленность» – пункты «Торговля» и «Транзитная торговля» [8, с. 336–354]. О торговле в Архангельской губернии материалы второй части второго тома обозрения представлены также в подразделе четвертом «Промышленность», пункт «Торговля» [7, с. 231–246].

В обозрении Вологодской губернии указано, что объем товарооборота на данной территории оценить сложно, так как в распоряжении составителя была информация только о ценности товаров. Основными торговыми пунктами края названы Вологда, Великий Устюг и Верховажский Посад. Довольно подробно характеризуется торговля в Вологде: количество торговых дней, количество купцов первой, второй и третьей гильдии, объем товарооборота, ассортимент основных товаров на ярмарках и торжках [8, с. 336]. Перечислены ярмарки городов Вологодского уезда (девять) с указанием места и времени проведения, объема товарооборота, основных товаров. По аналогичной схеме далее дается информация по всем уездам Вологодской губернии [8, с. 336–351]. Указано, что в Сольвычегодске проводятся Алексеевская и Введенская ярмарки. Однако, согласно архивным материалам, в городе 1837 г. проводились Введенская и Покровская ярмарки, а «хотя в городе Сольвычегодске положена еще Алексеевская ярмарка (7–14 марта), но оной не существует по причине бывающей в то же время в заштатном городе Красноборске» [15, л. 20–22]. В архивных материалах 1841 г. по Сольвычегодску называются только Введенская и Покровская ярмарки [16, л. 128–129]. В пункте «Транзитная торговля» указано, что таковой в Вологодской губернии в большом объеме не ведется [8, с. 351]. Описаны основные направления транзитной торговли, осуществляемой «сухим путем», перечислены товары,

провозимые через губернию подобным образом [8, с. 351–352]. Также дана характеристика транзитной торговли по судоходным путям, с указанием направлений перевозки и их общего значения. Кроме того, в данном разделе есть сведения о количестве лавок в уездных городах и других населенных пунктах губернии.

В обозрении Архангельской губернии внутренняя торговля представлена в виде таблиц, отражающих в целом объем товарооборота на той или иной ярмарке за пять лет, с 1844 по 1848 г., перечень товаров и их стоимость в 1848 г., число участников ярмарки, общий доход от ярмарки (наем лавок, весов) [7, с. 232–242]. Всего описано таким образом шесть ярмарок губернии (при этом не указаны три ярмарки, проходившие в Кемском и Кольском уездах) [17, л. 694–695]. Далее дается описание внешней торговли губернии, начинается которое с исторического очерка об истории развитии внешней торговли в Архангельске и Холмогорах в XVI–XVIII вв. Приводится информация по доходам от таможенных постов Архангельской губернии в 1847 г. [7, с. 245].

Таким образом, в целом по разделам «Торговля» обозрений Архангельской и Вологодской губерний можно отметить, что содержащиеся в них сведения преимущественно носят статистический характер и не в полной мере отражают реальное состояние торговли в губерниях, в частности, по количеству проводившихся здесь ярмарок. Важно отметить, что информацию по развитию торговли в Архангельской и Вологодской губерниях можно найти и в других разделах и подразделах обозрений.

Сведения о состоянии торговли в Вологодской губернии есть в следующих подразделах обозрения: «Местность» (пункты «Границы», «Поверхность и почва», «Гидрографический обзор губернии», «Сухопутные сообщения», «Водяные пути сообщения»), «Жители» (пункт «Племена, нравы и очерки быта»), «Промышленность» (пункт «Сельское хозяйство, промыслы и ремесла»), «Описание городов и замечательных мест в губернии» [8]. В обозрении Архангельской губернии материалы о торговле содержатся в подразделах «Местность» (пункты «Взгляд на поверхность губернии и на почву ея», «Пути сообщения»), «Промышленность» (пункты «Рыбная ловля», «Скотоводство», «Птицеводство») и «Описание городов и замечательных мест в губернии» [7].

Интерес вызывают сведения о торговых дорогах Вологодской губернии. Например, в пункте «Поверхность и почва» подраздела «Местность» обозрения Вологодской губернии указано, что «черта раздела водь Волжских и Северо-Двинских... представляется ... виде довольно высоких, но имеющих весьма отлогия покатоги холмов, сплошь покрытых лесом». Чрезь эту цепь проходить торговые дороги из г. Устюга в Котельнич и Орлов (Вятской губернии) затруднительны для проезда, даже в летнее время, по причине болотистой местности, а не по крутости спусков и подъемов» [8, с. 20]. Следует отметить, что важные торговые дороги содержались здесь в хорошем состоянии.

Есть материалы о ярмарках. Например, в пункте «Гидрографический обзор губернии» подраздела «Местность» обозрения Вологодской губернии при описании притока р. Кубины Вотча отмечено, что «по ней весною сплавляются лес и деготь на Никольскую ярмарку; 4 мельницы затрудняют сплав» [8, с. 107–108]. Также присутствуют сведения по представленным в губерниях статьям торгового дела. Так, в пункте «Взгляд на поверхность губернии и на почву ея» подраздела «Местность» обозрения Архангельской губернии при описании Белого моря отмечено, что «привозные товары получают из Англии, Франции, Швеции и России: соль большею частью из Англии и Испании. Вывозные товары сбываются в Англию, Францию, Швецию и Россию; планоковые доски, балки, брусья и бревна вывозятся, большею частью, в Испанию и Алжирию» [7, с. 42]. В разных пунктах обозрения можно встретить информацию о купцах и торговцах; особенно интересное и подробное описание, связанное с повседневной жизнью купечества, встречается в пункте «Племена, нравы и очерки быта» подраздела «Жители» обозрения Вологодской губернии [8, с. 256].

В целом, сведения из разных подразделов и пунктов обозрений Архангельской и Вологодской губерний дают широкий пласт информации по состоянию торговли и путей сообщения на данных территориях и в совокупности с другими источниками данного периода позволяют воссоздать общую картину.

Источники и литература

1. Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://www.shpl.ru/> (дата обращения: 15.06.2018).
2. Национальная электронная библиотека: НЭБ URL: [нэб.рф/](http://nab.ru/) (дата обращения: 15.06.2018).
3. Российская государственная библиотека. URL: <https://www.rsl.ru/> (дата обращения: 15.06.2018).
4. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство. СПб., 1858.
5. Высочайше утвержденное Учреждение военного Министерства. №9038. 29 марта 1836 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XI. Отделение 1. 1836 г. СПб., 1837.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.9: Западные губернии. Ч.2: Виленская губерния. СПб., 1848.
7. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния. СПб., 1853.

8. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 2: Северо-Восточные губернии. Ч. 3: Вологодская губерния. СПб., 1850.
9. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 1: Великое Княжество Финляндия. Ч. 1–8. СПб., 1850–1851.
10. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 4: Верховые Приволжские губернии. Ч. 1 : Тверская губерния. СПб., 1848.
11. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 16: Кавказский край. Ч. 6: Эриванская губерния. СПб., 1853.
12. Услар Петр Карлович // Электронная энциклопедия «Имена Кавказа». URL: http://imenakavkaza.ru/biographii/uslar_petr_karlovich/?sphrase_id=442999 (дата обращения: 21.06.2018).
13. Герои и деятели Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.: двадцать художественно-исполненных портретов с подробными биографиями и описанием выдающихся событий войны. СПб., 1878. [Электронный документ] // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/406259> (дата обращения: 22.06.2018).
14. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 2: Северо-Восточные губернии. Ч. 2: Олонецкая губерния. СПб., 1853.
15. ГАВО. Ф.18. Оп. 1. Д.784.
16. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 960.
17. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406.

Г.Н. Плотникова, С.Н. Плотников*

Источники по этнодемографической истории крестьянского населения Пермской губернии второй половины XIX века

В статье речь идет о статистических и картографических источниках по этнодемографической истории крестьянского населения Пермской губернии второй половины XIX в. Авторы считают, что изучение этнодемографических процессов, происходивших в Пермской губернии пореформенного периода, невозможно представить без исследования статистических и картографических материалов, относящихся к данной эпохе. Картографические материалы являются наименее изученными и высокоинформативными визуальными источниками, которые помогают выявить закономерности и особенности размещения крестьянского населения по этническому признаку, определить основные ареалы расселения представителей различных национальностей.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, статистические и картографические источники, крестьянское население, закономерности и особенности размещения, Пермская губерния второй половины XIX века

G.N. Plotnikova, S.N. Plotnikov

Sources on the ethnodemographic history of the peasant population Perm province of the second half of the XIX century

The article deals with statistical and cartographic sources on the ethnodemographic history of the peasant population of the Perm province in the second half of the 19th century. The authors believe that the study of ethno-demographic processes taking place in the Perm province of the post-reform period can not be imagined without the study of statistical and cartographic materials relating to this era. Cartographic materials are the least studied and highly informative visual sources that help to reveal the patterns and features of the distribution of peasant population on ethnic grounds, to determine the main distribution areas for representatives of different nationalities.

Key words: ethnodemographic processes, statistical and cartographic sources, peasant population, regularities and features of location, Perm province of the second half of the XIX century

Как известно, Российское государство с самого начала своего существования формировалось как многонациональное. Во второй половине XIX в. на территории Российской империи проживало около 200 нерусских народов, составлявших более половины населения страны. Вплоть до революции 1917 г. основными критериями национальности в сознании русского народа являлись принадлежность к православию и подчиненность православному русскому царю. Расположенная в Европе и Азии Пермская губерния являлась полиэтнической, поликонфессиональной и напоминала Россию в миниатюре. В ней проживало около десяти наций и народностей.

Всестороннее представление об этнодемографических процессах исследуемого периода, происходивших в стране в целом и в Пермской губернии в частности, невозможно составить без рассмотрения статистических и картографических источников.

Статистические материалы являются наиболее обширной и важной группой источников. К ним относятся материалы, собранные в ходе статистического изучения крестьянского населения. Их исследование позволяет выявить закономерности, а также особенности и в этнодемографических процессах, протекавших в крестьянском населении России в целом и в отдельных ее регионах.

* Плотникова Галина Николаевна (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgr80@yandex.ru; Плотников Сергей Николаевич (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgr80@yandex.ru.

Значительное количество статистических обследований в Российской империи было проведено именно во второй половине XIX в. Это объясняется тем, что централизованная и местная системы статистического учета в стране формировались как раз в данную историческую эпоху. Отличительной чертой статистического учета этого времени являлась его рассредоточенность по различным организационным структурам и отсутствие единой системы сбора и обработки статистических сведений. Кроме Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД и подчиненных ему губернских статистических комитетов функционировали и особые статистические отделения при других министерствах и ведомствах, проводившие независимый статистический учет. К статистическим материалам, опубликованным центральными изданиями, относятся: «Списки населенных мест Пермской губернии» [1], «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» под руководством Х. Мозеля [2], материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года [3] и т.д. Данные материалы представляют огромный исследовательский интерес, так как содержат разнообразные сведения о народонаселении, в том числе распределении его по этническому признаку. В «Списках населенных мест Пермской губернии» содержатся подробные поуездные сведения о расселении различных категорий крестьян и различных народностей по полу, возрасту и этническому составу. Х. Мозель – человек всесторонне образованный и подготовленный для сбора и обработки статистического материала. Вместе с другими офицерами генерального штаба он проанализировал значительное количество разрозненных статистических источников, в том числе результаты IX и X ревизий, журналы МВД, МГИ, отчеты губернаторов, периодические издания и др. Характеристики, данные офицерами представителям разных национальностей, проживающих на территории Пермской губернии в изучаемый период, актуальны для исследователей и сегодня.

Наличное население России впервые было учтено одновременно и по единой программе в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. При этом была не только установлена его общая численность по стране, губерниям, уездам, но и было проведено более точное разделение по полу, возрасту, на городских и сельских жителей, по роду занятий, уровню грамотности, родному языку и пр. Однако перепись отнюдь не была лишена погрешностей. Одним из ее недостатков является то, что разработчики учли только признак родного языка, совершенно проигнорировав показатель национального самосознания и происхождения учитываемого населения. В итоге, как признает ряд исследователей, могла быть завышена численность русских и занижена численность других народностей, представители которых, утратив свой родной язык, далеко еще не утратили чувство своего национального самосознания. Тем не менее, по мнению В.М. Кабузана, в дореволюционной России «родной язык» относительно точно отражал национальную принадлежность большинства проживающих в ней народностей. Удельный вес лиц, говорящих не на родном языке, был невелик, и то главным образом среди привилегированных слоев населения [4]. Для крестьян, составлявших во второй половине XIX в. подавляющее большинство жителей Пермской губернии, родной язык был наиболее точным показателем этнической принадлежности.

В ходе проведения земской реформы сформировалась и земская статистика, данные которой охватывали и этнодемографические процессы, протекавшие в соответствующих губерниях и уездах. Материалы земской статистики содержат обширные и достоверные данные, в том числе и по демографической характеристике Пермской губернии [5]. По мнению специалистов, земская статистика являлась для своего времени самой прогрессивной системой учета. В земских изданиях содержатся интересные материалы не только о составе населения, распределении крестьян по категориям, но и по этническому признаку. Примечательно, что большинство земских статистических материалов содержит данные не только по уездам, но и по отдельным волостям.

Специфические особенности имел и статистический учет, проводимый разного рода добровольными научными обществами (РГО, УОЛЕ и др.). В архиве Русского географического общества (РГО) Д.К. Зелениным собрано свыше восьмидесяти ответов на анкету, в которых представлена характеристика, в том числе и этнодемографических процессов, характерных для крестьянства Пермской губернии XIX в. Эти ответы представили учителя и священники, проживавшие в различных уездах губернии. В них содержатся сведения о внешнем виде, занятиях, нравах и обычаях народов Пермской губернии [6].

Другой важнейшей группой источников по этнодемографической истории являются карты, планы, картограммы и приложения к ним, хранящиеся в картографических отделах центральных библиотек, фондах архивов. К ним относятся: «Этнографическо-географическая карта Северного Урала» А. Регули, хранящаяся в библиотеке РАН [7], «Этнографическая карта Европейской России» П.И. Кеппена [8], «Этнографическая карта Европейской России» А.Ф. Риттиха [9], «Этнографическая карта Пермской губернии» И.Г. Остроумова [10], «Карта Соликамского уезда Пермской губернии» И.Я. Кривошекова [11].

Этнический состав народов Северного Урала одним из первых отразил на карте венгерский этнограф и лингвист А. Регули (1819 – 1858). В 1843–1846 гг. он совершил экспедицию от Перми до морей Северного

Ледовитого океана и обратно. Итогом этой экспедиции стала «Этнографическо-географическая карта Северного Урала» [7], на которой отмечены ареалы проживания в северо-западной части Пермской губернии (от Соликамска до Чердыни) вогулов (манси), коми-зырян, остяков (хантов) и др.

Академик Санкт-Петербургской академии наук, один из учредителей РГО П.И. Кеппен (1793–1864) и российский военный деятель, этнограф А.Ф. Риттих (1831–1914), занимавшиеся изучением этнического состава населения России, составили этнографические карты [8, 9] и описания к ним [12, 13]. На карте П.И. Кеппена, удостоенной премии им. Жуковского и Константиновской медали, поуездно отражено размещение различных народов Пермской губернии во второй половине XIX в. Согласно карте, башкиры проживали в южной части Пермской губернии (в Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах). Татары отмечены на юге губернии, черемисы (марийцы) – в Красноуфимском и Кунгурском уездах, пермяки – в северо-западных Чердынском и Соликамском уездах, вогулы (манси) – в Верхотурском уезде. При этом на данной карте отдельно не выделены русские и удмурты (вотяки), проживавшие в Пермской губернии. «Этнографическая карта Европейской России» А.Ф. Риттиха [9], составленная в 1874 г. по поручению Русского географического общества под наблюдением специальной комиссии во главе с П.П. Семеновым отличалась от карты П. Кеппена большей подробностью, точностью и полнотой. Источниками для нее послужили материалы X ревизии 1858 г., списки населенных мест 1860-х гг. и др. На карте было нанесено сорок шесть народов Европейской России и отмечено русское население. Помимо этого, на карте показано процентное соотношение различных народностей по губерниям и отмечены незаселенные пространства. На международном географическом конгрессе во Франции карта Риттиха была удостоена высшей награды. Карты П.И. Кеппена и А.Ф. Риттиха отражают этнический состав населения всей европейской части России и поэтому применительно к регионам, в частности к Пермской губернии, являются достаточно схематичными.

В изучаемый период этнографические карты отдельных губерний составлялись и местными картографами и краеведами. По заданию Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) членом этого общества И.Г. Остроумовым (1861–1939) в 1891 г. была составлена «Этнографическая карта Пермской губернии» [10] и опубликована объяснительная записка к ней [14]. Карта составлена на основе ответов волостных правлений на специально разосланные автором вопросные листы. На данной карте народности, проживавшие в Пермской губернии в исследуемый период, выделены цветными кружками. Русское население на карте не представлено. Согласно карте, башкиры проживали в Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах. В незначительном количестве они отмечены в Пермском и Ирбитском уездах. Вогулы (манси) размещались главным образом в Верхотурском и в виде отдельных поселений в Красноуфимском, Кунгурском, Чердынском и Ирбитском уездах. Отдельно выделены на карте обрусевшие вогулы (слабый тон), обрусевшие наполовину (более сильный тон) и необрусевшие (в бассейне р. Лозьвы). В южной части Осинского уезда отмечены автором лишь удмурты (вотяки). На карте И.Г. Остроумова коми-зыряне выделены в северо-западном углу Чердынского уезда, татары – в Осинском, Красноуфимском, Кунгурском и Пермском уездах, пермяки – в северо-западной части Соликамского и в Чердынском уезде, черемисы (мари) указаны в Красноуфимском уезде и в одном селении Кунгурского уезда. Автор карты отметил также мешеряков (в Екатеринбургском, Шадринском и Красноуфимском уездах, где они проживали вместе с башкирами и татарами) и тептярей (в Красноуфимском уезде в одних селениях с башкирами, татарами, мешеряками и живущих отдельно). Достоинством карты И.Г. Остроумова явилось отражение на карте смешанных селений. Эта карта была удостоена серебряной медали на всероссийской выставке.

Известный пермский краевед, статистик, картограф, действительный член РГО и земский деятель И.Я. Кривошеков (1854–1916) в 1895 г. составил «Карту Соликамского уезда Пермской губернии» [11] и указатель к ней [15]. В основу карты положены личные наблюдения автора и сведения Соликамской уездной земской управы. В тридцати шести волостях Соликамского уезда (из сорока девяти) отмечены русские и в тринадцати – коми-пермяки. И.Я. Кривошеков отразил на карте все села уезда, в том числе селения «иноверцев» и села с русским населением. Однако селения со смешанным населением на карте отдельно не выделены.

Анализ этнодемографических картографических источников и сопоставление их со статистическими данными позволяет получить более наглядную и точную картину расселения различных народов Пермской губернии во второй половине XIX в. Сравнение карт разных авторов, относящихся к различным десятилетиям изучаемого периода, позволяет сделать более обоснованный вывод о том, что большинство народностей губернии в течение длительного времени (в том числе и в пореформенный период) сохраняли прежний ареал расселения. Картину расселения различных народностей, проживающих на территории Пермской губернии, незначительно изменили миграционные и ассимиляционные процессы. Ареалы расселения в данную эпоху приобрели стабильность и почти не менялись. Этнографические карты, составленные высокопрофессиональными специалистами, являются уникальным историческим источником по этнодемографической истории Пермской губернии. Они допускают единовременный обзор территории в любых пределах, создавая про-

странственный образ отображаемых явлений, содержат их необходимые количественные и качественные характеристики. Карты помогают выявить закономерности и особенности размещения крестьянского населения по этническому признаку, определить основные ареалы расселения различных народностей, уловить связь природно-географических особенностей края с этнодемографическими факторами.

Источники и литература

1. Список населенных мест по сведениям 1869 г. Издан ЦСК МВД. СПб., 1875. Т. XXXI Пермская губерния. Пермь, 1903.
2. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. I; 1872. Ч. II.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. А. Тройницкого. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1905.
4. Кабузан В.М. Источники для составления карт этнического состава населения России XVIII – пер.пол. XIX в. // Вопросы географии. Сб. 83. 1970. С. 128.
5. Списки населенных мест Пермской губернии за 1904 г. Издание Пермского губернского земства. Пермь, 1905.
6. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Вып. 3. Петроград, 1916.
7. Регули А. Этнографическо-географическая карта Северного Урала (1846) // Библиотека РАН. Картографический отдел.
8. Кеппен П.И. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1852.
9. Риттих А.Ф. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1874 // РГБ. Картографический отдел.
10. Остроумов И.Г. Этнографическая карта Пермской губернии. СПб., 1891 // РГБ. Картографический отдел.
11. Кривошецов И.Я. Карта Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь, 1895.
12. Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1853; Он же. Список инородцам Европейской России с показанием губерний. СПб., 1852.
13. Риттих А.Ф. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1874 // РГБ. Картографический отдел; Он же. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. Спб., 1875.
14. Остроумов И.Г. Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Т. XIII. Вып. II. Екатеринбург, 1891–1894. С. 150–153.
15. Кривошецов И.Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1897.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

II Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии (Информационное письмо)

Уважаемые коллеги!

23–27 ноября 2020 г. в г. Сыктывкаре (Россия, Республика Коми) состоится II Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и регионов в исторической ретроспективе».

На конференции предполагается обсудить следующие основные проблемы:

- 1) История, современное состояние и практическая значимость историко-демографических и историко-географических исследований.
- 2) Источники для проведения историко-демографических и историко-географических исследований, методика их анализа, возможности публикации.
- 3) Демографические и этнические процессы в древности и средневековье.
- 4) Общее и особенное в историко-демографическом и историко-географическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время.
- 5) Современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития.

Специальная тема конференции – влияние этнических и демографических процессов на освоение и развитие Арктики и субарктических территорий России и других стран Европы и Северной Америки. Конференция – многофункциональная площадка для обсуждения различных вопросов, связанных с историческим опытом, современным состоянием и перспективами развития Севера.

В работе форума предусмотрены пленарные и секционные заседания, дискуссионные площадки, серия выставок, встречи ведущих ученых (историков, этнополитологов, демографов, этнографов, географов и др.) с журналистами, обширная этнокультурная и историко-культурная программа. Рабочие языки конференции: русский и английский.

Просим до **1 апреля 2020 г.** прислать в секретариат конференции по электронной почте заявку на участие. В заявке необходимо указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание, место работы (без сокращений), должность, почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон, тему Вашего доклада, предполагаемую форму участия: очную (устный доклад) или заочную (постер-доклад) и приложить тезисы на русском языке (объемом до 3000 знаков, в свободной форме). Решение о включении доклада в программу будет приниматься оргкомитетом после рассмотрения тезисов. Тезисы не публикуются. Оргкомитет конференции до 1 мая 2020 г. извещает о результатах рассмотрения заявки. Тексты включенных в программу конференции докладов (объем до 20 000 знаков, включая пробелы) должны быть присланы в оргкомитет в электронном виде до **1 июня 2020 г.** Своевременно поступившие тексты докладов будут изданы к открытию конференции в журнале «Историческая демография» (<http://illhkomisc.ru/library/nauchnyezhurnaly>).

Тексты докладов следует оформить строго в соответствии с правилами для авторов научного журнала «Историческая демография». Оргкомитет оставляет за собой право отклонить тексты, не соответствующие тематике конференции или подготовленные не на должном научном уровне.

Почтовый адрес секретариата конференции: 167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю оргкомитета II Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии к.и.н. Вишняковой Дарье Викторовне, электронный адрес: vishnyakova_dari@mail.ru.

II съезд историков Республики Коми (Информационное письмо)

31 марта - 4 апреля 2020 г. в г. Сыктывкаре состоится II съезд историков Республики Коми «Север: народы, культуры, территории, Государство». Съезд приурочен к 50-летию со дня организации (1 апреля 1970 г.) Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН – ведущего исследовательского центра в области финно-угроведения и гуманитарного североведения на Европейском Северо-Востоке Российской Федерации. В рамках съезда будут проведены международные и всероссийские симпозиумы по ряду актуальных проблем истории и культуры Севера.

Работу съезда предполагается вести по следующим основным направлениям:

- Регионалистика, регионоведение и краеведение в России и мире: проблемы, методы, практическая значимость для стран и регионов.
- Источниковедение и историография истории и культуры Севера.
- Историческая демография и историческая география Севера.
- Формирование этнокультурного пространства Севера (по данным истории, этнологии, фольклора, языкознания и литературоведения).
- Древняя и средневековая история Севера: синтез археологических, лингвистических, антропологических, исторических и естественнонаучных источников.
- Политическая и социально-экономическая история северных территорий в Новое и Новейшее время: общее и особенное.
- Политические, социально-экономические и этнодемографические процессы на Севере в XXI веке: современное состояние и перспективы развития (по данным социологии и политологии).
- Модернизационные процессы в образовательной и просветительской деятельности.

Заявки на участие в работе съезда с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, места работы (без сокращений), должности, почтового адреса, адреса электронной почты, контактного телефона, темы доклада, формы участия (очной с устным докладом или заочной с постер-докладом) будут приниматься до **1 февраля 2020 г.** по адресу: 167982, Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, оргкомитет II съезда историков Республики Коми, или по электронной почте history@mail.illhkomisc.ru. Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладов для включения в программу и распределения докладов по направлениям и симпозиумам.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 17.12.2018.

Уч.-изд. л. 10,25. Тираж 300 экз. Заказ № 129.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.